

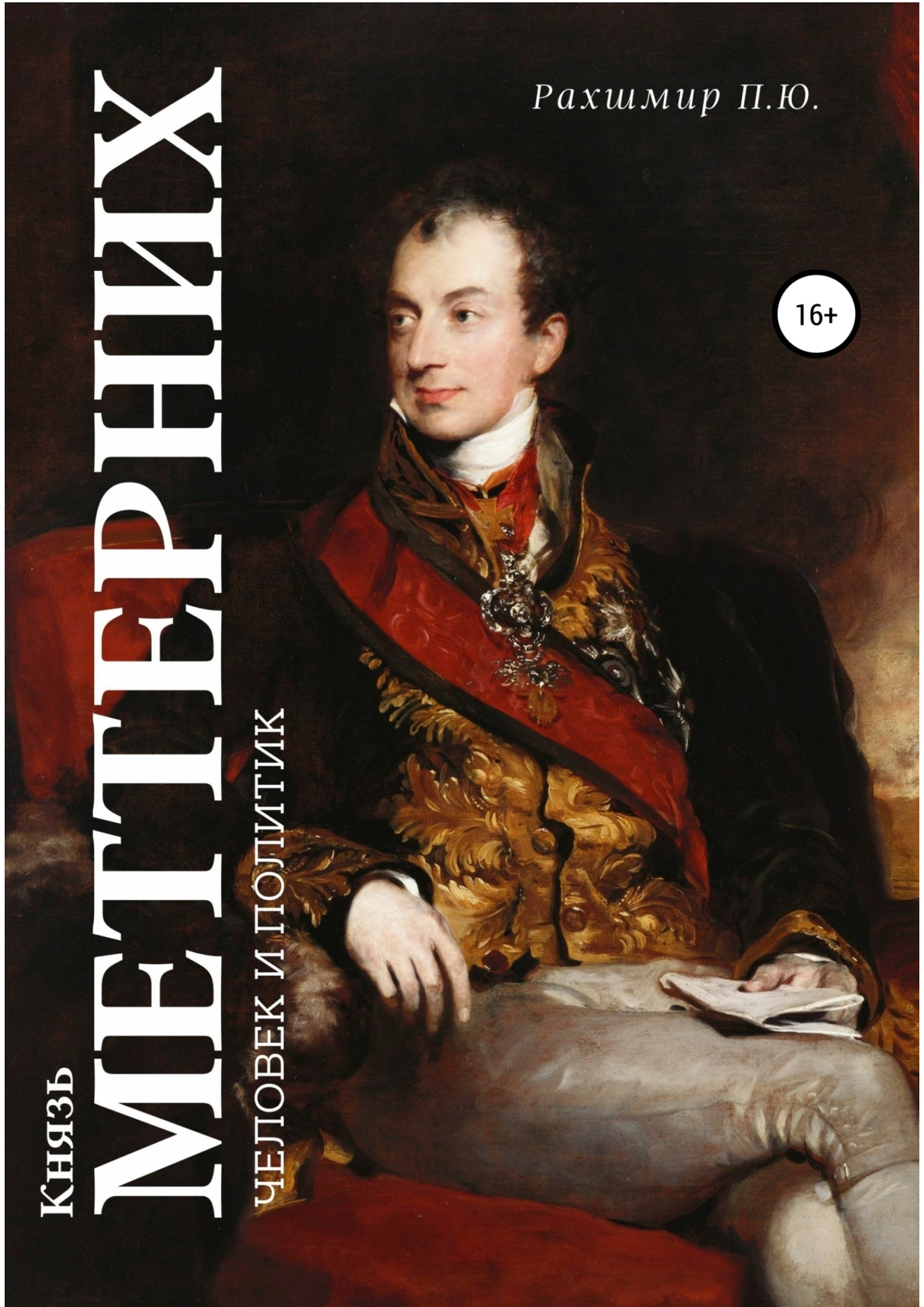
КНЯЗЬ

МЕТТЕРНИХ

ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИК

Рахмир П.Ю.

16+

Павел Рахшмир

**Князь Меттерних:
человек и политик**

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Рахшмир П. Ю.

Князь Меттерних: человек и политик / П. Ю. Рахшмир —
«ЛитРес: Самиздат», 2004

ISBN 978-5-532-96302-3

Почти четыре десятилетия австрийский канцлер князь К.-В.-Л. Меттерних (1773—1859) являлся одним из главных действующих лиц на европейской политической сцене. Он был «главным режиссером» знаменитого Венского конгресса 1815 г. Его называли «первым министром Европы». О времени с 1815 по 1848 г. до сих пор говорят как об эпохе Меттерниха. К самым интересным эпизодам биографии князя относятся его не поддающиеся однозначной оценке отношения с Наполеоном. Драматическими коллизиями насыщены и его отношения с российскими императорами Александром I и Николаем I. С Россией князя связывала не только политика, но и любовь. Внучка Бирона, жена Багратиона, сестра Бенкендорфа — таков букет героинь российских романов любвеобильного князя. Книга будет полезна не только для историков-специалистов, но и широкому кругу читателей, интересующихся европейской историей.

ISBN 978-5-532-96302-3

© Рахшмир П. Ю., 2004
© ЛитРес: Самиздат, 2004

Содержание

Об авторе	5
От издателя	7
Введение. Человек, давший имя эпохе	8
I	8
II	13
Глава I. Выбор судьбы	20
I	21
II	25
III	31
IV	36
Глава II. Парижские университеты	41
I	41
II	46
III	53
IV	57
Глава III. «...счастливая Австрия, заключай браки»	64
I	64
II	69
III	77
Глава IV. «...в Бонапарта гусиное перо направил Меттерних»	87
I	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Павел Рахшмир

Князь Меттерних: человек и политик

Об авторе

Павел Юхимович Рахшмир родился 18 июля 1935 г. на Украине, в городе Каменец-Подольском Хмельницкой области. В 1958 г. окончил историческое отделение историко-филологического факультета Пермского государственного университета (ПГУ). В 1975 г. защитил докторскую диссертацию и получил степень доктора исторических наук.

Является ведущим преподавателем историко-политологического факультета ПГУ, читает основные курсы по новейшей истории стран Запада, истории политической мысли, философии политики. Им разработаны нашедшие признание в отечественной и зарубежной научной среде типологии фашизма и консерватизма, раскрыты общие и особенные черты западноевропейской, американской и российской консервативной традиции, политические и ценностные предпосылки консенсуса между консерваторами и либералами.

Автор более 150 научных публикаций. В 1989–1991 гг. был членом экспертного совета ВАК СССР по всеобщей истории. С 1995 г. возглавляет центр исследований по консерватизму

при ПГУ, который регулярно проводит международные конференции по проблемам консерватизма. В 1997 г. награжден орденом Почета.

Рецензенты: д-р ист. наук профессор Московского государственного института международных отношений (Университет МИД РФ) М. М. Наринский; кафедра всеобщей истории Пермского государственного педагогического университета.

От издателя

Павел Юхимович Рахшмир – ученый, чьи труды известны и в России, и за рубежом. Автор более 150 научных работ, создатель и научный руководитель центра по исследованиям консерватизма при Пермском государственном университете – он является одним из крупнейших специалистов по проблематике идейно-политических течений. Не случайно за консультациями к профессору Рахшмиру регулярно приезжают аспиранты из Великобритании, Германии, Финляндии, США и других зарубежных стран.

При всей своей академичности работы П. Ю. Рахшмира написаны живым языком и легко могут быть восприняты даже не специалистами в области исторической или политической науки. Автор, по его собственному определению, использует историко-биографический подход. Любой открывший книгу П. Ю. Рахшмира имеет возможность не просто получить информацию, но и погрузиться в историческую среду, словно становясь свидетелем жизненных перипетий деятелей прошлого. Благодаря глубочайшим историческим познаниям автора читатель может разглядеть многие обстоятельства, в действительности предопределявшие поступки и мысли великих людей. В конечном счете, как считает профессор Рахшмир, историко-биографический подход помогает проникнуть в глубинные индивидуально-психологические пласты бесконечного мира политической мысли.

В таком ключе написана и книга П. Ю. Рахшмира «Князь Меттерних: человек и политик». Особая ценность монографии заключается в том, что автор проводит глубокие аналогии между историческим прошлым и современным состоянием политико-философской мысли. В результате книга способна пролить свет на многие широко обсуждаемые современные международные политические и правовые проблемы, такие как европейская интеграция, борьба за мировое лидерство и многие другие.

Введение. Человек, давший имя эпохе

I

Князю Клеменсу Венцелю Лотару Меттерниху принадлежит видное место в европейской истории. Немногие дипломаты и государственные деятели удостоивались такой чести, чтобы с их именем связывали целую эпоху. Среди этих избранников истории и австрийский канцлер. В течение почти 39 лет он стоял у руля внешней политики Австрийской империи. Его называли дирижером «концерта европейских держав», «первым министром Европы» и т. п. «Веком» или «эрой Меттерниха» многие историки и публицисты именовали эпоху с 1815 по 1848 г., между «веком Наполеона» и Бисмарка.

Каждый крупный политический деятель вступает в особые отношения с тем временем, которое с ним ассоциируется. Одни ускоряют ключевые тенденции времени, другие, наоборот, тормозят их. Далеко не всегда то и другое свершается продуманно, с сознательной целью. Но это не относится к Меттерниху. Характерной чертой его политики было четко артикулированное стремление противостоять напору времени, сохранить существующее положение вещей в Австрийской империи и в Европе. Есть достаточно оснований считать его идеальным воплощением классического консерватора, не упуская при этом из виду, что индивидуальное, единичное на практике всегда богаче, многообразнее типологизирующей мысленной конструкции.

Сама жизнь Меттерниха – это целая полоса европейской истории, охватывающая без малого столетие (1773–1859 гг.). В той или иной мере он творил историю и стремился ее осмыслить. «Я отношусь к людям, которым была дарована редкая судьба: я жил в поворотное время всемирной истории и пережил его»¹, – писал князь в своем политическом завещании. «Я делал историю, – продолжал он, – и поэтому у меня не находилось времени для того, чтобы ее писать»². Действительно, решение этой, последней задачи он предоставил другим. Но, будучи человеком, «охочим до пера», канцлер неоднократно и порой довольно пространно излагал свое видение истории и свое понимание политики. В его обширном письменном наследии прослеживаются элементы и философии истории, и философии политики.

«Меттернихиана», или, благозвучнее, «Клеменсиана», стала складываться еще при жизни князя. О нем писали услужливые апологеты, не молчали и многочисленные враги. За более чем полтора столетия отложился солидный историографический массив, анализ которого потребовал бы написания специальной монографии. Интересно, что эволюция «Клеменсианы» во многом отражает характер ее героя. В ней практически нет каких-то заметных всплесков (даже юбилейных), историографический процесс протекает сравнительно ровно, в ритме, соответствующем темпераменту князя.

Некоторое оживление отмечалось в связи с проблемами мирного урегулирования после двух мировых войн и попытками создания некоего устойчивого миропорядка. Тогда неизбежно возникали ассоциации и параллели с Венским конгрессом. Вспоминают о Меттернихе и в наши дни, когда мировое сообщество пытается найти альтернативную модель ушедшей в прошлое двухполюсной системе международных отношений.

Жизнь и деятельность Меттерниха привлекала таких выдающихся историков XIX в., как О. Лоренц, Г. Трейчке, Г. Зибель, А. Сорель. Многие из авторитетных исследователей, особенно в области международных отношений, не обошли Меттерниха своим вниманием и в XX столетии. Из множества посвященных ему произведений выделяется монументальный труд

¹ Aus Metternich's Nachgelassenen Papieren (в дальнейшем NP). Wien, 1883. Bd. 7. S. 641.

² Ibidem.

известного австрийского историка Генриха фон Србика, увидевший свет вскоре после Первой мировой войны (1925 г.). По масштабности подхода и многообразию поднятых проблем ему до сих пор нет равных.

При всей научной добросовестности Г. фон Србик не избежал искуса апологетики. Конечно, речь идет не о примитивном восхвалении героя исследования, замалчивании не красящих его деяний и черт характера. Просто, следуя известному принципу Леопольда фон Ранке о необходимости симпатии историка к объекту исследования, Г. фон Србик часто заходит слишком далеко в этом направлении.

Главным оппонентом Г. фон Србика выступил другой австрийский историк Виктор Библь, чью позицию с абсолютной ясностью выражает название его книги «Меттерних. Демон Австрии» (1936 г.).

Между этими двумя полюсами, обозначенными фигурами Г. фон Србика и В. Библия, располагается основной набор ценностных суждений, хотя встречаются и такие, которые по своей крайности превосходят отмеченные пределы.

В целом резко критически настроенных по отношению к Меттерниху авторов гораздо больше, чем тех, кто воспринимает его с той или иной степенью благожелательности. На него обрушивались революционеры и радикалы, либералы и всякого толка националисты. Его имя стало символом махровой реакции и иммобилизма. Образ князя (кстати, во многом с его собственной подачи) ассоциировался с пауком, ткущим из венской канцелярии свою сеть, опутывающую всю Европу. Своими делами и словами, своим поведением Меттерних давал немало поводов для таких характеристик, как «салонный Адонис», «великая посредственность», «блестящий дипломат, но заурядный политик», «острый диагност, но плохой лекарь» и т. д. Называли его и «Мефистофелем», и «самым ненавидимым человеком в Европе».

Однако уже Первая мировая война и ее последствия побудили некоторых аналитиков по-иному взглянуть на канцлера и его соратников по кабинетной дипломатии. «Его забота о мире в Европе, его отказ воспринимать крикливые требования националистов, – по словам видного британского историка» Э. Л. Вудворда, – в значительной мере могут компенсировать его односторонность и некоторые из его ошибок»³. В книге другого английского автора, Сесилия, появившейся за несколько лет до Второй мировой войны, подчеркивалось, что «система Меттерниха покоилась на эффективном сотрудничестве великих европейских держав», и вообще «ни один другой государственный деятель нового времени не обладал в такой мере чувством Европы»⁴.

Не могло не всплыть имя Меттерниха и в связи с европейской интеграцией после Второй мировой войны. Учесть меттерниховский опыт предлагал, в частности, консервативный американский историк и литератор Вирек. Он убеждал в необходимости подходить к деятельности австрийского канцлера без предрассудков. Совсем не нужно обелять князя, однако следует «извлечь из его политического опыта то, что все еще представляет ценность»⁵. Это, по мнению Вирека, тем более важно, что Меттерних был «единственным практическим политиком, обладавшим даром философского обобщения»⁶. Опыт двух мировых войн, во многом спровоцированных столь ненавистным для канцлера национализмом, свидетельствует, на взгляд Вирека, о том, что Меттерних ближе западной культуре, чем его враги, такие как карбонарии или барон фон Штейн⁷.

³ Woodward E. L. Three studies in European conservatism. L., 1929. P. 107.

⁴ Cecil A. Metternich. L., 1943. P. 31, 32. (1-е изд. 1933).

⁵ Viereck P. Conservatism revisited. N. Y., 1962. P. 22. (1-е изд. 1949).

⁶ Ibid. P. 31.

⁷ Ibid. P. 79.

Высокую оценку мирному урегулированию в постнаполеоновской Европе дал и только начинавший свою политическую карьеру Г. Киссинджер. В этом он видел заслугу Меттерниха. К несчастью для австрийского канцлера, отметил Киссинджер, «история второй половины XIX в. была написана его врагами, предавшими анафеме его принципы и политику, а его достижения приписали противоречивой смеси хитрости, удачи, посредственности и некомпетентности противников, не объясняя, каким образом такой человек ухитрился наложить отпечаток на свое время»⁸.

И хотя пророчества князя, любившего сравнивать себя с Нострадамусом, сбывались не так уж часто, одно из них, пусть и не в полной мере, стало осуществляться. Не один раз Меттерних говорил о том, что историкам потребуется по меньшей мере столетие, чтобы понять и оценить по достоинству его историческую роль. Действительно, с течением времени стали стираться ситуационные моменты деятельности канцлера, рельефнее вырисовываются, если так можно сказать, структурные элементы его подхода к политической проблематике. На фоне ужасающего опыта XX в., с его мировыми войнами, Освенцимом и Гулагом, тоталитарными вождями, полицейский режим Меттерниха может показаться чуть ли не идиллией и образцом правового государства, а сам князь – гуманистом или, по крайней мере, строгим блюстителем правовых норм.

Конечно, в «Клеменсиане» все еще доминирует традиционный, преимущественно негативный взгляд на ее героя, но все же ощущаются некоторые подвижки по направлению к Србику. Свидетельством тому может служить, в частности, увлекательная книга американки Дороти Макгиган «Меттерних и герцогиня» (1975 г.), посвященная самому бурному роману в жизни князя. Любовная история Меттерниха и герцогини Саган удачно вписана в обширный контекст европейской истории и базируется на богатейшем источниковом материале из архивов Чехословакии, Австрии, Франции и Великобритании. Благодаря общению с потомками персонажей своей книги, прежде всего с князем Паулем и княгиней Татьяной Меттернихами (княгиня – урожденная Васильчикова), князьями Людвигом Аладаром и Йозефом Виндишгрецами, графиней Эллен Медем и некоторыми другими Д. Макгиган смогла непосредственно соприкоснуться с семейными традициями, получить уникальную информацию, познакомиться с редкостными иконографическими материалами, часть которых воспроизведена в иллюстрациях к ее книге.

У Д. Макгиган австрийский канцлер при всех своих недостатках предстает истинным европейцем, для которого высшей ценностью является мир. Он совсем не похож на созданный его противниками образ крайнего реакционера. Д. Макгиган приводит слова Меттерниха, сказанные им в июне 1836 г. ее соотечественнику, американскому ученому Дж. Тикнору: «Я умерен во всем, и я стремлюсь быть более умеренным... Но меня очень часто не понимают. Меня считают великим абсолютистом в политике. Но я не таков. Это верно, что я не люблю демократии; демократия – везде и всегда принцип, влекущий за собой разложение; в ней заключена тенденция к разделению людей, ослаблению общественных уз. Это не соответствует моему характеру. Мой характер и мои привычки конструктивны»⁹.

Весьма сбалансированный и тщательно выписанный портрет Меттерниха дает известный французский историк, глубокий знаток европейской истории XIX в. Гийом де Бертье де Совиньи. Его жизнеописание князя (1986 г.) – итог многолетних исследований – отличается редкостной объективностью и обилием архивных источников. Ему удалось в значительной мере преодолеть определенную ограниченность интерпретаций Меттерниха и его политики, которая характерна для различных национальных школ европейской историографии и разных течений

⁸ Kissinger H. A. A World restored. N. Y., 1964. P. 319.

⁹ McGuigan D. G. Metternich and the Duchess. N. Y., 1975. P. 512–513.

исторической мысли. Можно сказать, что к «первому министру Европы» французский историк подходит с широких, подлинно европейских позиций.

В его глазах Меттерних «совсем не похож на страшилище традиционной либеральной мифологии, на смесь из Люцифера и Макиавелли, Торквемады и фанфарона». Скептически относится французский историк и к автопортрету князя как «непогрешимого оракула, гения, парящего над слабыми человеческими существами, поборника Истины и Права (скалы порядка)»¹⁰.

В реальности, убежден Г. де Бертье де Совиньи, все обстояло гораздо прозаичнее. Меттерних представлял собою «человека доброй воли и здравого смысла, великолепно осведомленного о личностях политиков и политических проблемах своего времени, искушенного во всех тонкостях дипломатического манипулирования, в гораздо меньшей степени доктринера и в значительно большей мере оппортуниста и реалиста, чем это может показаться на первый взгляд»¹¹. В конечном счете герой книги французского ученого «остается, несомненно, масштабной исторической фигурой, поскольку в нем воплощалась тенденция политической мысли и практики его времени»¹².

Во многом сближается с Г. фон Србиком автор одной из последних биографий Меттерниха, специалист в этом жанре, британец Десмонд Сьюард. Его книга увидела свет в 1991 г., когда Европа стала обретать новый, посттоталитарный облик. «Возникновение в 1990-х гг. объединенной Европы, наряду с распадом Российской империи, в Центральной и Восточной Европе придает актуальность наследию Меттерниха»¹³ – утверждает Сьюард. По его мнению, меттерниховская формула легитимности (за вычетом династического элемента) и традиции могла бы оказаться полезной в Центральной Европе, где, как и в Европе после 1815 г., любые не обеспеченные мирными переговорами изменения границ 1945 г. чреватые ужасными последствиями»¹⁴. К сожалению, понятные опасения британского историка оправдались. Легитимность, по Меттерниху, как подчеркивает Сьюард вслед за Киссинджером, – результат принятия, а не навязывания. Что же касается традиции, то в основе ее, на взгляд князя, национализм сугубо культурный, а не расистский¹⁵. Либералы же были врагами Меттерниха потому, что либерализм означал для него революцию и войну. «Великими врагами» князя были также «шовинистический национализм» и «мессианский социализм». В то время, когда Европа движется к единству, «стоит вспомнить о ненависти Меттерниха к войне и шовинизму, его вере в старую христианскую Европу и об его дипломатическом гении»¹⁶.

Проблематика, связанная с внешнеполитической стратегией Меттерниха, стала одним из стержневых элементов вызвавшей громкий резонанс книги Г. Киссинджера «Дипломатия» (1994 г.). Самого автора иногда называли учеником или последователем австрийского канцлера. Нетрудно обнаружить родство между киссинджеровской концепцией разрядки и меттерниховским эквилибром. Если в ранее упоминавшейся книге Киссинджера речь шла о сравнительно коротком периоде воссоздания европейского мира после наполеоновских войн, то теперь автор, успевший побывать главой внешнеполитического ведомства США, рассматривает проблемы формирования мирового порядка в глобальном ракурсе: от времен кардинала Ришелье до наших дней.

Среди творцов различных моделей миропорядка Меттерниху отводится существенная роль. При этом теорию и практику «европейского концерта» Киссинджер не привязывает

¹⁰ Bertier de Sauvigny G. de. Metternich. P., 1986. P. 496.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

¹³ Seward D. Metternich. The First European. N. Y., 1991. P. 270.

¹⁴ Ibid. P. 271.

¹⁵ Ibid. P. 271–272.

¹⁶ Ibid. P. 272.

исключительно к «веку Меттерниха». Он отмечает присущие ей универсальные черты, говорит и о соавторах австрийского канцлера. «Сила и справедливость гармонично дополняли друг друга. Установившееся равновесие уменьшало возможности применения силы; одинаковое представление о справедливости уменьшало желание ее применить»¹⁷, – так выглядят, по Киссинджеру, наиболее общие принципы этой системы.

Интересно отмеченное им сходство между Меттернихом и президентом Вудро Вильсоном. Австрийский канцлер оказался предшественником американского президента «в том смысле, что он верил, будто бы единая для всех концепция справедливости является предпосылкой сохранения международного порядка. Хотя, конечно, его представление о справедливости было диаметрально противоположно тому, которого придерживался Вильсон...»¹⁸. Если американский президент «считал, что демократии миролюбивы и разумны в силу самой своей природы, то Меттерних называл их опасными и непредсказуемыми. Видя страдания, в которые республиканская Франция ввергла Европу, Меттерних отождествлял мир с легитимным правлением. Он ожидал, что коронованные главы древних династий если и не удержат мир, то, по крайней мере, сохранят фундамент международных отношений. Таким образом, легитимность становилась цементом, скрепляющим здание международного порядка»¹⁹.

¹⁷ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 67.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 72.

II

Что касается отечественной историографии относительно Меттерниха, то она гораздо представительнее в период до 1917 г. Это вполне понятно, если учесть, какую роль играла тогда Австрийская, а затем Австро-Венгерская империя, рухнувшая почти одновременно с Российской. В последующее время австрийский канцлер фигурировал преимущественно в контексте дипломатической истории или в биографических трудах о таких его современниках, как Наполеон, Талейран, Дизраэли, написанных Е. В. Тарле, А. З. Манфредом, Ю. В. Борисовым, В. Г. Трухановским.

Имя Меттерниха в дореволюционной России было, как говорится, на слуху и обычно сопровождалось каким-либо ругательным эпитетом. Чаще всего о Меттернихе речь шла в многочисленных трудах, посвященных истории царствований Александра I и Николая I, а также международным отношениям, особенно «восточному вопросу». Биографии Меттерниха были написаны знаменитым российским литературным критиком Д. И. Писаревым (1861 г.) и публицистом Х. Г. Инсаровым (1905 г.); этим псевдонимом пользовался видный деятель болгарского и российского социал-демократического движения Х. Г. Раковский. К разряду специальных работ о князе можно отнести и книгу В. К. Надлера «Меттерних и европейская реакция» (1882 г.). Но, пожалуй, наиболее глубокое в отечественной историографии исследование о Меттернихе вышло из-под пера ученого широчайшего диапазона, можно сказать, одного из зачинателей российской политической науки, А. Д. Градовского. Его эссе, озаглавленное «Система Меттерниха», базировалось на проницательном анализе только что появившихся в 1880–1883 гг. семи (из восьми) томов документального, мемуарного и эпистолярного наследия князя.

Важно отметить, что и демократ Д. И. Писарев, и вполне благонамеренные, даже официозные авторы сходятся в резко негативных оценках личности австрийского канцлера и его политики. В глазах Писарева Меттерних выглядел ничтожеством уже в силу того, что пытался противостоять прогрессу: «Гениальные люди не становятся в оппозицию требованиям времени, потому что они в состоянии всецело понять эти требования и вынести их на своих плечах»²⁰. «Ум его не выходил из пределов мелкой изворотливости», – утверждал российский автор. «Наш дипломат, – пишет он далее о Меттернихе, – оказывается великим человеком на малые дела; он умеет подольщаться к отдельным шпцностям, но не умеет приобретать доверие и любовь целого народа»²¹.

Правда, к другому корифею дипломатии того же времени, Талейрану, Писарев относится еще суровее: «Талейран еще более Меттерниха пуст и мелочен и еще менее Меттерниха способен от отдельных фактов возвышаться до общих идей»²². Для Писарева австрийский канцлер – типичный и отнюдь не худший представитель мира династической кабинетной дипломатии, которому российский демократ выносит жесткий и беспощадный приговор: «Сходство тогдашних государственных людей с князем Меттернихом заключалось в том, что большая часть из них разделяла все его недостатки, не обладая мелкой изворотливостью и изобретательностью. Никто из тогдашних дипломатов не был специально приготовлен к своему делу; все они поступали на свои места или по праву рождения или по придворным заслугам; все они держались на своих высоких местах закулисными средствами, не имеющими ничего общего с государственной мудростью»²³. Австрийский же канцлер «душой и телом принадлежал к их

²⁰ Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 6-ти т. СПб., 1909. Т. 1. С. 582.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 588.

лагерю, стоял с ними под одним знаменем и обнаруживал при этом такую проницательность, догадливость и усердную предусмотрительность, которою не могли не дорожить все остальные деятели. О великих народных и человеческих интересах никто из них и не думал»²⁴.

Однако последующая история дала достаточно примеров того, что радители за «народные» интересы на дипломатическом поприще оказываются для народов (своих и чужих) неизмеримо опаснее, чем поборники династической дипломатии. Кроме того, поклонник тургеневского Базарова явно не учел, что степень подготовки к дипломатической деятельности у аристократов, даже любителей, была весьма высока благодаря домашнему воспитанию, традициям, знанию языков, врожденной светскости. Стоит вспомнить и об университетском образовании, причем весьма качественном, и у Меттерниха, и у Талейрана.

В сравнении с язвительно-критическим произведением Д. И. Писарева биография Меттерниха, написанная Х. Г. Раковским, выдержана в более объективных тонах, хотя ее герою выносится аналогичный вердикт. Место князя в серии «Жизнь замечательных людей», по мнению Раковского, неоспоримо: «Очевидно, что нельзя назвать обыкновенным человеком государственного деятеля, сумевшего в течение тридцати восьми лет не только поддерживать влияние такого шаткого государства, как Австрия, но и сделаться фактическим руководителем политики всей Европы»²⁵. Отмечены и сильные стороны личности Меттерниха, помогавшие ему в политической деятельности: «Сюда прежде всего относится его проницательность. Он отлично понимал людей. Он не мог оценивать их деятельности с точки зрения прогресса, в который не верил, но проникал в их намерения и побуждения»²⁶. Правда, в конечном счете Меттерних изображен проводником близорукой политики, сводившейся к девизу французской аристократии XVIII в.: «После нас – хоть потоп». «Целью политики в течение всей жизни, – писал Раковский о князе, – он ставил сохранение внешнего спокойствия, а что это могло повести к гибели Австрии, такое соображение не входило в его расчеты. Он воображал, что мира хватит на его век; а после его смерти – хоть потоп!»²⁷.

В изображении российских историков официозного толка Меттерних предстал личностью, в которой причудливым образом соединились пустота, тщеславие и коварство. Особый упор делался на то обстоятельство, что австрийцу удавалось одурманить честных и благородных российских императоров, использовать их в собственных корыстных интересах. «Меттерних думал спасти погибший, по его мнению, мир мелочными интригами, болтовней и обычной своей суетливостью»²⁸, – писал В. К. Надлер. Выдвинул он и традиционное обвинение: «Как бессовестно эксплуатировал Меттерних благородного, но слабого Александра для своих австрийских целей»²⁹.

Глубже и интереснее интерпретация Меттерниха, предложенная А. Д. Градовским. Он не отказывает князю ни в государственном разуме, ни в политическом искусстве, ни в наличии последовательного политического курса: «Князь Меттерних был человек весьма проницательный, и многие его замечания являются поистине пророческими; он был последователен, поскольку это зависело от него; он был настойчив, поскольку ему позволяли средства»³⁰. «Время, – писал российский ученый о Меттернихе, – было над ним бессильно. Совершались революции, падали династии, новые учения овладевали умами, новые потребности и стремления возникали со всех сторон – он оставался верен себе»³¹.

²⁴ Там же.

²⁵ Ришелье. Мирабо. Наполеон. Меттерних. Гарибальди. СПб., 1996. С. 257.

²⁶ Там же. С. 265.

²⁷ Там же. С. 362.

²⁸ Надлер В. К. Меттерних и Европейская реакция. Харьков, 1882. С. 212.

²⁹ Там же. С. 189.

³⁰ Градовский А. Д. Соб. соч. СПб., 1899. Т. 3. С. 547.

³¹ Там же.

В порхающем по салонам грансеньоре Градовский сумел распознать незаурядного государственного мужа с собственной политической философией. Он даже вступил по этому поводу в полемику с Надлером: «Документы, обнародованные теперь, показывают, что Меттерних вовсе не был таким "легкомысленным и ленивым" человеком, каким его обыкновенно выставляли. В этом отношении мы не можем согласиться с г. Надлером, отдавая полную честь его прекрасному труду»³².

Главную слабость политической философии Меттерниха и его «системы» Градовский видит в жесткой дихотомии. Для князя существуют только силы разрушения и сохранения, соответственно зла и добра, причем "зло" представлялось ему самому неизбежным. Канцлеру приходилось тратить силы исключительно на то, чтобы оттянуть неотвратимый крах. Деятельность такого рода, считал Градовский, «очевидно должна была привести к "пустоте", так как в ней не было ничего творческого и жизненного. Более плодотворною была бы, вероятно, деятельность, направленная к сочетанию исторических начал государств с новыми потребностями, разумными и законными, иначе говоря, к обновлению государственного устройства»³³. Вполне естественно предположить, что между "сохранением" и "разрушением" есть нечто третье, очень важное, в истории и в жизни, но всегда как-то ускользающее от политиков, подобных Меттерниху»³⁴.

Между тем мировоззренческая и стратегическая дихотомия соседствовала у Меттерниха с умеренностью, отвращением к крайностям как в жизни, так и в дипломатической практике. В письме своему ближайшему соратнику Ф. Генцу князь даже говорил о своей «повседневной борьбе против ультра всякого рода»³⁵. Конечно, Меттерних преувеличивал; порой он сам склонялся к позиции ультра. Однако в целом жесткость его стратегических установок почти всегда смягчалась тактической гибкостью.

Суть консервативной стратегии князя наиболее адекватно понимали российские политические мыслители консервативного склада К. Н. Леонтьев и Я. Данилевский. Оба были, каждый на свой лад, поборниками славянского единства, которому так последовательно противился австрийский канцлер. Так, Леонтьев высоко оценивал меттерниховский подход к греческому освободительному движению. «Из всех видных деятелей 20-х годов, – подчеркивал российский мыслитель, – только один Меттерних понял истинный исторический дух греческого восстания. Он один только "чувал", что в сущности это движение – все та же всемирная *эгалитарная* революция, несмотря на религиозное знамя, которым оно прикрывалось»³⁶. Даже если он, будучи австрийским министром, «боялся, что, потрясая и ослабляя Турцию, это движение греков слишком усилит (со временем) Россию, то такого рода частное политическое соображение чисто австрийского рода ничуть не уменьшает силы его общеисторической прозорливости. *Плоды национально-греческого движения оказались общедемократическими европейскими плодами*»³⁷.

На взгляд Леонтьева, «Меттерних понимал яснее других тайный дух и будущее значение этой национальной инзуррекции (т. е. восстания. – П. Р.) лишь потому, что он был защитником и представителем интересов *самого не племенного в мире государства*»³⁸. Его разум и инстинкт были особенно обострены, так как движения, подобные греческому, таили смертельную опасность для многонациональной (многоплеменной, по Леонтьеву) австрийской империи, где титульная нация составляла явное меньшинство. Имперский образ мыслей Леонтьева

³² Там же. С. 557.

³³ Там же. С. 568.

³⁴ Там же. С. 613

³⁵ Maximen des Fürsten Metternich. Herausgegeben von Breycha-Vauthier A. Graz; Wien; Köln, 1964. S. 78.

³⁶ Леонтьев К. Восток, Россия и славянство // Собр. соч. М., 1912. Т. 6. С. 211.

³⁷ Там же. С. 215–216.

³⁸ Там же. С. 211.

помогал ему лучше понимать проблемы, с которыми сталкивался канцлер Австрийской империи.

Особенно глубоким постижением специфики политического курса Меттерниха выделяется Н. Я. Данилевский. Российский культур-философ полемизирует с фактически общепринятой оценкой австрийского канцлера: «Обыкновенно Меттерниху отказывают в высших способностях государственного человека, утверждая за ним не более как славу ловкого дипломата, как за каким-нибудь Кауницем или Талейраном, на том основании, что будто бы он не умел оценить духа времени, не понимал силы идей и потому вступил с ними в неравную борьбу, окончившуюся после 33-летнего торжества совершенным распадом его системы еще при жизни его и чуть ли не гибелью Австрии»³⁹.

Далее Данилевский говорит, что не стал бы оспаривать распространенную точку зрения, если бы Меттерних следовал принципам своей системы, будучи правителем Англии, Франции, Пруссии, России, Италии, фактически любого государства, кроме Австрии. Все дело в том, убежден Данилевский, что Австрия «могла сохранить свое существование единственно под условием недеятельного сна. Что среди XIX века умел он (Меттерних. – П. Р.) длить этот сон целую треть столетия, – доказывает, что он понимал и дух времени, и силу идей; ибо без понимания своего врага не мог бы он так долго и так успешно с ним бороться»⁴⁰. Меттерних, по словам российского мыслителя, «не централист, не дуалист, не федералист. Он, как бы это выразить, – опиумист, что ли, – усыпитель, который вполне сознает, что Австрии предстоят только две альтернативы: или спать непробудным сном, быть погруженной в летаргию, или распасться и сгинуть с лица земли»⁴¹.

Меттерних противопоставляется императору Иосифу II, который «своими либеральными реформами неосторожно вносит дух жизни туда, где ему нет места». Канцлеру же императора Франца I «удается на время заморить или, по крайней мере, усыпить крепкою летаргией эту неосторожно пробужденную жизнь»⁴². Данилевскому Меттерних напоминает «доктора, имеющего дело с неизлечимым недугом и делающего чудеса искусства, чтобы продлить жизнь своего пациента»⁴³.

Примерно сто лет спустя весьма схожее суждение можно найти в ранней книге Г. Киссинджера. Действительно, Меттерниху было не под силу преодолеть такие ключевые тенденции времени, как либерализм и национализм, но благодаря выдающемуся дипломатическому мастерству он мог отсрочить неизбежное. Возможно, политику австрийского канцлера «следовало бы мерить не постигшей его в конце концов неудачей, а продолжительностью времени, на которое ему удалось отсрочить поражение»⁴⁴.

Из этого вытекает, что методы Меттерниха были адекватны стоявшей перед ним глобальной задаче. Ею было прежде всего сохранение большой многонациональной империи. Можно, конечно, упрекать канцлера, что он избегал сколько-нибудь серьезного реформирования Австрийской империи. Но неизбежно встает вопрос, а выдержала бы она испытание глубокой реформой?

Князь отнюдь не был «Дон-Кихотом легитимизма», как его нередко называли с легкой руки известного австрийского литератора А. Грильпарцера. Трудно сказать, была ли известна эта характеристика Ф. М. Достоевскому. Во всяком случае он ощущал изначальную противоположность между реальным и вымышленным персонажами. Интуитивно он судил вернее, чем

³⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 341.

⁴⁰ Там же. С. 341–342.

⁴¹ Там же. С. 339.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 342.

⁴⁴ Kissinger H. A. Op. cit. P. 174.

непосредственно наблюдавший князя австрийский поэт. Один из разделов «Дневника писателя» озаглавлен Достоевским по принципу антитезы «Меттернихи и Дон-Кихоты»⁴⁵. Первые ассоциировались с прозаическим холодным расчетом, а вторые – с бескорыстной безоглядностью, возвышенными намерениями.

Да, князь бросал вызов времени. «Я люблю все, что противостоит напору времени»⁴⁶, – не без кокетства писал Меттерних. Но ему совсем не подходит роль романтического героя. В его борьбе со временем отсутствовали возвышенный трагизм и героика. Ему, как замечает Киссинджер, «недоставало духу преодолеть тупик, возникающий при исторических кризисах, и способности глянуть на пропасть не с отстраненностью ученого, а как на вызов, который необходимо преодолеть или погибнуть»⁴⁷.

Меттерних так и оставался грансеньором, в конце концов уступившим «силе вещей». Говоря об интеллектуальных дарованиях Меттерниха, о широте его познаний, способности к обобщению и умении ценить детали, такой крупный государственный деятель и историк, как Франсуа Гизо, отказывал своему австрийскому коллеге в одном: «Свойством, которого ему явно не хватало, было мужество, я имею в виду смелость инициативы и предприимчивость». «Он, – продолжал Гизо, – не находил радости в борьбе и страх перед опасностью у него сильнее, нежели стремление к успеху, достигаемому такой ценой»⁴⁸. Приводя высказывание французского государственного деятеля, Г. фон Србик соглашается с ним. «У этой "чудесной природы", – говорит он о своем герое, – всегда отсутствовало величие: политическая страсть, железная энергия, созидаящая нечто новое творческая сила»⁴⁹.

Хотя кое-кто из авторов склонен демонизировать Меттерниха, но все же большинство писавших о нем делают упор на прозаичности его природы, сибаритстве, гипертрофированном самомнении. Слова Д. И. Писарева звучат едва ли не упреком: «В личности Меттерниха нет того мрачного величия, которое можно заметить в исторических фигурах Людовика XI французского, Филиппа II испанского, Генриха VIII английского, нашего Ивана IV»⁵⁰. С точки зрения российского демократа, «Меттерних был мелок в своих человеческих чувствах настолько же, насколько он был мелок и близорук в своих политических идеях и административных соображениях»⁵¹.

С мнением Гизо и Србика в основном совпадают выводы Г. де Бертье де Совиньи: «Меттерних, бесспорно, крупная историческая фигура... Но вряд ли его можно назвать великим человеком»⁵². В общем Меттерних «слишком благоразумен, чтобы быть истинно гениальным»⁵³. Его нельзя отнести и к разряду загадочных личностей: «Нет никакой "тайны Меттерниха"»⁵⁴.

И на самом деле, ему были чужды сильные страсти, он не испытывал никакого внутреннего разлада. Даже такой расположенный к нему биограф, как Г. фон Србик, признавал, что князю была свойственна прямо-таки гротескная вера в собственную непогрешимость. Он даже не ощущал того, что нередко выглядел смешным из-за непомерного самомнения.

У Меттерниха был счастливый характер не только потому, что он не вступал в противоречие с самим собой. Важно и другое. Будучи пессимистом по большому, стратегическому счету

⁴⁵ Достоевский Ф. М. Искания и размышления. М., 1983. С. 370–371.

⁴⁶ NP. Bd. 3. S. 336.

⁴⁷ Kissinger H. A. Op. cit. P. 332.

⁴⁸ Цит. по: Srbik H. R. von. Metternich. München, 1925. Bd. 1. S. 316.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Писарев Д. И. Указ. соч. С. 589.

⁵¹ Там же. С. 595.

⁵² Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 496.

⁵³ Ibid. P. 497.

⁵⁴ Ibid. P. 493.

(присущий консерватизму исторический пессимизм), он в повседневной жизни не терял оптимизма, отличался жизнелюбием, способностью наслаждаться всеми житейскими радостями. Преувеличенное представление о собственной значимости, несокрушимый апломб, неспособность признавать собственные ошибки все же не мешали ему быть любезным и обходительным, располагать к себе людей самого разного типа.

Было бы ошибкой поддаться внешнему впечатлению и считать его человеком поверхностным, недооценивать его интеллектуальный потенциал. Канцлер, несомненно, обладал задатками ученого; он отличался солидными познаниями во многих областях науки. Меттерних мог на равных общаться со светилами естественных наук и медицины. Его постоянно интересовали новейшие научные открытия.

В библиотеке князя уже в 1820 году насчитывалось 15 тысяч томов. У него были основания утверждать: «Моя библиотека содержит в себе весь мир»⁵⁵. К концу жизни князя количество книг в его библиотеке удвоилось. Жена правнука канцлера княгиня Татьяна Меттерних могла непосредственно познакомиться с впечатляющим наследием знаменитого предка, сконцентрированным в музее замка Кёнигсварт. «Его терпение и работоспособность, – пишет о прадеде своего мужа княгиня, – были, по-видимому, столь же ошеломляющими, как и широта и многосторонность его интересов. В музее содержалась Библиотека с тридцатью тысячами великолепно переплетенных книг, многие снабжены замечаниями, сделанными его рукой, и книги эти касаются любой из мыслимых областей знаний, включая естествознание, историю и археологию»⁵⁶. О его образе жизни, не боясь преувеличения, можно сказать: ни дня без строчки, ни дня без книги. Ему было о чем разговаривать и с Гете, и с Бальзаком.

Этому довольно прозаическому и прагматичному человеку была не чужда сентиментальность, которая особенно проявилась в его отношении к музыке. Она доставляла князю наслаждение, родственное чувственному, нередко вызывая слезы. Меттерних сам любил музицировать в качестве исполнителя и дирижера в любительских концертах. Явное предпочтение он отдавал итальянским композиторам. Немецкая музыка, в том числе бетховенская, не вызывала у него отклика, казалась ему грубоватой. Особенно он ценил искусство пения, и его сердце было безоговорочно отдано бельканто. У канцлера находилось время, чтобы поддерживать контакты с некоторыми композиторами. Одно из последних его писем (11 апреля 1859 г.) было адресовано его любимому Дж. Россини. «Мир нуждается в гармонии», – писал князь. «Вы не имеете права молчать»⁵⁷, – убеждал он оставившего творческую деятельность музыканта и приглашал его в гости в Йоханнисберг. В салоне Меттерниха давали концерты Паганини, Лист, Тальберг. Находившегося в изгнании старого князя навещал «король вальса» И. Штраус. С человеческой точки зрения Меттерних ставил артистов выше ученых: «Хотя с головой у них бывает не все в порядке, зато у них доброе сердце. Что же касается ученых, то у них дело обстоит наоборот»⁵⁸.

При всей многогранности его личности Меттерних интересен прежде всего как дипломат, политический деятель. Довольно быстро политика поглотила его, стала его жизнью. Вряд ли можно согласиться даже с таким авторитетным ученым, как Г. фон Србик, по мнению которого, Меттерниху был присущ внутренний дуализм: между государственным деятелем и частным человеком. У него не было такого неутолимого честолюбия, как у Наполеона, такой железной воли, как у Бисмарка. В отличие от «самых великих людей», чья жизнь заполнена общественной деятельностью, Меттерних, как подчеркивал Србик, любил предаваться насла-

⁵⁵ NP. Bd. 4. S. 538.

⁵⁶ Меттерних Т. Женщина с пятью паспортами. СПб., 1999. С. 166.

⁵⁷ NP. Bd. 8. S. 609.

⁵⁸ Lettres du prince de Metternich a la comtesse de Lieven. P., 1909. P. 235.

ждениям или находить удовольствие в семейном кругу. «Эти две половины его жизни никогда полностью не смыкались»⁵⁹, – заключает Србик.

Действительно, Меттерних – дитя утонченной аристократической среды, своего рода оранжерейное растение. Все это так. Тем не менее работал он по 15 часов в сутки. Наверное, ничто, кроме музыки, не могло отвлечь его от политики. Лучшим свидетельством тому является бесхитростный дневник его третьей жены, Мелани; и эта молодая женщина, чтобы быть рядом с мужем, сразу же с головой погрузилась в политический водоворот. Так что и семейная жизнь Меттерниха была неотделима от политики. Исключением можно считать, пожалуй, лишь очень кратковременный второй брак.

Сомнительно, чтобы политика поглощала Меттерниха меньше, чем Бисмарка. Дело скорее в том, что они принадлежали к разным эпохам, каждая из которых предъявляла к государственным мужам свои специфические требования. В соответствии с духом времени собственно дипломат в Меттернихе брал верх над политиком. По определению германского историка П. Родена, он принадлежал к «совершенному типу классического дипломата»⁶⁰. В отличие от Бисмарка, он мог игнорировать такие факторы, как буржуазия и массы. Или, во всяком случае, не слишком считаться с ними. Главным для него было расположение государя. Причем его деятельность выглядела не только служением государю и империи, но и своего рода таинством, священнодействием, недоступным пониманию непосвященных. Дипломат такого типа является «до такой степени дипломатом», что это становится его второй натурой, в результате чего внешнеполитические подходы и нормы он переносит и на внутривнутриполитические дела, трактуя их как международные проблемы.

Этот тип был обречен на исчезновение под натиском «века масс». Роден находит почувствованные слова для своеобразной эпитафии по Меттерниху: «Иногда природа еще раз с удивительной щедростью наделяет красотой обреченный на вымирание вид, так и "мировой дух" вознаградил последнего представителя классической дипломатии за то, что он до конца держался на посту, указанном ему происхождением и судьбой. Ему досталась награда, в которой отказывали "только дипломатам" до и после Меттерниха: веку дали его имя»⁶¹.

⁵⁹ Srbik H. R. von. Op. cit. S. 263.

⁶⁰ Rohden P. R. Die Klassische Diplomatie. Von Kaunitz bis Metternich. Leipzig, 1939. S. 261.

⁶¹ Ibidem.

Глава I. Выбор судьбы

I

Есть разные варианты начала биографического повествования. Можно попытаться сразу же заинтересовать читателя, создать вокруг книги ореол некой загадочности или начать с какого-то драматического эпизода, дающего ключ к психологии персонажа, его судьбе. Но в нашем случае, кажется, лучше бесхитростно и традиционно идти непосредственно от того, что принято именовать анкетными данными: дата и место рождения, происхождение, семейные связи. Они объясняют многие черты характера, выбор жизненного поприща, особенности карьеры нашего героя.

Хотя в жизни главного действующего лица книги было достаточно драматических ситуаций, резких поворотов, но все же прозаическое начало явно доминировало над романтическим. Это отнюдь не означает, что жизнь его была скучной и неинтересной; в ней было практически все, что может заинтересовать самого искушенного читателя. «История моей жизни, – говорил князь Меттерних, – не роман. Впрочем, и роман тоже». Ему же принадлежит высказывание, с которым нельзя не согласиться: «Моя биография может быть неблагоприятна для меня, но не должна быть скучна. Особенно те годы, в которые я разыгрывал шахматную партию с Наполеоном»⁶².

Когда 15 мая 1773 г. в семье графа Франца Георга Карла Меттерниха Виннебурга-Бейльштейна родился сын-первенец, вряд ли его родители могли помышлять даже в самых смелых предположениях о предстоящей ему карьере. Правда, не исключено, что где-то в глубинах подсознания его честолюбивой матери графини Беатрикс возникали неопределенные туманные мечты о блестящем будущем сына. Через сорок с лишним лет она даже припомнила некое знамение, предвещавшее будто бы ее сыну великое будущее. «Гроза в момент твоего крещения, – писала она сыну в феврале 1814 г., – была признаком того, что ты предназначен для величайших дел»⁶³.

Действительно, сын Франца Георга и Беатрикс взлетел чрезвычайно высоко, но для этого ему не пришлось обламывать крылья о сословные перегородки, выбиваясь из сил, карабкаться по ступенькам иерархической лестницы. Многое ему было дано от рождения. Фамилия Меттернихов-Виннебургов была занесена в «Золотую книгу» европейской знати. Истоки рода терялись в незапамятном прошлом. Не без доли самоиронии, но и не без явной сословной гордости Меттернихи хранили легенду о происхождении своей фамилии. По одной из версий, еще в эпоху Карла Великого, когда император оказался в трудном положении – вернулись к язычеству саксы, всюду восстания, мятежи, – он вспомнил о маркграфе Меттере. Тот не прибыл вовремя на выручку императору. Кто-то из окружающих предположил, что и он переметнулся к врагам, на что Карл будто бы убежденно воскликнул: «Metter – nicht!» И действительно, граф опоздал по уважительной причине: сражался с язычниками, сокрушая их идолов. Так и появилась фамилия Metternich. Другая версия относилась к временам германского короля Генриха Птицелова и тоже подчеркивала верность рода сюзерену⁶⁴.

Достоверные сведения о семействе Меттернихов-Виннебургов относятся к XVI в.⁶⁵, когда в период Реформации они сделали выбор в пользу католицизма и связали свою судьбу с династией Габсбургов. Один из ранних Меттернихов – Генрих – участвовал в сражении при Белой горе (1620 г.), где войска императора Фердинанда разбили чешских повстанцев.

⁶² Aus Metternich's Nachgelassenen Papieren (в дальнейшем NP). Wien, 1881. Bd. 3. S. 332.

⁶³ Цит. по: Corti E. C. Metternich und Frauen. Zürich; Wien, 1948. Bd. 1. S. 431.

⁶⁴ Tritsch W. Metternich. Glanz und Versagen. Berlin, 1934. S. 39–40; Grunwald C. de. La vie de Metternich. Paris, 1939. P. 18–19.

⁶⁵ См.: Regesten des Archive der Herrschaft Winneburg-BeFeilstein im Gesamtarchiv der Fürsten von Metternich im Staatlichen Zentralarchiv zu Prag Veröffentlichungen der Landesarchivverwaltung Rheinland-Pfalz. Koblenz, 1989. Bd. 53.

Наградой ему стало владение Кёнигсварт (Кинжварт) в Западной Чехии. Но носивший титул рейнграфа Меттерних предпочел оставаться в Рейнланде. Его брат Лотар стал архиепископом Трира, князем-электором Священной Римской империи, т. е. обладал правом участвовать в выборах императора. О Кёнигсварте Меттернихи вспомнили через полтора столетия, когда им пришлось бежать с берегов Рейна под напором Французской революции. В 1679 г. один из Меттернихов, Карл-Генрих, получил сан архиепископа Майнца и тоже был князем-электором.

В конце XVII в. Меттернихи обосновались в Кобленце. Здесь и родился Клеменс Венцель Лотар Меттерних – будущий государственный канцлер Австрийской империи. Первые два имени он получил от крестного отца, покровителя семейства Трирского архиепископа Клеменса Венцеля, а третье – тоже по имени Трирского епископа, своего предка. В Рейнланде прошли его детство и юность. Даже будучи первым после императора человеком в Австрийской империи, он ощущал себя больше рейнландцем, чем австрийцем. В одном из писем Доротее Ливен (1819 г.) он сравнивает Вену с любовницей, которая выматывает все силы и на чью любовь не хочется отвечать. «Рейн течет в моих жилах», – так в элегическом тоне писал сей государственный муж в конце своей жизни. Нигде не чувствовал он себя лучше, чем в своем рейнском княжеском домене Йоханнисберге, пожалованном ему императором Францем I.

Рейнланд – западная окраина империи Габсбургов – представлял собой своеобразный уголок Европы, где скрещивались разные политические и культурные влияния, сплав партикуляризма и космополитизма, потому что локальная рейнская специфика – это, в сущности, европейский дух, который был сильнее и германского, и имперского. Сама Габсбургская империя, пестрая, многонациональная, прививала знати аристократический космополитизм. Собственно австрийские, венгерские, чешские, рейнские, бельгийские аристократы составляли господствующий слой империи. Не случайно Талейран называл Австрию «европейской палатой пэров». Конечно, аристократический космополитизм не ограничивался пределами Габсбургской империи. Выходцы из знати чувствовали себя как дома практически при любом дворе. Их общим языком был французский. Это облегчало их миграцию, карьеру, особенно дипломатическую. При многих европейских дворах было принято считать, что дипломатическая служба – удел иностранцев, которые лучше знают за границу, имеют там широкий круг связей. Достаточно взглянуть на высший эшелон дипломатического корпуса России начала XIX в. Уже гораздо позднее, в начале своей дипломатической карьеры, Бисмарк жаловался, что ему, коренному пруссаку, трудно было пробиться через плотный ряд непруссаков.

Хотя Меттерних не раз кокетливо уверял, что на стезю дипломатии он был втянут скорее по стечению обстоятельств, чем по влечению души, его жизненный маршрут во многом был предопределен средой, воспитанием, а внешние обстоятельства послужили своего рода катализатором. Его отец в 1768 г. был назначен послом архиепископа при Венском дворе. Осторожный и флегматичный Франц Георг не дал втянуть себя в борьбу придворных группировок и даже снискал расположение могущественного канцлера В. А. Кауница (1711–1794 гг.). Флегматичность не мешала Францу Георгу быть весьма галантным кавалером и пользоваться успехом у дам. Он по праву считался знатоком придворного этикета, церемониала и всегда упорно добивался пунктуального соблюдения всех формальностей.

Благоволение Кауница способствовало его браку с графиней Марией Беатрикс Алоизией Кагенегг (1771 г.), семейству которой покровительствовала императрица Мария Терезия. От отца Клеменс унаследовал крепкое здоровье, а от матери – изысканную аристократическую красоту. Интеллектуально графиня Беатрикс значительно превосходила своего мужа. Она отличалась остроумием, изяществом стиля, великолепно писала по-французски. Лучше было не попадаться на ее острый язычок. Она использовала венские связи, чтобы содействовать карьере не очень энергичного мужа. В этом ей помогла дружба с незнатным, но влиятельным чиновником И. Г. Лейкамом, от которого зависели назначения по дипломатическому

ведомству. Ее связывали дружеские отношения с сыном Кауница и особенно его невесткой. Позднее это обстоятельство окажется судьбоносным для Клеменса.

Пока же в 1773 г., в том самом, когда родился будущий канцлер, его отец получил назначение имперским министром в Трире, Кельне и Майнце, а одновременно стал представителем Трирского архиепископа-электора Клеменса Венцеля в Вене. В 1778 г. его функции имперского представителя были распространены и на Вестфалию. Он прочно обосновался в Рейнланде. Отношения его с женой, видимо, складывались непросто. Перед Клеменсом в 1771 г. родилась дочь Полина, через год после сына-первенца появился его брат Иосиф, «добрый Пепе», чья жизнь прошла совершенно незаметно. Родив в 1777 г. быстро умершего Луи, Беатрикс больше не рожала, хотя частые роды в те времена были обычным делом. Скорее всего, она разочаровалась в муже, человеке инертном и ограниченном. В Вене он нередко бывал предметом насмешек. Будущий соперник Клеменса граф И. Ф. Штадион называл его отца в письме к императору Иосифу II (1785 г.) болтливым занудой. В 1791 г. Франц Георг был назначен полномочным министром в австрийских Нидерландах. Штатгальтерская чета, герцог Саксен-Тешенский Альберт и эрцгерцогиня Мария Кристина, просила императора Леопольда II – брата эрцгерцогини – направлять депеши непосредственно им, так как имперский министр не удосуживался передавать их вовремя. Не справлялся он и с дипломатической перепиской, будучи, в отличие от сына, не в ладу с пером.

Поскольку муж не оправдал ее ожиданий, Беатрикс посвятила себя старшему сыну. «Мать – друг всей моей жизни»⁶⁶, – признавался Меттерних уже в зрелом возрасте. Для нее он – возможность реализовать неосуществившиеся честолюбивые мечтания. Внешне и духовно Клеменс был сыном своей матери. С детства он привык ощущать себя красавчиком, у него рано формируются задатки будущего салонного льва. Клеменс блестяще владел искусством нравиться, умел очаровывать, и притом не только дам. Силу его обаяния испытывали многие даже поначалу неприязненно настроенные к нему люди.

От матери Клеменс унаследовал склонность и дар (у нее нераскрывшийся) к интриге, умение облекать свои мысли в изысканную форму. Ей он во многом обязан пониманием тонкостей светской жизни, роли женщин и в свете, и в политике. Что касается последнего, то Беатрикс могла показать это на свежем примере императора Иосифа II (1741–1790 гг.), который в последние годы жизни много часов провел в кружке из пяти избранных венских великосветских красавиц. Биографы Меттерниха в этой связи часто приводят и совет из письма Франца Георга сыну, чтобы тот не пренебрегал в салонах пожилыми дамами, уделял им внимание, был любезен с ними. Но швейцарский историк Э. Корти справедливо полагает, что Франц Георг давал этот совет со слов жены⁶⁷. Вместе с искусством нравиться мать развила в нем умение приспособливаться к разным обстоятельствам. «Если вы находитесь в Германии, восхищайтесь германской музыкой, во Франции – французской»⁶⁸, – советовала она ему. Беатрикс переписывалась с сыном на французском языке, помогая ему оттачивать стиль. Клеменс настолько преуспел в этом, что отец забеспокоился, не скажется ли это негативно на его владении немецким языком. «Необходимо, – наставлял он сына, – чисто говорить и писать на родном языке. И чтобы пользоваться им, я буду вести нашу переписку по-немецки»⁶⁹. Не менее важно и другое. В отличие от многих отпрысков аристократических семейств, о которых поглощенные светской жизнью родители просто-напросто забывали, передоверив их попечению кормилиц и гувернеров, Клеменс вырос окруженный материнским теплом и заботой. Этим объясняется, видимо, его ровный характер, доброжелательное отношение к окружающим и, самое главное, то, что

⁶⁶ NP. Bd. 4. S. 419.

⁶⁷ Corti E. C. Op. cit. S. 19.

⁶⁸ Grunwald C. de. Op. cit. P. 21.

⁶⁹ Fink H. Metternich. Staatsman, Spieler, Kavalier. München, 1989. S. 15.

его соратник и друг Генц назвал «талантом к счастью». Он умел наслаждаться большими и малыми радостями жизни, почестями, роскошью, любовью многих женщин, музыкой, произведениями искусства, интересной беседой, избегая по мере возможностей драматических коллизий, нервных потрясений. Ему были чужды страстные порывы, глубокие чувства; их заменили сентиментальность, чувствительность. Слезы легко и часто выступали у него на глазах, чтобы мгновенно высохнуть. Наверное, это облегченное восприятие жизни – одна из важнейших причин его долголетия.

Клеменс получил весьма приличное домашнее образование. Его отец, масон, вольный каменщик, придерживался широких взглядов на воспитание и прибег к услугам аббата-католика и профессионального педагога-протестанта. Тогда были в моде педагогические методы Базедова-Кампе. Учитель младших Меттернихов Симон был не просто последователем, но и родственником Кампе. Будучи поклонником Руссо, он познакомил воспитанника с идеями Просвещения. Хотя до восприятия Руссо юный Клеменс не дошел, но Вольтер на всю жизнь оставался его любимым автором. Элементы вольтерьянского просвещенческого рационализма навсегда вошли в его мировоззрение. Хотя веры в бога он не утратил, но религиозные проблемы сами по себе мало его занимали. Базедовский метод воспитания предполагал особое внимание к физическому воспитанию, и Клеменс научился хорошо плавать, ездить верхом, фехтовать. Все это позволило ему долго сохранять осанку и элегантный вид.

В предреволюционном 1788 году Клеменса отправили в Страсбургский университет. Выбор был не случаен. Он в известной мере свидетельствовал о том, что юношу решили готовить к дипломатической карьере. Школа профессора К. В. Коха, специалиста по международному праву, пользовалась известностью за пределами Страсбурга. Здесь же работал крупный историк Шлёцер. Среди учеников Коха такие фигуры, как Талейран, будущий баварский министр иностранных дел граф Монжеля, Бенжамен Констан. В университете французский дух преобладал над германским. Интернационален был и состав студентов. Естественно, что эльзасцы и рейнландцы составляли большинство, но учились здесь и французы, и англичане, и швейцарцы, и даже русские. У молодого Меттерниха учеба органично сочеталась с насыщенной светской жизнью и постепенно превращалась как бы в приложение к ней. Тем более что учение давалось ему легко. Благодаря связям матери Клеменс был рекомендован князю Максимилиану фон Цвайбрюккену, будущему королю Баварии, чей салон стал для студента-аристократа вторым домом. «Баварский король, – вспоминал много лет спустя Меттерних, – был мне как отец»⁷⁰. Клеменса настолько захватила светская салонная круговерть, что соученики вывели «формулу Меттерниха» из трех «F» (fin, faux, fanfaron – утонченный, фальшивый, хвастливый). И все же университетские годы не прошли для него впустую. Пусть и играючи, но он приобрел определенный запас познаний о праве, истории, естественных науках.

⁷⁰ NP. Bd. 4. S. 112.

II

Но в безмятежную, сладкую жизнь рейнландской аристократии врываются раскаты революционного грома. Первую попытку революционного выступления в Страсбурге князь Максимилиан («по совместительству» командир драгунского полка) сумел отбить. Однако угроза нарастала. Правда, сначала она выявилась дома. На сторону революции переходит воспитатель и учитель Клеменса Симон, который перевел на немецкий язык Декларацию прав человека и гражданина. Позже в описании Меттерниха революционность Симона приобретает грандиозные масштабы, это, видимо, делалось для того, чтобы эффектнее выглядело его последующее отрезвление, когда бывший монтаньяр становится убежденным роялистом, воспитателем детей герцога Шартрского. Сам Клеменс не мог понять тех соотечественников, соучеников и преподавателей, которые восхищались Французской революцией. Для него понятия революция и якобинство были по сути тождественны. «Учение якобинцев и апелляции к народным страстям вызывали во мне отвращение, которое усиливалось с годами и опытом»⁷¹, – писал он в зрелые годы. В дальнейшем последовательное отрицание революции становится лейтмотивом его жизни.

Как только следующая революционная волна подступает к Страсбургу, Клеменс оставляет университет и отправляется во Франкфурт, где предстояла коронация императора Леопольда II, унаследовавшего имперский престол от своего брата Иосифа II. При содействии отца молодой Меттерних был избран церемониймейстером католической фракции вестфальских графов. 30 сентября 1790 г. начались торжества, сама же коронация состоялась 9 октября. Знарок ритуала Франц Георг постарался на славу. Леопольд II оценил его рвение и скрупулезность, назначив его имперским уполномоченным в Австрийские Нидерланды и также пожаловав 40 тыс. флоринов, что оказалось кстати для расточительного Франца Георга. Был замечен и изящный красавец Клеменс. Состоялось его знакомство с эрцгерцогом Францем, наследником престола, который был старше Клеменса на 5 лет.

Меттерних-младший уже не вернулся в Страсбург, а продолжил учебу в университете соседнего Майнца. Хотя это заведение было поменьше и победнее, но там имелась большая по тем временам библиотека (50 тыс. томов), преподавали интересные профессора. Среди них известный путешественник, спутник капитана Кука, Георг Форстер. В Майнце у Клеменса зародился интерес к естественным наукам. Но самое сильное духовное влияние оказал на него профессор Н. Фогт, преподававший историю германского имперского права. У него Меттерних почерпнул идею, которая стала основополагающей для его собственной политической философии, – идею равновесия, или эквilibра, как в космологическом, так и в политическом плане. В знак признательности учителю он распорядился захоронить его прах (1836 г.) в своем любимом владении, у стены Йоханнисбергской церкви.

В Майнце Меттерних проходит еще одну школу, общаясь с французскими аристократами-эмигрантами. Но тогда он не столько черпает у них какие-то идеи, сколько совершенствует собственные манеры и стиль. Тогда же он пережил первую юношескую любовь, предметом которой стала совсем еще юная графиня Констанс де Ла Форс. Он познакомился с ней в Брюсселе, сопровождая своего отца. Это светлое юношеское чувство Клеменс сохранял удивительно долго. Едва прибыв в Париж в 1806 г. в качестве посла, он сразу же предпринял попытку разыскать Констанс. Идеино-политические уроки французских эмигрантов он смог оценить несколько позднее. «Из школы радикализма (имея в виду якобинство. – П. Р.), – писал

⁷¹ Ibid. Bd. 1. S. 10.

престарелый канцлер, – я попал в школу эмигрантов и научился ценить середину между крайностями»⁷².

В Брюсселе, где Франц Георг выполнял миссию имперского министра, Клеменс приобщается к политике. По сути дела, он становится секретарем и ординарцем отца. Революционное время ставит такие проблемы, перед которыми поднаторевший главным образом в вопросах этикета и церемониала Меттерних-старший просто пасует. Он не знает, что противопоставить натиску революции. Умный и осторожный Леопольд II не рвется воевать с революционной Францией. Как и его брат Иосиф II, трон которого он только что унаследовал, Леопольд II был весьма просвещенным монархом. Его настольной книгой был знаменитый труд Монтескье «О духе законов», и подобно брату он испытывал влияние Руссо. «Я полагаю, что суверен, даже наследственный, является только делегатом народа»⁷³, – писал он 25 января 1790 г. сестре Марии Кристине, которая была так недовольна деятельностью Франца Георга. Отвергая жесткий централизм, присущий политике Иосифа II, отказавшись от крутых методов осуществления реформ, Леопольд II не свернул, однако, с реформаторского пути предшественника. В отличие от своих собратьев в Майнце и Трире, он не распахнул ворота Вены перед французскими эмигрантами. Еще в качестве Великого герцога Тосканского он с симпатией воспринял начальную фазу Французской революции, приветствовал созыв Генеральных штатов, пророчил великое будущее обновленной Франции. Не питал он особых родственных чувств и к сестре Марии Антуанетте, да и видел он ее в последний раз в 1765 г. Свою сестру и ее мужа Людовика XVI Леопольд II считал людьми безответственными. Доживи он до 10 августа 1792 г. или до якобинской диктатуры, отношение его к революции, бесспорно, изменилось бы, но он успел умереть раньше.

Правда, в июле 1791 г. Леопольд II подписал декларацию собравшихся в Падуе государей, протестовавших против ограничения свободы Людовика XVI. Затем последовала встреча с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом II в Пильнице, где рассматривались возможные меры против революционной Франции. Тем временем жирондисты, задававшие тон в Национальном собрании, потребовали от Трирского курфюрста распустить военные формирования эмигрантов, главной базой которых стала родина Клеменса – Кобленц. Это усилило военную партию в Вене, и император 7 февраля 1792 г. заключил договор с Пруссией о совместных действиях против Франции.

Неожиданная смерть Леопольда II 1 марта 1792 г. полностью развязала руки воинственной реакции. Но революционная Франция упредила австрийцев, объявив 20 апреля войну королю Венгрии и Богемии, наследнику Леопольда II Францу, не успевшему к тому времени короноваться императором Священной Римской империи.

Еще не пришли в себя от коронации 1790 г., как потребовалась новая. Если предшествующая свершалась в предгрозовой ситуации, то коронация 1792 г. проходила уже в условиях войны. По странному стечению обстоятельств она совпала с годовщиной падения Бастилии. От прошлой коронации сохранились сценарий, реквизит, многие актеры. Однако режиссер спектакля 1790 г. Франц Георг не мог оставить Брюссель, где ситуация предельно накалилась. Зато Меттерних-младший сыграл более заметную роль и с большим блеском. Всем участникам торжеств запомнилась великолепная пара, открывавшая праздничный бал. Кавалером был Клеменс, а его дамой – юная принцесса Луиза Мекленбургская, будущая прусская королева. Изяществом и элегантностью они напоминали рисунки на майсенском фарфоре. Но, несмотря на юность, они олицетворяли не будущее, а уходящее прошлое. Это была последняя коронация императора Священной Римской империи, но большинство участников празднеств не отдавали себе отчета в том, что привычный для них мир, который станут называть «старым поряд-

⁷² Цит. по: Srbik H. R. von Metternich. München, 1925. Bd. 1. S. 71.

⁷³ Цит. по: Mikoletzky H. L. Österreich – das entscheidende 19. Jahrhundert. Wien, 1972. S. 12.

ком», безвозвратно уходит в прошлое. Конечно, и в тот момент веселье омрачалось угрозами, исходившими из революционного Парижа, но старый мир еще верил в свои силы, аристократия надеялась сохранить свои привилегии, свой стиль жизни.

К неполным двадцати годам Клеменс успел вкусить от прелестей *ancien régime*, века рококо. Подобно своему старшему коллеге Талейрану, он вполне мог бы сказать: «Кто не жил до 1789 года, тот не знает, что такое настоящая жизнь». На основе наследия предков и собственного, пусть пока еще скудного жизненного опыта у Клеменса сформировалась психология грансеньора, убежденного, что привилегии и блага гарантированы ему в силу его происхождения. Его мир – дворы, салоны. Правила игры, принятые в этом мире, стали его жизненными принципами, определили образ жизни, манеру поведения. «Человек, знающий двор, всегда владеет своим лицом, взглядом, жестами; он скрытен и непроницаем, умеет таить недоброжелательство, улыбаться врагам, держать в узде свой нрав, прятать страсти, думать одно, а говорить другое и поступать наперекор собственным чувствам. Это утонченное притворство не что иное, как обыкновенное двуличие»⁷⁴, – натурой для этого портрета вельможи, сделанного пером знаменитого Лабрюйера, вполне мог быть и Меттерних.

Что касается политики, то для грансеньора она неотделима от светской жизни, а потому и светские интриги – от интриг политических. Его отношение к политике – как к игре, пусть сложной, изощренной, чреватой самыми серьезными последствиями, но все-таки игре, после которой можно сменить колоду или смешать на доске фигуры и начать новую партию. Все это органично вписывалось в систему династической кабинетной дипломатии, корифеем которой сравнительно быстро стал Клеменс.

14 июля 1792 г. еще не могли знать, что коронуется последний император Священной Римской империи, что через 14 лет ему придется из Франца II стать Францем I, первым императором Австрии. Францу предстояло царствовать 43 года, причем значительную часть отведенного ему историей срока его первым министром будет изящный юноша, «кавалер роз», открывший бал во Франкфурте. Именно это обстоятельство побуждает уделить внимание довольно заурядной личности, всегда предпочитавшей держаться в тени.

Франц II был одним из 16 детей Леопольда II – старшим из его сыновей. На него пал выбор дяди, императора Иосифа II, не имевшего прямого наследника. Детство Франца прошло во Флоренции, так как его отец до смерти брата носил титул великого герцога Тосканского. Иосиф II следил за воспитанием наследника. Его воспитателем был назначен граф Коллоредо. Наследник, мягко говоря, не вызывал восторга у дяди, который находил его слишком апатичным и вялым. На вопрос императора Иосифа II, радует ли что-нибудь его воспитанника, Коллоредо отвечал: «Он принимает все с каким-то подчеркнутым равнодушием». «К кому он питает доверие?» – допытывался император. «Это трудно сказать, он очень боязлив»⁷⁵, – таков был ответ воспитателя. Для своего возраста юный Франц обладал довольно солидными теоретическими и практическими познаниями, но, по словам того же графа Коллоредо, был подобен машине, которая пишет под диктовку, «никаких собственных мыслей, никакого собственного стиля ни в писании, ни в речи»⁷⁶. Будучи предоставлен сам себе, он мог часами смотреть в окно без какой-либо видимости интереса, без эмоциональных проявлений.

Холодный, подозрительный, робкий, опасющийся смелых решений и перемен, Франц воплощал в себе классический тип консерватора-традиционалиста, отвергающего любые изменения и тем более реформы, цепляющегося за существующее положение вещей. Если его отец видел во Французской революции движение, вызванное глубокими объективными причинами, то Франц усматривал в ней всего лишь покушение на троны и алтари, заговор неких темных

⁷⁴ Лабрюйер Ж. де. Характеры, или нравы, нынешнего века. М.; Л., 1964. С. 160.

⁷⁵ Цит. по: *Bibl V. Kaiser Franz*. Leipzig; Wien, 1938. S. 13.

⁷⁶ *Ibid.* S. 15.

сил. Реформы своего дяди он расценивал как угрозу устоям Габсбургской империи. Его девизом стали слова: «Ничего не изменять». Отвечая на петицию о политических реформах, он говорил: «Я должен сказать нет, так как всякая уступка всегда опасна. Поскольку человек по природе своей ненасытен, он будет требовать все больше и больше. Дайте ему руку, и он потребует плечо; дайте ему плечо, он потребует все тело. Я не хотел бы жертвовать своей головой»⁷⁷.

Вместе с тем последний император Священной Римской империи был человеком трудолюбивым, нравственным в житейско-бытовом смысле, ревнителем правовых норм. По 14 часов в день он обычно отсиживал за столом, перебирая ворох бумаг. Его внимание привлекали частности, детали; ими была перегружена и его превосходная память. Главное же, существенное, чаще всего ускользало от него. Его стиль правления и поведения носил ярко выраженный патриархальный характер. По верному замечанию Србика, Франц рассматривал империю как «собственное поместье, которым он мог неограниченно править подобно владельцу майората»⁷⁸.

Семья занимала видное место в его жизни. Он самым серьезным образом относился к семейным обязанностям, отвергая всякую фривольность. Супружеский же долг выполнял настолько добросовестно, что похоронил трех жен. А всего он вступал в брак четыре раза. К моменту коронации он был женат уже вторично, так как к этому времени успела умереть его первая супруга, принцесса Елизавета Вюртембергская, сестра жены российского самодержца Павла I. Вторым браком он женился на принцессе Марии Терезе Неаполитанской, которой пришлось рожать 12 раз за неполные 17 лет супружеской жизни.

Франц любил цветы, музыку, семейные радости, но тяготился светской жизнью. Зная несколько языков, он любил тем не менее говорить на венском диалекте, что приводило в восторг непритязательных, добродушных венцев. С возрастом он станет и внешне больше похож на заурядного буржуа. Эта заурядность в сочетании с патриархальностью сделают Франца весьма популярным среди венских обывателей, называвших его «добрым кайзером Францем».

Дистанция, отделявшая Меттерниха от Франца, была в то время еще велика, но франкфуртская коронация не могла не оставить след в цепкой памяти императора.

Семейство Меттернихов, как и всю аристократическую Европу, ожидали нелегкие испытания. Французские аристократы-эмигранты уверяли собравшихся во Франкфурте собратьев, что санкулотский сброд просто разбежится при одном только виде австрийских и прусских войск. Но первые битвы при Вальми и Жемаппе рассеяли эти иллюзии. Если собственно австрийская знать еще могла быть спокойна за свои владения, то рейнландцы ощутили непосредственно на себе последствия поражений феодально-абсолютистского воинства. В октябре 1792 г. французы заняли Майнц, затем Трир и Кобленц. Правда, военное счастье было переменчиво, нидерландско-бельгийские и рейнские города переходили из рук в руки. Франц Георг и его сын несколько раз бежали из Брюсселя и возвращались вновь. Прежняя беспечная жизнь ушла безвозвратно.

В Брюсселе Клеменс помогал отцу в его не очень удачной деятельности по укреплению имперской власти в Австрийских Нидерландах. Выполняя поручения отца, он курсирует между Брюсселем и армией. Под впечатлением казни Марии Антуанетты молодой Меттерних берется за перо. «Воззванием к армии» было положено начало его огромному рукописному наследию. В нем был призыв к мести безбожным цареубийцам, поднявшим руку на королеву, дочь императрицы Марии Терезии: «Кровь вашей бессмертной Терезии, австрийская кровь пролилась на эшафоте!.. Мужественные защитники вашего законного монарха, не успокаивайтесь, пока не выполните призыв»⁷⁹.

⁷⁷ Epstein K. Die Ursränge des Konservatismus in Deutschland. Frankfurt a. M.; Berlin, 1973. S. 499.

⁷⁸ Srbik H. R. Op. cit. S. 446.

⁷⁹ NP. Bd. 1. S. 339.

В следующем, 1794 г. он пишет еще один документ с довольно длинным названием: «О необходимости всеобщего вооружения народа на границе с Францией». В нем чувствуется стремление извлечь опыт из военных неудач старорежимных армий. «Две кампании показывают, чего можно ожидать от войска, столкнувшегося со всем вооруженным народом»⁸⁰, – назидательным тоном пишет Клеменс. Он обрушивается на старых дипломатов, которые видели в войне и революции детскую игру, а теперь боятся вооружать народ, так как оружие в руках черни якобы создает угрозу. Но нужно отличать народ от черни. Чернь – это те, кому нечего терять, тогда как народ – это собственники. «Европе угрожает варварство!» – патетически восклицает юный Меттерних. Спасти ее могут только мужественные отцы семейств и собственники. Подобные мотивы появятся у Меттерниха вновь во время войны 1809 года, но недолго. Его представление о народе патриархальное; народная масса – это подданные, а не граждане. В сущности, он не так уж далеко ушел от критикуемых им дипломатов старой школы.

Между тем дела Франца Георга в Брюсселе принимают дурной оборот не только под давлением революционной Франции, но также из-за перемен в Вене. Там главой внешнеполитического ведомства вместо покровительствовавшего Меттерниху-старшему графа Ф. Кобенцля становится Ф. Тугут. Бельгийский департамент возглавил другой видный дипломат – граф И. Траутсмандорф. За неудачный для Австрии второй раздел Польши Тугут рассчитывал получить компенсацию на Западе. Отсюда и более жесткая по сравнению с линией Франца Георга политика внутри Бельгии, нажим на бельгийское сословное представительство. Траутсмандорф так откровенно третировал Франца Георга, что штатгальтер, брат императора эрцгерцог Карл, удивлялся долготерпению Меттерниха-отца. Только отнюдь не дружеские отношения между Тугутом и Траутсмандорфом удерживали Франца Георга от отставки. Но удар следовал за ударом. Политика уступок, избранная Францем Георгом, не примирила бельгийское сословное представительство с Австрией. Разочаровывающей оказалась поездка Франца II по Нидерландам. Самое же главное – серия поражений, понесенных войсками коалиции от революционных французов, в чем, собственно, австрийский имперский уполномоченный был не виноват, но попался под горячую руку. Ему был учинен жестокий разнос. От него потребовали строгого соблюдения инструкций, ни малейшего своеволия. Но тем временем французские войска одержали победу при Флерюсе (26 июня 1794 г.). Австрийцы отступают, имперская администрация бежит. Франц Георг оказывается в Дюссельдорфе без средств, без места, без влиятельного покровительства в Вене.

Однако Клеменс он успел вовремя, еще в начале 1794 г., отправить в безопасную Англию. Молодой Меттерних сопровождал генерального казначея нидерландского правительства виконта Десандруэна, отправившегося в туманный Альбион за займом. Если верить мемуарам Меттерниха, то в Англии его встретили с распростертыми объятиями в высших политических и светских кругах. Питт, Фокс, Берк, Шеридан, Грей – таков неполный список знаменитостей, с которыми он встречался. По его словам, он был допущен в интимный кружок принца Уэльского, будущего короля Георга IV, и даже в деликатной форме выразил свое неодобрительное отношение к поведению принца, причем тот 30 лет спустя, будучи уже монархом, сказал ему при встрече: «Вы были тогда совершенно правы»⁸¹. Не исключено, что у Меттерниха и его английских знакомых случились вполне объяснимые подвижки памяти. Скорее всего первый вояж в Англию воспринимался в свете впечатлений от второго вояжа – 1814 г., когда Меттерних прибыл уже в качестве известного европейского политика и сумел добиться серьезных политических и особенно светских успехов.

Во время своего первого юношеского путешествия Клеменс с любопытством посещал заседания британского парламента, особенно привлекало его слушание дела У. Гастингса, быв-

⁸⁰ Ibid. S. 344.

⁸¹ Ibid. S. 19.

шего губернатора Бенгалии. «Я пытался ориентироваться в парламентском механизме, – писал он в мемуарах, – и это принесло мне впоследствии немалую пользу»⁸². Во всяком случае вплоть до 1848 г., когда Англия стала убежищем для свергнутого революцией канцлера, ни одного сколько-нибудь доброго слова по адресу британского парламента им сказано не было.

Чувствуя, видимо, что его описание собственных светских успехов в Англии выглядит не совсем правдоподобно, Меттерних выдвигает такую версию, объясняющую, почему перед двадцатилетним безвестным юнцом широко раскрывались в Лондоне все двери: там, оказывается, стало известно, что его прочат на пост имперского министра в Гаагу. Учитывая отношение к Меттернихам в тот момент в Вене, это соображение кажется совсем неубедительным. Но так или иначе путешествие в Англию Клеменс мог считать удачей. Оно избавило его от многих неприятностей и трудностей, которые пришлось бы пережить, будь он в это время на континенте.

Не без труда Клеменс добрался до Дюссельдорфа, где в полном отчаянии пребывал его отец. Нельзя было вернуться ни в Брюссель, ни в Рейнланд. Даже родной Кобленц был занят французами. Меттернихи лишились владений с 6200 душ крестьян, с доходом 50 тыс. флоринов в год. Оставалось лишь искать спасения в Вене. Тем более что в Богемии у Меттернихов было обретенное в начале минувшего столетия имение Кёнигсварг.

⁸² Ibidem.

III

Для разоренных рейнландцев, несмотря на довольно высокий аристократический статус, было непросто проникнуть в спаянное специфическим кастовым духом венское общество. Лихтенштейны, Штаремберги, Ауэрсперги, Лобковицы, Коллоредо, Клари свысока взирали на беглецов с берегов Рейна. Кроме того, Франц Георг находился в опале у императора. Рассчитывать на бывших покровителей не приходилось, Кауниц умирает как раз в 1794 г., Кобенцль оттеснен, Тугут отвернулся, а враги – Коллоредо, Траутмансдорф – в силе. Эрцгерцогиня Мария Кристина и ее муж Альберт не могут простить Францу Георгу, что он отступил в Бельгии от централизаторской политики Иосифа II, пошел на расширение прерогатив сословного представительства. И уж совсем оскорбительным было предложение, сделанное Францу Георгу в Вене: за 30 тыс. в бумажных ассигнациях отказаться от государственной службы.

Наступает черед действовать графине Беатрикс. Она уже поставила крест на карьере незадачливого супруга и сейчас все свои усилия, весь незаурядный дар к интриге использует ради любимого сына. Удачный брак – вот что может разом решить все проблемы и для Клеменса, и для семейства. Правда, ранее уже велись переговоры насчет помолвки Клеменса с дочерью знаменитого князя де Линя, непревзойденного остро слова, желанного гостя в салонах всех европейских столиц. Выходец из Бельгии, он сам, наверное, затруднился бы в определении своей национальной принадлежности, в такой мере он был «гражданином мира», мира аристократического. Теперь же де Линь находился в положении, аналогичном положению семейства Меттернихов, так как значительная часть его владений тоже была занята французами. Поэтому обе стороны полюбовно разошлись, прекратив матримониальные переговоры.

Но Беатрикс быстро высмотрела другую блестящую партию для своего сына. Одним из немногих домов Вены, где она нашла дружеский прием, был дом князя Эрнста Кауница, сына знаменитого канцлера. Жена князя была подругой детства графини Беатрикс. У Кауницев была единственная дочь Элеонора, девушка двумя годами младше Клеменса. Она не отличалась красотой, но должна была унаследовать приличное состояние, а родство с Кауницами открывало путь в труднодоступное венское высшее общество. На Элеонору имела виды для своего сына влиятельная княгиня Палффи (урожденная графиня Коллоредо). К этому варианту брака дочери склонялся и князь Эрнст. Но Беатрикс сумела ввести к Кауницам красавца-сына, который не оставил никаких надежд возможным соперникам.

Элеонора, или, как ее называли на венский лад, Лорель, влюбилась без памяти в чужака с Рейна. Она не могла прожить и дня без встречи с ним. Когда Клеменсу приходилось ненадолго уезжать из Вены, между ними шел ежедневный обмен письмами. Из своих чувств она не делала тайны, и они были настолько сильны, что Клеменс невольно поддался их воздействию. Временами ему казалось, что он на самом деле увлечен Лорель, которая просто похорошела от счастья. Позднее в письме графине Ливен Меттерних напишет: «Мне не хотелось вступать в брак, но мой отец желал этого; и я сделал так, как ему хотелось»⁸³. В переписке с Ливен он сформулировал свой принципиальный подход к браку: «Женятся для того, чтобы иметь детей, а не удовлетворять сердечные чаяния»⁸⁴.

Смерть матери Лорель, княгини Кауниц, благосклонно относившейся к Меттернихам, осложнила ситуацию. Отец был склонен отдать предпочтение Палффи. Но у маленькой, хрупкой, болезненной Лорель оказался сильный характер, и отцу пришлось уступить. Он дал согласие на брак и выделил ей ренту в 17 тыс. гульденов ежегодно. Не смутила Лорель и неприязнь венского общества к ее избраннику. В июле 1795 г. Клеменс был приглашен в летнюю резиден-

⁸³ Letters de prince de Metternich a la comtesse de Lieven. Paris, 1909. P. 42.

⁸⁴ Ibid. P. 177.

цию Кауницев, название которой через десять лет войдет во всемирную историю – Аустерлиц. Здесь же состоялась свадьба. Брачный контракт был подписан 26 сентября, но была поставлена дата «27», воскресенье; так требовалось по приметам. Надо признать, что примета оправдалась; брак, несмотря на постоянные измены мужа, оказался в общем счастливым. Отцу Лорель не хотелось расставаться с единственной и любимой дочерью, поэтому он поставил зятю условие: отказ от дипломатической службы, предполагавшей длительные отлучки из Вены. Клеменсу не оставалось ничего другого, как принять его, хотя само по себе родство с Кауницами прямо-таки подталкивало на дипломатическую стезю.

С именем князя Венцеля Антона Кауница (1711–1794 гг.) связана целая эпоха в дипломатии. В 1756 г. в значительной мере по его инициативе был подписан австро-французский союзный договор, решительно изменявший расстановку сил в Европе, положивший конец вековой борьбе между династиями Габсбургов и Бурбонов. Имена Кауница и его французского коллеги герцога Шуазеля стали символами австро-французского альянса, закрепленного браком между дочерью Марии Терезии Марией Антуанеттой и будущим королем Людовиком XVI. Целью Кауница было обеспечить Австрии преобладание в германских делах и вернуть захваченную Фридрихом II Силезию. В дипломатии Меттерниха обнаружится немало преемственности с дипломатией Кауница. Ссылками на его авторитет Меттерних будет часто подкреплять свою политическую практику. Тень Кауница сопровождала почти всю дипломатическую карьеру Меттерниха. Это была спасительная тень, взывая к которой можно было оправдывать собственную политику. В политической деятельности обоих канцлеров много поразительных совпадений, которые, однако, не должны заслонять и существенных различий.

Первые два года после брака Клеменс оттачивал дипломатическое искусство, завоевывая признание неприступных венских салонов. Его покровительницей стала княгиня Э. Лихтенштейн, заменившая Лорель мать, одна из пяти граций, окружавших Иосифа II. Клеменс сумел завоевать ее расположение, следуя, видимо, знаменитому совету, что не следует пренебрегать пожилыми дамами. Запрет тестя тяготил его, хотя он и уверял окружающих, что хочет посвятить себя наукам, занимается медициной, ботаникой, геологией, физикой, подумывает о путешествии в Америку. Все же Клеменс не может избавиться от ощущения какой-то неприкаянности, в которой не хочется сознаваться даже самому себе. Его все раздражает, особенно родственники по линии Кауницев, продолжающие смотреть на Клеменса свысока. Светлый момент – рождение дочери Марии (17 января 1797 г.), самого близкого ему существа. Честолюбивому рейнландцу хотелось доказать спесивым австрийцам, особенно всем этим кузенам Кауницам, что он может стать фигурой не меньшего масштаба, чем их прославленный дед. Смерть князя Э. Кауница весной 1797 г. освободила его от невольного обета, открыла возможность для дипломатической карьеры.

Реализовать ее, правда, было непросто. Но вот политический маятник качнулся от Тугута к Кобенцлю. Тот подписал трудный для империи мир с Бонапартом в Кампо-Формио (17 октября 1797 г.). Чтобы договориться о практическом выполнении всех пунктов документа, потребовался специальный конгресс в вюртембергском городке Раштатте. Его открытие пришлось на декабрь. Для австрийцев было важно затянуть выполнение неприятных условий, чтобы, подлечив раны, вновь искушить судьбу на полях сражений. Неповоротливый, педантичный, упрямый Франц Георг как нельзя лучше подходил для такой работы. Его, благодаря протекции Кобенцля, и направили полномочным представителем и имперским послом. Фактически же основные нити переговоров были в руках самого Кобенцля, который в Раштатте выступал в роли представителя императора Франца II как короля венгерского и богемского.

Франц Георг берет с собой сына сначала в качестве личного секретаря. Через год Клеменсу удалось получить официальный статус полномочного представителя католической фракции вестфальских графов (как и на коронациях). Конечно, это было далеко от его амбиций, но все же начало положено.

Французскую сторону должен был возглавить Бонапарт, но ему было не до словопрений, шла подготовка к египетскому походу. Клеменс с огромным интересом ждал встречи с человеком, о котором говорила вся Европа. В редком из его писем нет упоминания о прославленном молодом генерале, но ожидание оказалось напрасным.

Для Меттернихов самым близким был вопрос о компенсации за рейнские земли, потерянные по кампоформийскому договору, ибо здесь были затронуты их личные интересы. Строгий блюститель традиционного этикета Франц Георг стремился навязать его французам. Для него серьезнейшее значение имело количество шагов вперед и назад на церемонии встречи делегаций. Он озабочен тем, как повесить портрет императора Франца, чтобы никто не ухитрился оказаться к нему спиной. Его церемониальные ухищрения вызывали постоянные насмешки у представителей Французской республики, но Франц Георг упрямо гнул свою линию.

Французские делегаты, представлявшие совершенно иной мир, были объектом острейшего любопытства для младшего Меттерниха. «Великий боже! Как изменилась эта нация», – писал Клеменс, изумленный и даже возмущенный одеянием тех, кто раньше был законодателем изощренной моды, образцом изящества и элегантности. Нечищенные башмаки, широкие синие штаны, цветные рубашки, шейные платки, длинные невытые волосы из-под огромных уродливых шляп – все это вызывало презрение, смешанное со страхом. Все же постоянное общение в известной мере растопило лед. Клеменс начал находить у французов и положительные черты. Особенно хорошо отзывался об одном из них – Трейяре. Единственный из французов, с кем ему удалось найти в Раштатте общий язык, был этот адъютант генерала Бонапарта. Переговоры приняли затяжной характер, у обеих сторон было ощущение неизбежности новой войны. Что касается компенсации за утраченные владения, то французы предложили ее за счет секуляризации церковных земель.

Учитывая, что главной задачей переговоров было затягивание времени, Меттернихи хорошо с ней справлялись. Они с головой погрузились в разного рода развлечения: балы, театр, разумеется и актрисы, карты, главным образом азартное «тридцать одно». Причем сын осторожен, флегматичный отец азартнее, проигрывает иногда крупные суммы. Впоследствии Клеменсу придется оплачивать его долги, но уже не раштаттские. В Раштатт приезжали актеры парижских театров «Одеон» и «Опера». Домой Клеменс пишет письма, наполненные жалобами на трудности раштаттского бытия, на одиночество, но когда Лорель порывается приехать к нему, всегда находит аргументы против. Сам же ненадолго приезжал в Вену, где Лорель родила мальчика, названного Францем. У нее обнаружилась тяжелая болезнь легких, поэтому сын, как, впрочем, и все остальные дети, очень слаб. Прожил он совсем недолго.

Жене Клеменс пишет из Раштатта о скучных балах с дамами, которым за полвека, но умалчивает о веселых ночных ужинах с дамами помоложе. Сообщает он и о музыкальных вечерах, на которых выступает любительский оркестр. Сам Клеменс, как и многие аристократы того времени, достаточно музыкально образован. Начинающий дипломат дирижирует оркестром, исполняющим концерты и симфонии. В его письмах начинает звучать мотив, который со временем станет еще сильнее: там, где находится он, конечно же, решаются судьбы Европы. В противоречие с собственными уничижительными суждениями о конгрессе он все же утверждает, что именно в Раштатте дело идет о мире для всей Европы⁸⁵.

Франц Георг и Клеменс настолько увлеклись в Раштатте прелестями холостой жизни, что стали героями скандального фарса «Двое Клингсбергов», где в манере Плавта были представлены амурные приключения отца и сына, в которых нетрудно было распознать Меттернихов. Особенно колоритно была выписана роль любвеобильного отца. Авторство принадлежало начинающему драматургу А. Коцебу, тому самому, который перейдет на службу абсолютизму,

⁸⁵ Corti E. C. Op. cit. S. 56.

станет российским агентом и через два десятилетия падет от кинжала германского студента Занда. Его смерть даст уже всесильному тогда канцлеру Меттерниху повод для решительного наступления против либералов и радикалов.

Переговоры в Раштатте, как и следовало ожидать, зашли в тупик. Франц Георг был отозван в Вену; 2 марта 1799 г. он простился с французскими представителями, а 12 марта Франция объявила австрийцам войну, так как те пропустили в Италию русские войска. Хотя Клеменс задержался на некоторое время, но все же его уже не было в Раштатте, когда австрийские гусары расправились с французскими дипломатами, возвращавшимися в свою страну (28 апреля 1799 г.): из трех послов двое были зарублены саблями насмерть, третий чудом остался жив. При всей ненависти к республике и революции для Клеменса столь грубое попрание международно-правовых норм было неприемлемо.

Участие в раштаттском конгрессе не принесло ему дипломатических лавров, а скорее подмочило репутацию. Клеменс снова не у дел. Излюбленным стал для него салон графини Ромбек, сестры Кобенцля. Хотя на страницах своих мемуаров Меттерних уверяет, что ему хотелось уйти в частную жизнь, что дипломатическая служба не очень его привлекала, он тем не менее постоянно наготове, выжидает подходящий момент для возвращения в мир политики. Он осмысливает опыт Раштатта, анализирует имперскую внешнюю политику, в целом европейскую ситуацию. Критически подойти к себе самому было противно его натуре, зато он не жалел сарказма по адресу «великих политиков» в Вене. Это не мешает ему, как на биржу труда, наведываться к барону Тугуту, от которого зависели тогда назначения по внешнеполитическому ведомству. Занятие это было пустое, так как Тугут не собирался призывать его на службу. У читателей мемуаров Меттерних хотел создать впечатление, что он находился как бы в личном резерве императора, в ожидании сигнала от Франца, который помнил о нем и ждал подходящего случая, чтобы доверить серьезное дело.

Как бы то ни было, после возвращения из Раштатта Клеменс переживает какой-то внутренний переворот, обретает зрелость в подходе к проблемам международной политики. В известной мере тому способствовало очередное поражение Габсбургской империи в войне с Францией, приведшее к Люневильскому миру (9 февраля 1801 г.), гораздо более тяжелому, чем Кампоформийский. К Франции отошел весь левый берег Рейна, она получила Бельгию и Люксембург, фактически вытеснила австрийцев с Апеннинского полуострова. Особенно болезненно была воспринята потеря Тосканы, родового гнезда императора Франца. Под вопросом оказался статус Австрии как великой державы.

Главную ошибку австрийской политики Меттерних видел в том, что после смерти Кауница она утратила последовательность. Это не означало, что он был сторонником возврата к союзу с Францией. Более того, он критиковал Тугута за попытку облегчить участь Австрии посредством сближения с Бонапартом. Исключительно австрийской политике Тугута, Коллоредо, Кобенцля Меттерних собирается противопоставить политику европейскую. Только в таком широком европейском контексте при восстановлении дореволюционной системы государств Австрия сможет возродиться как великая держава. Всплывают идеи профессора Фогта о равновесии сил. В Меттернихе начинает просыпаться систематик, пытающийся внести порядок в многообразие и хаос. Пока на его мыслях отпечаток незавершенности. Как и те, кого он критикует, Клеменс не может нащупать стратегический курс, сулящий успех. Впрочем, от начинающего дипломата этого никто и не требовал.

Наконец Клеменсу представился шанс. Благоволивший ему Кобенцль, с которым они провели немало времени вместе в Раштатте, опять сменил Тугута. В своих мемуарах Меттерних изображал дело таким образом, что только призыв кайзера Франца к его патриотизму побудил молодого человека вернуться на дипломатическое поприще. Ему были предложены на выбор три поста: богемского министра при германском рейхстаге, посланника в Копенгагене или в Дрездене.

Выбор Клеменса пал на саксонскую столицу. В Дрездене он видел плацдарм, с которого можно было в дальнейшем двинуться в Берлин или Петербург. Но есть и иная, менее лестная для Меттерниха версия, объясняющая, почему он попал в Дрезден. Могущественный тогда граф Франц Коллоредо, которого в светских кругах из-за его сильного влияния на императора Франца II называли Францем I, решил, что молодой Меттерних, даже оказавшись неспособным (после Раштатта его репутация была невысока), не причинит в Дрездене большого вреда⁸⁶. Между назначением и отъездом к месту службы прошло восемь месяцев. В это время Меттерних еще более энергично штудирует европейскую политику. Зримым плодом его занятий стали инструкции, составленные им для самого себя. В них уже угадываются черты будущего «зрелого» Меттерниха, чьи инструкции объемом, стилем, теоретическими и историческими экскурсами напоминали диссертации. Первая из них датирована 2 ноября 1801 г.

В результате Французской революции, писал Меттерних, мир изменился сильнее, чем в результате великих войн XVIII в. (имеются в виду Северная война, войны за испанское и австрийское наследство). Он видит угрозы Австрии буквально со всех сторон. Его пугает чрезмерное увеличение Пруссии вследствие разделов Польши, не говоря уже о возросшем могуществе Франции. Серьезную опасность представляет и Россия с ее огромными пространствами и богатствами. Меттерних даже сожалеет об исчезновении Польши с политической карты Европы, благодаря существованию которой Австрия избегала непосредственного соприкосновения с Россией. Разделы Польши он объясняет слепотой Пруссии и российской экспансией, создавая тем впечатление, что Австрию вопреки ее воле втянули в это дело. Исторический обзор в инструкции завершается выводом о том, «как далеко еще до состояния европейского равновесия, всеобщего покоя»⁸⁷. Он полагает: для того чтобы вернуть Австрии статус державы первого ранга, «наша нынешняя политика обязывает к выбору совершенно новых целенаправленных связей»⁸⁸. Свежеиспеченный посланник пока скромно воздерживается от конкретизации своего вывода. Самым естественным ему представляется союз с Англией, к России и Пруссии отношение более настороженное.

Основной целью пребывания в Дрездене Меттерних считал ослабление влияния прусского двора. Пруссия вместе с протестантскими государствами располагала во Франкфуртском рейхстаге многими голосами, поэтому требовалось противостоять прусскому давлению на Саксонию, где была сильна католическая церковь, помешать втягиванию этого королевства в прусскую орбиту. Меттерних осуждает Базельский мир 1795 г., который позволил Пруссии остаться в стороне от войн с Францией, подорвавших позиции Австрии в Европе. В инструкции проявляется и такая черта Меттерниха, как умение увидеть нечто позитивное, утешительное даже в самых неприятных обстоятельствах. Так, в потере имперских владений по Рейну имелись, на его взгляд, такие плюсы, как консолидация имперской территории, ставшей более компактной, отсутствие непосредственного соприкосновения с Францией на Западе.

Дрезден, подчеркивал Меттерних, является важным наблюдательным пунктом, особенно за берлинским двором. Основное внимание он предполагал сосредоточить на раскрытии тайных пружин прусской политики. Большие возможности открывались в Дрездене и относительно русского двора: кроме дипломатов здесь проживали представители российской аристократии, от которых можно было почерпнуть ценную информацию. Здесь действовало множество французских агентов, чье подрывное влияние необходимо ограничить. Такой круг обязанностей наметил себе новый посланник.

⁸⁶ Ibid. S. 68.

⁸⁷ NP. Bd. 2. S. 9.

⁸⁸ Ibid. S. 10.

IV

Вместе с семейством 4 ноября 1801 г. Меттерних прибывает в столицу Саксонии. Дрезден тогда казался оазисом старого режима, своего рода музеем, в котором законсервировали галантный стиль жизни середины XVIII в. Брат и наследник саксонского монарха был женат на сестре Франца II, поэтому австрийскому посланнику был уготован теплый прием. Кроме того, Фридрих Август Саксонский был племянником трирского архиепископа Клеменса Венцеля, в честь которого Меттерних получил два из трех своих имен.

Украшением дрезденских салонов были прекрасные дамы, среди которых было немало славянских – польских и русских красавиц. Здесь, вдали от злобных всевидящих венских мегер, от бдительного полицейского надзора, Меттерних почувствовал свободу. Прежде всего он стал своим человеком в салоне княгини Изабеллы Чарторыйской, матери близкого друга царя Александра I князя Адама. Российский дипломат граф Ф. Головкин отмечал особую тягу Меттерниха к загадочным и романтичным славянкам.

Из яркого букета дрезденских дам внимание Клеменса сразу же привлекла княгиня Екатерина Павловна Багратион (1783–1857), жена выдающегося российского военачальника. Муж был намного старше ее, часто находился в войсках; она же предпочитала привольную светскую жизнь за рубежом. По отцу княгиня находилась в родстве, хотя и отдаленном, с царской семьей. Граф Павел Мартынович Скавронский, ее отец, приходился внуком родному брату императрицы Екатерины I. От своего отца Мартына Карловича он унаследовал огромные богатства. Прославился же граф П. М. Скавронский своей меломанией. Сама Екатерина II приложила руку к сочинению комической оперы, где высмеивалась безумная страсть графа к итальянской музыке. По материнской линии Е. П. Багратион состояла в родстве со светлейшим князем Г. А. Потемкиным, будучи дочерью одной из его любимых племянниц. Славянская нега сочеталась в ней, по словам современников, с андалузской обворожительностью. Зная свою красоту, она любила смелые декольте, за что ее звали «обнаженным ангелом». Их скоропалительный роман проходил у всех на глазах, и только Лорель делала вид, что ничего не замечает. Когда не видеть стало просто невозможно, она утешилась мыслью о неотразимости ее любимого Клеменса. «Я просто не могу себе представить, – говорила она, – как смогла бы устоять против него какая-нибудь женщина»⁸⁹.

Зримым результатом связи Меттерниха с Багратион явилась родившаяся в 1802 году дочь, названная весьма откровенно Клементиной. Много лет спустя сын Клеменса Виктор (он тоже родился в Дрездене в 1803 году), впервые увидев Клементину на балу, был просто потрясен ее сходством с его родной сестрой – Леонтиной.

В Дрездене тогда же находилась и героиня будущего, самого бурного романа Меттерниха, герцогиня Вильгельмина Саган – одна из четырех дочерей герцогини Доротеи Курляндской. Это были внучки знаменитого российского временщика Бирона. Жизнь каждой из них – сюжет для авантюрного романа. Их еще сравнительно молодая мать станет любовницей Талейрана, а сестра Вильгельмины Доротея – будущая герцогиня Дино – сначала невесткой, а затем и последней подругой того же Талейрана. Но тогда, в Дрездене, пути Клеменса и Вильгельмины не пересеклись. Меттерних позже недоумевал, как это он не заметил Вильгельмину, сразу же не оценил ее. Не только яркая красота Е. Багратион привлекла к ней австрийского посланника. Наряду с красотой, элегантностью он искал в женщинах интересных собеседниц, с которыми можно было бы обсудить светские и политические новости, впрочем, в те времена трудно было отличить одни от других. Кроме того, его дрезденская возлюбленная была весьма осведомленной особой, для нее не было тайн в российской политике. От нее австрийский дипломат

⁸⁹ Цит. по: Corti E. С. Op. cit. S. 76.

мог получать ценнейшие сведения. Скорее всего, и она тоже видела в любовнике источник полезной для ее государя информации. Вообще светские дамы играли немаловажную роль в династической кабинетной дипломатии. Сбор информации, распространение слухов, даже разведывательные функции – все это органично совмещалось с повседневной великосветской рутинной. После Дрездена роман между Меттернихом и Багратион принял вялотекущий характер. Встречались и переписывались они от случая к случаю.

Среди аккредитованных в Дрездене дипломатов незаурядной фигурой был английский посланник Эллиот. Англичанин уже успел покуролесить в Берлине и Копенгагене и завершал в Дрездене свою карьеру, не слишком утруждая себя служебными обязанностями. «Дело не покажется вам трудным, – поучал он молодого австрийского коллегу, – если я открою вам мою тайну: если мне удастся узнать что-то, представляющее интерес для моего правительства, я сообщаю это; если же ничего не удалось узнать, я придумываю собственные новости, а затем опровергаю их со следующим курьером. Вы можете убедиться, что я никогда не испытываю недостатка в материале для моей корреспонденции»⁹⁰. «Эта шутка, – отмечал Меттерних, – была полностью в духе м-ра Эллиота. Между тем не так уж редко можно было встретить дипломатическую корреспонденцию, сфабрикованную по подобному рецепту»⁹¹. Сам же Клеменс подходил к подобным делам с исключительной серьезностью. Поглощенный светскими развлечениями, легкомысленный на вид, молодой дипломат на редкость педантично и аккуратно исполнял свои обязанности. Его депеши поступали всегда своевременно, содержали важные сведения, носили аналитический характер. Повседневный труд стал для него нормой. Никакая усталость не могла помешать ему каждодневно усаживаться за письменный стол. В нем уживались одновременно и светский повеса, и педантичный службист. Вряд ли репутация фата была всего лишь маской холодного, расчетливого, тщательно взвешивающего каждый шаг дипломата. В Меттернихе причудливо совмещалось и то и другое, причем в молодости фатовство в некоторых ситуациях могло преобладать над трезвым расчетом. Иначе он и не был бы грансеньором. Правда, постарев, Меттерних настолько войдет в роль моралиста, что может показаться, будто приключения былых дней происходили не с ним.

Хотя английский дипломат произвел на Клеменса столь сильное впечатление своей экстравагантностью, гораздо большее значение имели для его последующей карьеры другие дрезденские знакомства. Здесь он познакомился с российским поверенным в делах Карлом Нессельроде, с которым ему предстояло иметь дело в течение нескольких десятилетий. Он сблизился с главой французского посольства герцогом А. де Ларошфуко, чьи рекомендации сыграют немаловажную роль при назначении его послом в столицу Франции.

Но, пожалуй, самой важной в перспективе из всех его дрезденских знакомств была встреча с Ф. Генцем (1764–1832 гг.), который станет ближайшим помощником австрийского канцлера, генератором идей, человеком, от общения с которым Клеменс будет получать мощные интеллектуальные импульсы. Генц был выходцем из семейства прусского чиновника, учился в Кенигсбергском университете. Правда, лекциям Канта порой предпочитал сомнительные развлечения. Поначалу он восторженно встретил Французскую революцию, решил защитить ее от нападков англичанина Э. Берка, родоначальника современного консерватизма. Но в процессе чтения берковских «Размышлений о революции во Франции» Генц настолько проникся идеями, которые собирался критиковать, что обратился в убежденного врага революции. Перевод Берка на немецкий язык принес ему определенную известность. В обширном предисловии к книге Берка Генц обнаружил талант публициста, который поставил на службу монархической реакции. Его блестящее перо никак нельзя было назвать неподкупным. Несмотря на скромное происхождение, Генц любил жить широко, обрел замашки грансеньора.

⁹⁰ NP. Bd. 1. S. 38.

⁹¹ Ibidem.

У него было множество интимных связей, его постоянно пригягивал карточный стол, поэтому всегда нужны были деньги, и немалые. Он не погнушался написать статью, оправдывавшую расправу с французскими дипломатами в Раштатте. Ее одобрил сам император Франц II, а Генц получил ценный подарок. С 1792 г. он становится добровольным английским агентом, правда, вознаграждение получал нерегулярно⁹². Не случайно его знакомство с Меттернихом состоялось на приеме у английского посланника Эллиота. Вскоре Генц перешел на австрийскую службу, получил звание государственного советника и 4000 флоринов «в знак признания его исключительных познаний и рвения, выказанного в деле защиты правительства, добрых нравов и общественного порядка»⁹³. Можно представить, какую реакцию вызвали у циника Генца такие «формулировки», особенно слова о «добрых нравах».

Кроме общих вкусов и пристрастий, эпикурейского отношения к жизни, Генца и Меттерниха сближало сходство взглядов на европейскую политику. Если у Меттерниха они имели еще довольно туманное очертание, то у Генца обрели четкую и даже изящную литературную форму. Как раз в 1801 г. вышла в свет его книга «О политическом положении Европы до и после Французской революции». В ней проводилась мысль, что все беды Европы происходили от небывалого преобладания одной из европейских держав – Франции. Это разрушило равновесие, «истинную федеративную систему». Пока это равновесие сохранялось, народы континента пользовались благами мира. В описании Генца двадцать лет, предшествовавших Французской революции, выглядели периодом мира и процветания, временем, когда «просвещенный, милосердный образ мыслей завладел в большинстве европейских стран массой народа»⁹⁴. Мудрые государственные деятели видели недостатки тогдашней федеративной системы и разумно, не торопясь, работали над улучшением «общественного устройства Европы». Но Французская революция и развязанные ею войны разрушили благотворную систему. Единственный путь к спасению Европы – восстановить ее. Решение этой задачи и стало сокровенной целью Меттерниха.

В отличие от Раштатта, в Дрездене Клеменс зарекомендовал себя с лучшей стороны. «Граф Меттерних молод, но достаточно ловок, – написал о нем Тугуту граф Коллоредо в июле 1803 г. – Нужно посмотреть, как он покажет себя в Берлине. В Дрездене мы довольны им, но не мадам Меттерних»⁹⁵. Действительно, Лорель, которая к тому же родила в Дрездене сына, питала отвращение к светской суете, не подходила на роль блестящей хозяйки салона. Давало о себе знать и ее слабое здоровье. Тем не менее она отнюдь не была простушкой, и в кульминационные моменты дипломатической карьеры мужа она окажется верной и умелой помощницей.

Император Франц, наконец-то, проявил благосклонность к Меттерниху-отцу. В качестве компенсации за потерянные рейнские владения ему был пожалован Охсенхаузен, расположенный по соседству с Вюртембергом. Новое владение было возведено в статус имперского княжества, и в 1803 г. граф Франц Георг стал князем, что еще более усилило в нем сословную спесь.

21 ноября 1803 г. чета Меттернихов прибыла в Берлин, где Клеменс сменил направляемого послом в Петербург графа И. Ф. Штадиона. Тот по праву слыл непримиримым противником Наполеона. Было очевидно, что в Петербурге он включится в подготовку очередной войны против Франции. С Меттернихом дело обстояло сложнее. Своим назначением он был обязан Кобенцлю и Коллоредо, лидерам группировки, предпочитавшей осторожный курс на умиротворение Наполеона, который из революционного генерала и первого консула превратился в 1804 г. в императора французов. Вена не отреагировала сколько-нибудь серьезно на расстрел герцога Энгиенского. И только после новых захватов Наполеона в Италии сторонники

⁹² Баха J. Friedrich Gentz. Wien, 1965. S. 40–41.

⁹³ Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Metternich. Paris, 1986. P. 62.

⁹⁴ Gentz F. Von dem politischen Zustande von Europa vor und nach der Französischen Revolution. Berlin, 1801. S. 189, 191–192.

⁹⁵ Corti E. C. Op. cit. S. 79.

пусть худого, но все-таки мира с грозной империей начинают менять позицию. Вместе с ними и Меттерних.

Важный импульс в деле формирования очередной коалиции исходил от российского императора Александра I, порвавшего с Наполеоном после расправы над герцогом Энгийским, членом дома Бурбонов. Теперь перед Меттернихом встала непростая задача. Необходимо было втянуть Пруссию в ряды формирующейся третьей антинаполеоновской коалиции. Против Франции объединились Англия, Россия, Австрия, Турция, несколько средних и малых государств. Союзники были способны выставить свыше полумиллиона солдат. Присоединение Пруссии с ее многочисленной (свыше 150 тыс.) армией, высоко котиравшейся тогда в Европе, обещало обеспечить решающее превосходство.

Дебют Клеменса в Берлине облегчался его хорошими отношениями с королем и королевой. Он был знаком с ними со времен франкфуртской коронации. Королева Луиза – та партнерша, с которой он открывал торжественный бал в 1792 г. Сейчас он преисполнен восхищения ее красотой. Попробовал было и на ней свои чары, но романтическая королева хранила верность супругу. Кроме того, все ее помыслы направлены на то, чтобы дать отпор корсиканскому чудовищу.

После галантного и фривольного Дрездена Клеменс томится в Берлине от скуки. В пуританской прусской столице мало светских развлечений, в дипломатическом корпусе нет ярких фигур, интересных собеседников. Особенно тяготит отсутствие увлекательного женского общества. Появлялась эпизодически Вильгельмина Саган, но Клеменс не реагировал на ее авансы. Его больше привлекала жена военного атташе и флигель-адъютанта российского царя княгиня Е. Долгорукая. Заезжала в Берлин и знаменитая писательница мадам де Сталь. Она пыталась очаровать Меттерниха, но тому в женщине, кроме интеллекта, была нужна и красота.

Однако после заключения российско-австрийского договора 1804 г. Меттерниху уже некогда скучать. Он становится активным сторонником военного решения. Он прекрасно понимает, что поставленной перед ним цели можно достигнуть только с помощью России. Причем именно Россия должна сыграть главную роль в деле вовлечения Пруссии в коалицию. Меттерних налаживает взаимодействие с российскими дипломатами. Посланник Алопеус в знак доверия читает ему свои депеши⁹⁶, тесное сотрудничество устанавливается у него с Долгоруким. Когда осенью 1805 г. войска Наполеона двинулись на юг Германии, царь попытался воздействовать на своего друга короля Фридриха Вильгельма III посредством писем. К рыцарскому духу короля взывает и королева. Энергичным сторонником войны был кумир молодежи принц Луи Фердинанд. Забавно читать в мемуарах Меттерниха слова о том, что принц при всех своих несомненных достоинствах тяготел к дурному обществу, которого автор мемуаров всегда избегал. Видимо, сказывалась появившаяся у зрелого Меттерниха морализаторская тенденция, а также и неизжитая ревность, поскольку в принца была влюблена Вильгельмина.

Из страха перед Наполеоном и под давлением России, Австрии, прусских антинаполеоновских сил Фридрих Вильгельм III проявил исключительную изворотливость. Наконец он согласился перейти от простого нейтралитета к вооруженному. Конечно, русским и австрийцам этого мало. Меттерних заявил прусскому министру Гарденбергу, что таким путем не спасти Европу. Пройдет 6–7 лет, и Меттерних именно вооруженный нейтралитет будет рекламировать как эффективнейшее средство против Наполеона.

Меттерних был за то, чтобы Россия припугнула прусского короля, хотя после это отрицал. В конце концов союзникам помог сам Наполеон, который, не посчитавшись с нейтралитетом, нарушил границу Пруссии. Король тогда согласился открыть границу и для русских. Пока пруссаки колебались, Наполеон успел разгромить австрийцев под Ульмом (19 октября 1805 г.)

⁹⁶ NP. Bd. 2. S. 25.

и занять Вену. Теперь вступление Пруссии в войну, с точки зрения Меттерниха, должно стать компенсацией за Ульм.

В Берлин прибывает Александр I. Первая встреча Меттерниха с царем. Им еще придется часто встречаться, их отношения будут развиваться самым причудливым образом: братские объятия, разрывы, вызов на дуэль, холодное равнодушие. Первый получасовой разговор. У Клеменса такое ощущение, что он знаком с царем уже много лет. Сам «любезный соблазнитель», Меттерних поддался очарованию молодого российского монарха.

Прусский король прижат к стене. Меттерних пишет, что без царя, без его решимости, благородной самоотверженности, когда он, не считаясь с угрозой собственному достоинству, как простой участник включился в переговоры, результат не был бы достигнут⁹⁷. Но Клеменс, естественно, не преминул заметить, что русские участники переговоров воздали должное и ему за твердость и последовательность⁹⁸.

5 ноября в Потсдаме был заключен договор трех монархов: прусского, российского и австрийского. Театральный церемониал при подписании договора соответствовал романтическому складу характеров Александра I и Фридриха Вильгельма III. Они торжественно поклялись в верности друг другу перед гробницей Фридриха II, кстати, весьма цинично относившегося к клятвам и договорам. Романтизм не помешал, однако, прусскому королю потребовать у союзников права Пруссии на оккупацию Ганновера, что создавало для коалиции серьезную проблему, поскольку это было родовое владение династии, царившей в Англии.

Александр I отправился в главную квартиру третьего партнера – императора Франца II, навстречу Аустерлицу. Под впечатлением жестокого поражения русско-австрийских войск под деревней, входившей во владения Кауницев, там, где была его свадьба, Меттерних назвал 2 декабря 1805 г. более тяжелым днем, чем 14 июля 1789 г.: «Мир потерян, Европа сожжена, а из пепла возникает новый порядок вещей или, скорее, старый порядок способствует успеху нового»⁹⁹. Символично и то, что Наполеон после победы ночевал в замке Кауницев, в комнате Меттерниха.

Прусский министр иностранных дел Гаугвиц ухитрился найти лазейку в Потсдамском договоре. С ультиматумом в одном кармане и с поздравлениями на случай победы – в другом, он отправился вслед за Наполеоном, выжидая, чем закончится битва. Победителю он вместо ультиматума угодливо вручил поздравления. Обмануть этим Наполеона, конечно, не удалось, а позора досталось изрядно. Разбитая при Ульме и Аустерлице, Австрия не могла продолжать войну. В Пресбурге (Братислава) начались переговоры о мире. Коллоредо и Кобенцлю пришлось уйти с политической авансцены, выдвинулся вперед И. Ф. Штадион. Меттерних пребывал в крайне удрученном состоянии. Поражение Австрии сплеталось с его личной неудачей: он не смог выполнить свою миссию в Берлине. «Я постарел на тридцать лет, – писал он Генцу, – ибо последние три года эквивалентны тридцати годам любого другого века»¹⁰⁰. Кайзер Франц II все же отметил старания Меттерниха в Берлине. Он был награжден большим крестом ордена Святого Стефана. Свою неудачу Клеменс объяснял главным образом предательством Таугвица. Теперь он старался заручиться поддержкой нового главы дипломатического ведомства графа И. Ф. Штадиона. В связи с его выдвижением вакантным стало престижное место посла в Петербурге, и на него прочат Меттерниха. Однако вместо российской столицы он неожиданно для себя попал в Париж.

⁹⁷ Ibid. Bd. 2. S. 75.

⁹⁸ Ibid. S. 76.

⁹⁹ Srbik H. R. Op. cit. P. 111.

¹⁰⁰ Цит. по: Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 72.

Глава II. Парижские университеты

I

Сравнительно короткий период долгой жизни Меттерниха, связанный с его пребыванием в Париже в качестве посла (с августа 1806 г. по июнь 1809 г.), был совершенно уникален с точки зрения формирования его как политика, не дипломата, но именно политического деятеля, государственного мужа. Ни Берлин, ни тем более Дрезден не могли дать опыта большой европейской политики. На дипломатии прусского и саксонского дворов, конечно, в разной степени, но все же лежал отпечаток провинциальности. Нести службу в Париже – это значит находиться в эпицентре европейской, да и вообще мировой политики. Здесь предстояла встреча с Наполеоном, человеком, чьи дарования дипломата и государственного деятеля не уступали его полководческому гению. В Париже зарубежных послов «поджидал» сам Ш. М. Талейран – крупнейший дипломат нового времени.

При всей своей самоуверенности Клеменс испытал серьезные сомнения, когда перед ним открылась перспектива отправиться послом во французскую столицу. Позже он признавался, что охотнее поехал бы в Петербург. Царь Александр I произвел на него в Берлине самое лучшее впечатление. У него сложились хорошие отношения с российскими дипломатами и в Дрездене, и в Берлине. Даже страх перед русскими морозами отступал на второй план при мысли о тех испытаниях, которые подстерегали его в Париже. Конечно, двор наполеоновской империи будоражил его воображение, интриговал своей новизной, неизведанностью. Но по своему характеру он предпочел бы знакомое, испытанное. Кроме того, в Париже ему предстояло представлять только что разгромленную и разграбленную страну. Он сам признавал: «Задача представлять во Франции Австрию непосредственно после Пресбургского мира была сопряжена с такой суммой трудностей, что я был озабочен, смогу ли справиться с ними?»¹⁰¹. Но задним числом Меттерних утверждал, что отправился в Париж с намерением изучить сильные и слабые стороны Наполеона, чтобы эффективнее бороться против него.

История с назначением Клеменса австрийским послом во Франции довольно запутанная, но все же она дает возможность представить, от какого причудливого сочетания факторов зависела в те времена дипломатическая карьера, как вертелись колесики механизма династической кабинетной дипломатии. Это позднее Меттерних представил дело таким образом, что все его проблемы сводились к выбору, куда ехать – в Петербург или Париж. Ему пришлось пережить хотя и недолгий, но неприятный период неопределенности. Ведь берлинская миссия кончилась для него неудачно. В Париж граф Штадион намеревался послать Кобенцля. Новый австрийский министр помышлял о новой войне с Францией, на серьезное долгосрочное соглашение с ней он не рассчитывал. Кобенцль, типичный дипломат старой школы, пользовавшийся репутацией франкофила, если бы и не добился от французов каких-то поблажек, то во всяком случае мог бы тянуть время, необходимое для регенерации австрийской военной мощи. Однако Наполеон достаточно хорошо знал Кобенцля (он вел с ним переговоры еще в Кампо-Формио) и отклонил его кандидатуру.

Император французов потребовал, чтобы в Париж был послан кто-нибудь из семейства Кауница, «истинно австрийского дома, издавна связанного с французской системой». В этом явно ощущалось влияние наполеоновского министра иностранных дел Талейрана, сторонника франко-австрийского сближения в духе традиции Шуазеля и Кауница. Первоначально он имел

¹⁰¹ NP. Bd. 1. S. 54.

в виду князя Алоиза Венцеля Кауница, бывшего посла в Неаполе. Впрочем, фигурировали и такие имена представителей австрийских домов, как князь Лихтенштейн и князь Шварценберг. Имя Меттерниха еще не произнесено. Есть основания полагать, что оно было подсказано французскими коллегами Клеменса по Дрездену и Берлину. Бывший посланник в Саксонии Ларошфуко занимал тогда пост французского посла в Вене, а приятель по Берлину Лафоре был доверенным Талейрана. Не исключено, что вмешательство Ларошфуко было инспирировано самой четой Меттернихов. И все же Париж манил сильнее, чем пугал. Это был большой скачок в дипломатической карьере назло всем «добрым родственникам» из семейства Кауницев, которые пытались помешать назначению Клеменса, но безуспешно. Он не скрывал своего удовлетворения, что благодаря назначению в Париж ему удалось перепрыгнуть всех своих бывших сотоварищей по дипломатическому корпусу.

Наряду с честолюбием Меттерниха привлекали в Париж и более приземленные материальные причины. На его расточительном отце уже висел долг в 700 тыс. гульденов с годовыми платежами в 35 тыс. Кроме того, в результате войны Франц Георг лишился совсем недавно полученного Охсенхаузена. Клеменс добился 90 тыс. гульденов посольского жалования в год. Ему помогло то обстоятельство, что скуповатый Кобенцль в бытность свою послом не устраивал роскошных приемов, приличествующих представителю великой державы. Французы были этим недовольны, и это давало повод требовать более солидного содержания. Меттерних тайне надеялся, что в силу своего положения в Париже ему удастся добиться возвращения Охсенхаузена или, по крайней мере, компенсации за него.

Финансовые и прочие проблемы задерживали Меттерниха в Вене. Не торопил его и Штадион. Но оказалось, что проволоочки на руку французам. Посол Австрии в июльские дни 1806 г. был бы лишь помехой для Наполеона. Он завершил реализацию своего германского плана. Наряду с Австрией и Пруссией Наполеон создавал как бы «третью Германию» в виде Рейнского союза из 16 западногерманских государств, провозгласив себя его протектором. В своей германской политике император французов опирался главным образом на средние государства, чувствовавшие себя неуютно между Австрией и Пруссией. К ним были присоединены многочисленные мелкие владения, от княжеских до рыцарских, в том числе и меттерниховский Охсенхаузен, включенный в состав Вюртемберга. Кстати, Меттерних впоследствии позаимствует наполеоновский опыт, противопоставляя Пруссии союз со средними и малыми государствами.

Конечно, в процессе создания Рейнского союза не обошлось без выкручивания рук; какие-то государства выигрывали, а какие-то проигрывали от вступления в него. Недовольные по традиции могли апеллировать к представителю Австрии, пусть даже без шансов на реальную помощь. 10 июля 1806 г. Наполеон направил Францу II ультиматум с требованием отказаться от титула императора Священной Римской империи германской нации. В Вене заторопились, и Меттерниху было предложено ускорить отъезд в Париж. Однако 12 июля Наполеон распорядился не пропускать во Францию австрийских и русских дипломатов. Конечно, это плохо вязалось с дипломатическими нормами, но Наполеон никогда не был формалистом. 23 июля Меттерниха и российского дипломатического представителя Убри задержали в Страсбурге. Меттерних был достаточно благоразумен, чтобы не поднимать шума. Он с удовольствием гуляет по Страсбургу, где множество памятных мест, связанных с его юностью. Наконец 29 июля он получил разрешение и на другой день отправился в Париж.

Там его ожидали трудные проблемы. Прежде всего надо было удержать Францию в рамках пресбургских условий и, если удастся, смягчить их, особенно по Адриатике. Сложность положения австрийского посла усугублялась тем, что Штадион рассматривал мирный период в отношениях с Францией как антракт, за которым вновь последует война, поэтому главное – выждать, воздерживаться от сколько-нибудь серьезного улучшения отношений с Францией. Определенные авансы французам, по мнению Штадиона, имеют смысл лишь с целью воздей-

ствия на Россию, чтобы поднять в ее глазах пошатнувшийся престиж и вес Австрии, притормозить российскую экспансию в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. К моменту прибытия в Париж Меттерних, как и его шеф, не видит возможности для принципиального улучшения отношений с Францией и тем более для союза с ней.

5 августа Меттерних был чрезвычайно любезно принят Талейраном, который извинился за неудобства, причиненные послу в Страсбурге. Первую аудиенцию Наполеон назначил Меттерниху на 10 августа, ровно через месяц после подписания смертного приговора Священной Римской империи, а 6 августа 54-й за всю ее историю император, Франц II, стал первым императором Австрии; из Франца II он таким образом превратился во Франца I. Это обстоятельство создало определенные процедурные трудности. Клеменс показал себя достойным сыном своего отца, педантичного ревнителя всех тонкостей дипломатического этикета. Проблема заключалась в следующем: должен ли он быть аккредитован как посол Священной Римской империи или как посол австрийской империи. Меттерних настаивал на первом варианте. Талейран, с которым он согласовывал этот вопрос, не стал возражать. Но главный церемониймейстер Сегюр вечером 9 августа передал Меттерниху, что Наполеон примет его в качестве посла Австрийской империи. Хотя Клеменс и начал было возражать, но доводить дело до скандала все же не решился. В конечном итоге сошлись на том, что он будет принят как посол Австрийской империи, оставив за собой право, если потребуется, вручить новые верительные грамоты. Он был очень доволен своим поведением в этом эпизоде.

На другой день его ожидал в Тюильри теплый прием. Впервые Клеменс испытал на себе чары человека, которого он заочно ненавидел. Двойственное отношение к Наполеону отразилось и в описании самого приема. Меттерних, которого потом нередко обвиняли в пристрастии к императору французов, описывая это событие в весьма торжественных тонах, вдруг как бы спохватывается и старается ослабить впечатление, произведенное Наполеоном. Он отмечает у него черты выскочки (рагвену). Однако некоторые историки оспаривают достоверность описанных Меттернихом деталей, в частности тот факт, что на дипломатическом приеме Наполеон был в военной форме и с треуголкой на голове.

Дружелюбие Наполеона, возможно, было обусловлено стараниями Ларошфуко, который советовал не отождествлять позицию Меттерниха с непримиримой антифранцузской линией Штадиона. Наполеон во время разговора резко обрушился на австрийского министра иностранных дел, вспомнил о союзе 1756 г. 2 сентября последовала частная аудиенция, как раз тогда и произнес Клеменс свою, можно сказать, хрестоматийную фразу. «Вы слишком молоды, Меттерних, чтобы представлять одну из старейших империй», – сказал Наполеон. «Сир, мне столько же лет, сколько было Вашему Величеству при Аустерлице», – ответил австрийский посол. Трудно было устоять перед такой изысканной лестью. Слова Меттерниха тотчас же стали известны всему Парижу. «Его Величество весьма доволен графом Меттернихом и очень хорошо его принял»¹⁰², – писал Талейран Ларошфуко, видимо, отдавая ему должное за рекомендации, которые тот дал Клеменсу. В Вене тоже довольны свои послом. Там опасались, что Наполеон не остановится на создании Рейнского союза в том виде, в каком он был провозглашен. В Баварии, Бадене, Вюртемберге государи были не прочь с помощью Франции продолжить военные действия, отвоевать у Австрии новые территории. Прием, оказанный Меттерниху, несколько успокоил и австрийцев. Штадион поздравил посла с хорошим началом.

Вскоре, однако, намечается различие в позициях Меттерниха и его шефа графа Штадиона. Оба согласны в том, что признание французской гегемонии в Западной Европе неизбежно. Меттерних говорит о ненасытных амбициях Наполеона, о нелепости его системы универсального господства, противоречащей принципу равновесия сил, эквilibра. Но гибкий ум молодого посла все же не может примириться с безысходностью ситуации. В отличие от своего

¹⁰² Цит. по: Botzenhart M. Metternichs Pariser Botschafterzeit. München, 1967. S. 59.

министра Меттерних приходит к выводу, что Австрийская империя может сосуществовать с наполеоновской системой. Наполеона необходимо убедить в этом определенными уступками, которые должны быть не плодами страха, а проявлением доброй воли. Учитывая психологию *rapvenci*, Меттерних надеялся, что Наполеона удастся в какой-то мере умиротворить вводом его в круг старых династий. В этих его размышлениях уже можно уловить зачатки идеи «австрийского брака».

Пока же он надеялся отделаться меньшим. В частности, он предлагал обмен орденами между Австрией и Францией. Его мало смущало то обстоятельство, что корсиканец может стать рыцарем ордена Золотого руна. Меттерних рекомендует Вене отказаться от антинаполеоновской пропаганды. Зная о проавстрийских симпатиях Талейрана, он пытается завязать с ним широкую дискуссию об основах отношений между двумя державами. Мэтр дипломатии искусно ускользал от главного, предпочитая говорить о частностях, но во время аудиенции 2 сентября Талейран сам завел разговор о принципах. За несколько дней до этого Наполеон во время прощальной аудиенции австрийскому генералу Винценту, который играл видную роль в переговорах о мире, снова вспомнил о союзе 1756 г. Хотя 2 сентября речь о союзе Шуазель-Кауниц не заходила, однако Талейран сказал, что начинается новая эра в истории отношений двух государств. Следует забыть недавнее прошлое, Наполеон не против того, чтобы вступить в тесные отношения с Австрией. Весьма довольный таким оборотом дел, Меттерних тем не менее проявил осторожность: «Великие империи, как и обычные люди, должны в своих отношениях друг с другом проходить неизбежные промежуточные стадии, чтобы не бросаться из одной крайности в другую»¹⁰³. Хотя дальше разговоров дело не пошло, пробный шар, однако, был запущен. Меттерних готов погрузиться в разработку конкретных деталей. Однако для Штадиона австро-французский союз был принципиально неприемлем.

Дипломатия Меттерниха вступила в противоречие, пока еще трудно уловимое, с инструкциями из Вены. Инструкции сковывают его инициативу. Между тем он только почувствовал вкус к большой европейской политике. Его же ориентировали, что Австрии сейчас не до того, дай Бог как-то продержаться. Упрямое сопротивление без хитроумных маневров. Штадион отклонил даже идею обмена орденами. И на такой основе в инструкции предлагалось работать Меттерниху! «Я надеюсь, – писал Штадион, – что Вы найдете на этой базе возможность для действительного сближения между нами и двором Тюильри, сохраняя одновременно ту степень осмотрительности, которая должна быть основой любых политических отношений»¹⁰⁴. В последних словах нетрудно уловить предостережение не в меру инициативному послу.

Клеменс попал в щекотливое положение. По инструкции ему следовало бы вести себя осторожно, уклончиво, а Талейран неоднократно ставил вопрос о перспективах франко-австрийского союза. Причем проверкой на искренность должна была стать проблема Каттаро. В этот порт на Адриатике австрийцы пропустили русских, и теперь французы предлагали австрийцам изгнать из него бывших союзников. За это Талейран обещал вернуть Браунау, удерживаемый Францией в качестве залога. Тогда Меттерних в соответствии с инструкциями характеризовал позицию Австрии как чистый и простой нейтралитет. В ответ на это Талейран замечает, что такая австрийская позиция Франции ничего не дает, более того, она позволяет Австрии примкнуть в подходящий момент к той стороне, которая возьмет верх. Меттерних тоже прекрасно понимает, что французы предлагают союз, чтобы вывести Австрию из игры в канун новой войны. Идею союза он противопоставляет тактику «мелких шагов». Все же, на его взгляд, было бы неразумно отвергать с порога интересное предложение, позволяющее завязать серьезные переговоры. Если Наполеон считал, что важно завязать сражение, а затем его полководческий гений подскажет наилучшее продолжение, то Меттерних весьма

¹⁰³ Ibidem.

¹⁰⁴ Ibid. S. 62.

небезуспешно руководствовался аналогичным принципом в своей дипломатической практике. Главное – завязать переговоры, а дальше остается уповать на дипломатическое искусство.

Высшим дипломатическим «пилотажем» Меттерних как раз и овладевал в Париже, усваивая уроки такого признанного мэтра дипломатии, как Талейран. Однако он не был робким учеником, который почтительно внимает своему профессору. Как уже говорилось, Клеменс с юных лет отличался апломбом, чрезвычайной самоуверенностью. И теперь, когда с разбитой и униженной Австрией мало считаются враги и недавние союзники, ее посол горделиво заявляет: «Я несу на моих плечах весь мир». Так он писал своему отцу 16 сентября 1807 г. Эти слова прочно войдут в его обиход, их часто можно встретить в его многочисленных писаниях.

В разгар переговоров Меттерниха с Талейраном вспыхнула война между Францией и 4-й антинаполеоновской коалицией. Переговоры французов с Россией зашли в тупик. Александр I заключил тайный военный союз с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, который 1 октября 1806 г., набравшись духу, потребовал от Наполеона отвести войска за Рейн. Меттерних видел бессмысленность прусской политики и не сомневался в победе Наполеона. Однако императору французов и его министру иностранных дел пришлось отправиться к театру военных действий. Чтобы не терять контактов с ними, Меттерних готов сопровождать их и на войне. Но Штадион не дал санкции на это, ограничив ему свободу маневра. Первый раунд переговоров с Талейраном закончился безрезультатно. После отъезда Наполеона и Талейрана дипломатическая жизнь в Париже заглохла, наступили своего рода каникулы. До возвращения Наполеона Меттерних, по его собственным словам, был «парижским отшельником».

II

На самом же деле он с головой погрузился в светскую жизнь Парижа. Двор Наполеона открывал массу возможностей для светских удовольствий, которые так ценил Меттерних. В отличие от чопорного, проникнутого кастовым духом габсбургского двора с его всесильными жрицами из престарелых княгинь, в Сен Клу и Тюильри собирались главным образом люди его поколения. Большинство из них совсем недавно обрели титулы и богатство, сражаясь под знаменами генерала Бонапарта, а затем императора Наполеона. Наполеоновскому двору придавало особый шик сочетание энергии и жизнелюбия нуворишей и парвеню с изысканным шармом аристократов старого режима, которых император стал охотно принимать к себе на службу. «Наполеон, – писал известный французский историк А. Сорель, – поступает в этом случае с этими роялистами, как поступил Генрих IV после своей мессы с бывшими членами Лиги и иезуитами»¹⁰⁵. Может быть, особое очарование двору империи придавало его стремление как можно полнее прожить именно сегодняшний день, так как прочной уверенности насчет завтрашнего не было. Весь его блеск, все его великолепие зависели от одного человека, склонного постоянно искушать судьбу.

Не удивительно, что блистательный салонный лев, элегантный, красивый, аристократичный, стал звездой парижского общества. В описании своего апологета Г. фон Србика Меттерних времен парижского посольства предстает едва ли не трагической фигурой, человеком, поглощенным одной лишь величественной целью – свергнуть ненавистного деспота: «В постоянном общении с поработителем Европы, находясь под неусыпным надзором со стороны императора, его придворных и его полиции, он учился трудному искусству полного самообладания, сокрытия мыслей под холодной сдержанностью или под угодливо улыбающимся видом, с «одним смеющимся, а другим плачущим глазом», с любезной болтовней и со смертельной враждой на сердце»¹⁰⁶. Бесспорно, отмеченный Србиком мотив и звучал в сознании австрийского посла, влиял на его поступки и поведение, но не следует забывать, что Меттерних был еще сравнительно молодым человеком, подверженным если не страстям, то увлечениям, склонным эпикурейски предаваться радостям жизни.

Хотя дипломат в конечном счете брал в нем верх над эпикурейцем, но было бы ошибкой видеть в нем лишь лазутчика в стане врага. Да и отношение его к Наполеону никак не укладывается в черно-белую схему. Автор самого обстоятельного исследования о Меттернихе, Г. фон Србик опять недооценивает того обстоятельства, что его герой менялся во времени, что молодой Меттерних при всей своей осторожности и осмотрительности все же не утратил эмоциональности, импульсивности. Чтобы увидеть разницу между ранним и зрелым Меттернихом, достаточно взглянуть на два его портрета, созданные Жераром и Лоуренсом. На первом (1806 г.) – романтического вида молодой человек с легкой блуждающей улыбкой, слегка рассеянным взглядом; на другом (1819 г.) – почтенный государственный муж с тонкой, чуть насмешливой улыбкой, отражающей чувство собственного превосходства, непоколебимой уверенности в себе, своей исторической миссии. С портретом Жерара совпадает «зарисовка» Нессельроде, сделанная им с натуры весной 1806 г.: «Я еще не убежден, что Меттерних соответствует уровню того места, которое ему прочат, хотя он достаточно умен, духовности в нем даже больше, чем у трех четвертей венских превосходительств, он более чем любезен, когда того хочет, внешне красив, почти всегда влюблен, очень часто рассеян, что столь же опасно в дипломатии, как и в любви»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Сорель А. Европа и Французская революция. Спб., 1908. Т. 7. С. 392.

¹⁰⁶ Srbik H. R. Op. cit. S. 114.

¹⁰⁷ Lettres et Papiers du chancelier Comte de Nesselrode. Paris, 1904. Т. 2. P. 132.

И в парижские салоны Клеменса приводило отнюдь не только стремление получить ценную информацию для своей дипломатической игры. Любовные интересы влекли его не меньше. Как трудно провести грань между политикой и светской суетой, так же сложно провести грань между дипломатией и любовью в жизни молодого Меттерниха. Он великолепно вписывался в молодой двор наполеоновской империи. Прекрасные дамы сразу же проявили к нему большой интерес, началось соперничество из-за «красавца Клемана». Сам же он (тоже интересный штрих к портрету) попытался разыскать свою первую любовь Констанс де Камон. Потом произойдет их встреча, но связь времен уже не восстановит.

Наибольший резонанс и немаловажные политические последствия были вызваны двумя его парижскими романами, в которых, кстати, тоже нашла отражение двойственность его натуры. Героиней одного из них являлась сестра Наполеона, жена маршала Иоахима Мюрата (Великий герцог Бергский, затем король Неаполитанский) Каролина, а другого – жена друга юности Наполеона, генерала Жюно (герцог д'Абрантес), Лаура. Две женщины, две корсиканки смертельно ненавидели друг друга. Для этого имелось множество причин. Каролина, в частности, находилась в любовной связи с Жюно, тогда занимавшим пост военного губернатора Парижа.

Сестра Наполеона претендовала на роль первой дамы империи, политические амбиции у нее преобладали над женскими. Много сходного у нее в характере с Меттернихом, и оба стояли друг друга. Не чуждая страстей, Каролина тем не менее мыслила вполне трезво, беспокоилась о будущем. Она понимала, что благополучие семейства Бонапартов зиждется лишь на силе и могуществе Наполеона, а он не вечен. К тому же он не может остановиться. Война следует за войной. Чем все это кончится, неизвестно, а ей нужны определенные гарантии. Это приводит ее к контактам с Талейраном и Фуше, которые тоже обеспокоены ненасытностью императора. Вместе они представляют собой что-то вроде партии умеренных или даже «пацифистов». Талейран нарисовал такой портрет своей сообщницы: «Голова Кромвеля на плечах красивой женщины»¹⁰⁸.

После молниеносного разгрома Пруссии при Иене и Ауэрштедте (14 октября 1806 г.) военные действия приняли затяжной характер. Ожесточенное сражение между французскими и русскими войсками при Прейсиш-Эйлау (8 февраля 1807 г.) не выявило преимущества ни одной из сторон. Распространялись всякого рода слухи. Не исключалась возможность гибели Наполеона. Энергичная Каролина в таком случае рассчитывала вместе с мужем претендовать на наследие брата. Полагают, что именно такими соображениями объяснялась ее связь с генералом Жюно: ведь в его руках были ключи от Парижа. Лаура Жюно, герцогиня д'Абрантес, в своих знаменитых мемуарах писала о «деятельном честолюбии» своей соперницы Каролины Мюрат. Конечно, отмечает герцогиня, она не могла прямо просить парижского губернатора, чтобы он объявил императором ее мужа. Не могла она и спросить прямо у Жюно: «Сделаешь ли ты государем моего мужа, если император падет в битве? Но она говорила ему многое, в чем ясен был смысл, что когда настанет минута, он ни в чем не сможет отказать ей. Замысел самый коварный, какой только я знаю!»¹⁰⁹.

В эту сложную интригу был легко втянут и австрийский посол. «Красавец Клеман» представлял один из старейших домов Европы, пусть одряхлевший, побитый, но укорененный в истории. Признание Австрии в «день X» значило бы очень много с точки зрения легитимации при переменах на французском троне. Для Меттерниха Каролина тоже была не просто красивой женщиной. И не только из тщеславия привлекала его сестра императора, хотя этот мотив не следует исключать. Его самолюбию льстил тот факт, что он мог носить браслет из ее волос. Каролина, женщина политическая, служила, естественно, источником ценнейшей информа-

¹⁰⁸ Grunwald C. de. Op. cit. P. 47.

¹⁰⁹ Записки герцогини Абрантес. М., 1836. Т. IX. С. 314–315.

ции. Можно сказать, что их политический интерес друг к другу был взаимным. Наполеон сквозь пальцы смотрел на эту связь сестры. Ему приписывают слова, сказанные Каролине по данному поводу: «Забавляйтесь с этим вертопрахом, он нам еще пригодится». Вскоре, однако, Лаура Жюно берет реванш у Каролины. Клеменс легко поддался ее очарованию. Если в первой связи было больше политики, то во второй – чувства. Агентам Фуше нелегко было поспевать за неутомимым австрийским послом, порхавшим между возлюбленными и салонами. Из наиболее часто посещаемых им салонов стоит отметить салон мадам де Суза, бывшей графини Флао, бывшей любовницы Талейрана. Ее сын был молодым, делавшим эффектную карьеру офицером, любовником падчерицы Наполеона Гортензии Богарне. Через много лет он станет французским послом в Вене, а его мать сравнительно скоро – источником серьезных неприятностей для Клеменса.

Наконец в Париже появилась Лорель с детьми. Ей пришлось преодолеть очень сложный маршрут из Дрездена до Парижа через боевые порядки прусских и французских войск. Не без гордости за свою жену Клеменс говорил, что мадам Меттерних обнаружила незаурядные способности и вполне могла бы командовать войсками. Меттернихи обосновались в доме по соседству с дворцом, служившим резиденцией австрийскому послу времен Кауница графу Мерси. Меттерних хотел бы устраивать эффектные приемы, но Лорель и в Париже не могла играть роль хозяйки салона. У нее не было для этого ни внешних данных, ни духовных потребностей, ни тщеславия. Кроме того, у нее ухудшается состояние здоровья.

Зато Клеменс получил полную свободу, которую использовал достаточно широко, что не мешало ему, как и в Дрездене, и в Берлине, скрупулезно выполнять свои прямые служебные обязанности. Курьеры преодолевали путь между Веной и Парижем туда и обратно за 12 дней. Из Парижа они регулярно увозили в австрийскую столицу обстоятельные доклады с серьезной и весьма оперативной информацией. Иногда объем депеш, отправленных с одним курьером, достигал 200 исписанных с двух сторон листов. Работу свою он делал со вкусом, она стала для него внутренней потребностью, интеллектуальным удовольствием. «Ни дня без строчки», – эти слова как будто бы о нем.

Победа Наполеона над Пруссией побудила Меттерниха еще серьезнее отнестись к идее австро-французского союза. Только на этом пути казалось возможным сохранить целостность Габсбургской империи и заблокировать угрозу франко-русского союза. Наполеон и Талейран не раз искушали Австрию перспективой союза. Делать это Талейрану было тем проще, что он искренне (если эти слова можно использовать по отношению к нему) желал франкоавстрийского сближения, видя в нем ключ к равновесию и покою в Европе. В беседе с австрийским генералом и дипломатом Винцентом вскоре после разгрома Пруссии Наполеон жаловался, что вынужденная война отвлекла его от создания с участием Австрии барьера против России. В начале марта 1807 г. в промежутке между Прейсиш-Эйлау и Фридландом Наполеон писал Талейрану: «Покоя в Европе не будет, пока Франция и Австрия или Франция и Россия не станут действовать совместно. Я неоднократно предлагал это Австрии, предложение остается в силе... Результатом из всего этого должна быть система либо между Францией и Австрией, либо между Францией и Россией»¹¹⁰.

Характерно, что мысли Меттерниха развивались в этом же направлении. 8 февраля он отправил в Вену свои соображения о переориентации австрийской политики. Однако от Штадиона ответа так и не последовало. Тем самым он давал понять послу, что тот берет на себя слишком много, вмешиваясь в формирование австрийской политики в целом. Но как только забрезжила перспектива посредничества Австрии между Францией и Россией, Штадион затребовал Меттерниха в Вену. Он понимал, что вряд ли кто сможет лучше Меттерниха выполнить такого рода задачу, тем более что и в Петербурге, и в Париже он был *persona grata*. Но отъезд

¹¹⁰ Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 114.

посла в столь напряженное время мог быть истолкован и как недружественный акт. Талейран не дал разрешения на отъезд. Раздраженный Наполеон тоже был против, усматривая в этом происки ненавистного ему Штадиона.

Большая дипломатическая игра развернулась после Тильзитского свидания (25 июня 1807 г.) Наполеона и Александра I. Даже Штадион забеспокоился по поводу возможности франко-русского союза. Через месяц после Тильзита Меттерних вновь в послании Штадиону дает анализ общеевропейской политической ситуации. Европа, отмечает он, находится в состоянии усталости и деморализации. Тильзит больше в пользу России, чем Франции, которая фактически жертвует державой (то есть Австрией), способной служить противовесом России. Пруссия опустилась до уровня державы третьего ранга. Австрия должна накапливать силы. «300 тысяч солдат позволят ей сыграть первую роль в Европе в момент всеобщей анархии, которая неизбежно наступит вслед за эпохой великих узурпаций»¹¹¹. Здесь уже просвечивают контуры той стратегии, которой Меттерних будет придерживаться вплоть до 1815 г.

Прежде чем вести переговоры о возможном союзе с Францией, нужно было, наконец, подвести черту под войной, подписать конвенцию, где были бы урегулированы вопросы, оставшиеся открытыми по Пресбургскому миру. Во время первой официальной встречи с Меттернихом после Тильзита и последней в качестве министра иностранных дел Талейран 7 августа 1807 г. небрежно сказал о «маленькой конвенции», которую надо подписать, чтобы развязать руки. 9 августа Талейрана заменил бесцветный, но всецело преданный Наполеону Шампаньи. На фоне Талейрана он выглядел в глазах Меттерниха «жалким министром». Но хватка у него была весьма жесткая. Нессельроде приводит такое высказывание Талейрана: «Единственное различие между Шампаньи и мною в том, что если император прикажет ему отрезать кому-нибудь голову, он сделает это в течение часа, а я протяну месяц, прежде чем выполню приказ»¹¹². Меттерних начал переговоры, еще не имея инструкций. Он изготавился к схватке, прикинул, по каким вопросам можно завязать борьбу, на какие территориальные уступки можно пойти. Но проект документа, который Клеменс получил из Фонтенбло, где расположился Наполеон, своей жесткостью превосходил самые мрачные предположения посла.

Меттерних не мог взять на себя ответственность за принятие этого документа и прервал переговоры, чтобы выиграть какое-то время и получить необходимые инструкции и полномочия. Практически ничего не дали арьергардные бои, которые он завязывал по отдельным пунктам конвенции. Добился он лишь того, что французская сторона согласилась вычеркнуть слово «все» в предложении «Все трудности, возникшие из Пресбургского договора, устранены» из преамбулы документа¹¹³. Предварительным условием ратификации конвенции Наполеон выдвинул признание его братьев королями Голландии, Неаполя и Вестфалии. Переговоры стоили Меттерниху многих сил, нервов, здоровья. Он жаловался Штадиону на крайнюю усталость. По возвращении из Фонтенбло он даже не мог писать в течение 20 часов, так как глаза утратили способность ясно видеть. Тот факт, что он столько времени не мог взяться за любимое дело, пожалуй, самое убедительное свидетельство его угнетенного состояния. Естественно, он пытался оправдаться за уступки тем, что «отсрочка могла бы только создать шансы для новых жертв без какой-либо надежды на лучшее»¹¹⁴. «Линия, проведенная на карте собственноручно императором, – признает Меттерних, – была барьером, о который разбивались все мои усилия»¹¹⁵. Затягивать подписание конвенции Меттерних не стал и ради возвращения Браунау, оккупированного французами. Эту крепость охотно заняла бы союзница Франции

¹¹¹ NP. Bd. 2. S. 122–123.

¹¹² Lettres et Papiers du chancelier Comte de Nesselrode. T. 2. P. 65.

¹¹³ Botzenhart M. Op. cit. S. 136.

¹¹⁴ NP. Bd. 2. S. 124.

¹¹⁵ Ibid. S. 127.

Бавария. И все же Клеменс верен себе: «Я вышел из дела гораздо лучше, чем сам рискнул бы надеяться»¹¹⁶. Хотя Штадион слегка посетовал, что посол часто действовал без формальных полномочий, но одобрил достигнутые им результаты. 10 ноября 1807 г. Франция и Австрия обменялись ратификационными документами. Шампаньи передал Меттерниху комплименты Наполеона за его заслуги в достижении «совершеннейшей гармонии» между Австрией и Францией, а кроме того, и табакерку в 30 тыс. франков. Штадиону пришлось после этого позаботиться насчет подарка для Шампаньи.

Теперь Меттерних мог сосредоточиться на проблеме австро-французского союза. Штадион, по всей видимости, решил предоставить ему большую свободу рук. Во-первых, у него оставались опасения по поводу франко-русского сближения, а во-вторых, активность Меттерниха должна была послужить прикрытием для подготовки очередной войны против Наполеона. Пусть Меттерних флиртует с французами, а тем временем можно будет укрепить военные и финансовые позиции австрийской империи. Зондаж Меттерниха у Шампаньи насчет перспектив союза, однако, не дал обнадеживающих результатов. Казалось, Наполеон утратил всякий интерес к Австрии. Это настораживало Меттерниха, он стал мучиться кошмаром русско-французского альянса. Но в ноябре 1807 г. в игру неожиданно для австрийского посла вступает Талейран.

Мотивы сближения Талейрана с Австрией основательно раскрыты в исследованиях Е. В. Тарле и Ю. В. Борисова. Читатель может ознакомиться и с изданными на русском языке мемуарами выдающегося дипломата. Здесь речь пойдет лишь о линии взаимоотношений Меттерних – Талейран. Интересно, что контакт с Австрией Талейран завязывает первоначально не через Меттерниха, а через упоминавшегося уже генерала Винцента. Посредником был доверенный Талейрана баденский посланник Э. Дальберг. Французский министр (а Талейран тогда еще занимал этот пост) дал понять, что всегда был другом Австрии, пытался придать наполеоновской политике более умеренный характер. В Вене Штадион отнесся к талейрановскому зондажу с явным недоверием. Но после Тильзита он решил использовать внезапно открывшуюся возможность. Меттерниху было указано войти в контакт с Дальбергом. К тому же секретарь парижского посольства Флоре, очень близкий Меттерниху, еще раньше установил отношения с Дальбергом. Но тот не вызывал доверия у осторожного Меттерниха. Посол скептически воспринял донесение Винцента. Однако его депеша от 12 ноября 1807 г., отправленная после долгой беседы с самим Талейраном, свидетельствовала о том, что Меттерних всерьез воспринял очередной поворот в жизни своего французского коллеги. Два грансенъора хорошо понимали друг друга.

Меттерних смог убедиться, что Талейран побуждаем не только личными корыстными соображениями и готовит себе запасную позицию на случай непредсказуемого будущего. С подобными побуждениями сочетались у него и принципы, весьма родственные меттерниховским. Еще их сближал и страх перед «русской системой» и стремление восстановить европейское равновесие. Не стоит преувеличивать, но и не следует забывать того обстоятельства, что оба в юности прошли курс у теоретика равновесия Коха в Страсбургском университете. Оба надеялись, что в постнаполеоновское время австро-французский альянс станет барьером на пути продвижения России в Европу. Тильзит, говорил Талейран Меттерниху, «не перейдет, как кое-кто ожидает, в систему; он поставил вас в наилучшую позицию, потому что каждая сторона нуждается в вас, чтобы контролировать другую, и если вы поведете себя умно, в соответствии с духом момента, который ни вы, ни кто-либо другой не в состоянии изменить, то вы выйдете в конечном счете из великой борьбы с большей славой, чем любая другая держава»¹¹⁷.

¹¹⁶ Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 140.

¹¹⁷ NP. Bd. 2. S. 155.

В рассуждении Талейрана нетрудно увидеть четкие очертания той стратегии, которая проглядывала в более раннем анализе у самого Меттерниха, стратегии, которой австрийский дипломат, правда не всегда последовательно, будет придерживаться вплоть до падения Наполеона. Хотя в ней и был заложен сильный антинаполеоновский заряд, но было бы упрощением видеть только эту сторону. В той же, если не в большей мере эта стратегия нацелена против возможного преобладания в Европе могущественной Российской империи. Отсюда неоднозначность мотивов в политике Меттерниха. Репутация убежденного противника Наполеона позднее побудила его спрямить задним числом свой собственный политический курс, придать ему последовательную антинаполеоновскую направленность. Этой задаче подчинена и публикация документов, осуществленная под непосредственным наблюдением его сына. Меттерних предстает в роли рока Наполеона. В немалой мере под влиянием этих источников Г. фон Србик рисует образ Меттерниха как непримиримого, принципиального врага Наполеона. Вполне естественно, что такой Меттерних не мог относиться серьезно к идее австро-французского союза, а лишь «морочил» этой идеей Наполеона¹¹⁸.

Подобная версия выглядит не очень убедительно уже хотя бы потому, что Наполеон был дипломатом не меньшего калибра, чем полководцем; все козыри были у него на руках, и не австрийский посол морочил ему голову, а он играл с ним как кошка с мышью. Не учитывает в должной мере эта версия и диалектики отношения Меттерниха к Наполеону и его империи. Причем диалектика эта складывается как раз в парижские годы. Прибыл Меттерних во Францию ярким ненавистником узурпатора, но то, что он увидел в наполеоновском государстве, поколебало его предубеждения. Дело заключалось не только и не столько в личном обаянии императора французов. Тем более что общение с ним тогда было редким и чаще всего официальным.

Гораздо сильнее на него повлияла сама империя – плод деятельности Наполеона – законодателя и правителя. По словам Меттерниха, Наполеон был законодателем и администратором по инстинкту¹¹⁹. Посол не мог сдержать восхищения эффективностью наполеоновской системы, бесперебойным и точным функционированием ее механизмов, он воздал должное ее полицейскому аппарату, а также разведке и контрразведке. Его наблюдения парижской поры отразились на всех его проектах административно-управленческих реформ, в его подходе к проблемам национальностей в империи Габсбургов.

Он извлек уроки из наполеоновских методов обработки общественного мнения. В пренебрежении ими Меттерних усматривал грубую ошибку монархических правительств, которых ничему не научила Французская революция. «Общественное мнение, – писал он в послании Штадиону, – самое могущественное средство, которое подобно религии проникает в самые глухие места, где административные меры бессильны; презирать общественное мнение столь же опасно, как и презирать моральные принципы»¹²⁰. Самым же эффективным средством воздействия на общественное мнение, как показывает французский опыт, является пресса. Меттерних ссылался на слова Наполеона, что полдюжины продажных писак могут навести страха не меньше, чем трехсоттысячная армия¹²¹.

От него не ускользнула, однако, принципиальная слабость могущественной и стройной системы. Стоит ее творцу потерпеть поражение или погибнуть, и она рухнет. Ей недоставало укорененности в исторической почве, какой обладали старые династии.

Наполеон перестает быть для Меттерниха воплощением революции. Более того, по его собственным словам, он понял, что «этот человек сам стал дамбой против анархистских тео-

¹¹⁸ Srbik H. R. Op. cit. S. 117.

¹¹⁹ NP. Bd. 1. S. 278.

¹²⁰ Ibid. Bd. 2. S. 192.

¹²¹ Ibid. S. 193.

рий во Франции и в тех странах, на которые легла его железная рука»¹²². Он приводит также сказанные ему Наполеоном слова: «В молодости я был революционером из-за невежества и амбиции. В разумном возрасте я, следуя советам и собственному инстинкту, раздавил революцию»¹²³.

Меттерниху были в общем чужды ультрароялистские предубеждения. Если сразу после провозглашения империи он был склонен рассматривать ее как прикрытие принципа народного суверенитета, то теперь воочию убедился, что единственным носителем суверенитета являлся сам император. Реальный политик тогда явно доминировал в нем над доктринером и поэтому мощь наполеоновской империи в сочетании с ее контрреволюционным характером была в его глазах достаточной ее легитимацией. Теперь уже Меттерних полагал, что революционная анархия может стать следствием развала наполеоновской империи. Наполеон для него – не революционер, а нарушитель европейского равновесия. Следовательно, и борьба против него – это прежде всего борьба за восстановление баланса сил, нарушенного гипертрофированной мощью наполеоновской Франции. Но как раз такой подход, практически лишенный идеологических предрассудков, открывал и возможности сотрудничества с Наполеоном при тех или иных колебаниях баланса сил.

¹²² NP. Bd. 1. S. 97.

¹²³ Ibid. S. 286–287.

III

Характерные черты формирующегося дипломатического стиля Меттерниха отчетливо проявились в эпизоде разрыва Австрией дипломатических отношений с Англией. Проблема возникла после того, как англичане напали на датский флот и подвергли варварской бомбардировке Копенгаген в ответ на мероприятия Наполеона, связанные с Континентальной блокадой. На дипломатическом приеме 15 октября 1807 г. Наполеон разыграл очередной приступ гнева и угрожающе заявил, что не потерпит присутствия где-нибудь в Европе ни одного британского дипломата. Меттерних убеждает Штадиона, что нужно выполнить требование Наполеона о разрыве отношений с Англией. Император французов не остановится ни перед чем ради изоляции Англии. Еще не оправившейся от поражения Австрии нельзя рисковать своей независимостью и целостностью. Сейчас лучше склониться пред Наполеоном, чтобы «дождаться дня, когда можно будет бросить на чашу весов чудовищное средство, которое провидение даст в руки его величества. Этот день придет! Такая держава, как наша, должна пережить одного-единственного человека»¹²⁴.

Наверное, Клеменс был искренен, когда сочинял это послание, но в то же время чувствуется, что оно написано с учетом взглядов и психологии адресата. Штадион, скрепя сердце, согласился с аргументами своего парижского посла, ведь они соответствовали образу мыслей самого министра, готовившего войну против Наполеона. Он с облегчением позволил Меттерниху взять дело разрыва с Англией в собственные руки. Клеменс же увидел в нем интересные дипломатические возможности как для Австрии, так и для себя лично. Привлекательной выглядела идея австрийского посредничества между главными антагонистами: Францией и Англией. Меттерних надеялся убедить французов апробировать ее прежде, чем Австрия порвет отношения с Англией. Это подняло бы престиж и политический вес Австрии в Европе, да и сам Меттерних сразу мог стать значительной фигурой в европейской дипломатии. Следовательно, для него в отличие от Штадиона дело не сводилось только к выжиданию удобного момента, чтобы отомстить французам за былые унижения. Меттерних видел определенные перспективы и при существующем положении вещей.

Штадион дал ему относительную свободу рук, так как в идее посредничества его привлекала возможность оттянуть разрыв с Англией. Из таких же соображений исходил и австрийский посол в Лондоне граф Л. Штаремберг, без особого желания подключившийся к игре Меттерниха. Все же он убедил англичан хотя бы рассмотреть мирные предложения Франции. Одновременно Штаремберг обратился к Меттерниху с тем, чтобы тот побудил Наполеона выдвинуть приемлемые для Англии условия. Меттерних в еще большей мере берет игру на себя, испросив у Штадиона полномочия на тот случай, если потребуется действовать энергично, без непосредственного согласования с Веней.

Игру поддержал и Наполеон; он ничего не имел против того, чтобы выглядеть миролюбивым в глазах уставших от его войн французов, небезразлично было ему и общественное мнение Европы. Клеменс в мечтах уже видел себя миротворцем европейского масштаба и, увлеченный идеей посредничества, явно переоценил серьезность мирных намерений Наполеона. Это обстоятельство как раз и подчеркивает неоднозначность, диалектику парижской дипломатии Клеменса. В письме Штарембергу, которое было доставлено в Англию судом-парламентом вместе с ответом Наполеона на английскую ноту, Меттерних уверял коллегу, что Франция имеет самые серьезные намерения. В случае отрицательного ответа английского правительства австрийский посол должен был затребовать паспорта. Штадион в Вене намного реалистичнее оценивал намерения Парижа. Наполеон и Шампаньи не форсировали события, чтобы

¹²⁴ Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 163.

поддержать определенные иллюзии насчет своего миролюбия. Но британский министр Дж. Каннинг решительно прервал игру с посредничеством, заявив, что будет вести переговоры с австрийским послом без непосредственного контакта, только письменно. Штарембергу оставалось лишь затребовать паспорта, и 18 января 1808 г. он покинул Лондон.

Несмотря на провал посреднических усилий, Меттерних доволен собой: «Я – центр связей между дворами Вены, Франции и Англии, и если эта роль, трудность которой по достоинству может оценить только тот, кто был здесь, не привела к великой цели – всеобщему мирному порядку, однако, я все же имел счастье послужить тому, чтобы установить с первым из тех двух дворов такие отношения, каких не было со времени уничтожения старой системы государств»¹²⁵.

Ответственность же за неудачу Меттерних постарался свалить на Штаремберга, который будто бы действовал вопреки его советам, нарушал его инструкции, пытался играть роль не посредника, а арбитра. Не исключено, что Меттерних так усиленно критиковал Штаремберга, чтобы устранить потенциального соперника, который по всем данным мог претендовать на роль министра иностранных дел, а Клеменс в глубине души предназначил ее для себя. В своем донесении он приводит замечание Наполеона о Штаремберге на полях составленной тем ноты: «Вот человек, который никогда не был бы моим послом»¹²⁶. Между Меттернихом и прибывшим из Лондона Штарембергом развернулась ожесточенная полемика. Причем Меттерних настаивал на искренности мирных намерений Наполеона. Штадиону пришлось вмешаться в свару послов. Объектом критики Меттерниха стал и другой видный австрийский дипломат, посол в Петербурге – Мервельдт. На жену Мервельдта пожаловался Меттерниху Наполеон. Ведь эта дама во время одного из обедов в Петербурге отказалась подать руку послу Наполеона Савари, замешанному в деле герцога Энгийенского, хотя демонстративно подала ее послу Англии¹²⁷. С самоиронией Меттерних назвал себя «общественным обвинителем дипломатического корпуса».

После Тильзита Меттерниха неотступно мучит кошмар франко-русского альянса. «Мы должны более всего опасаться, – пишет он 12 ноября 1807 г., – полного сближения между двумя соседствующими с нами державами». Глубокую тревогу вызвали у него слухи о намерении Наполеона развестись с Жозефиной и просить руки одной из сестер царя. Клеменс очень тесно сближается с российским послом в Париже графом П. А. Толстым, непримиримым противником Наполеона. Австрийский посол пустил в ход все свое обаяние, а самое главное – сумел убедить Толстого в том, что сам тоже является врагом императора. С Толстым Меттерних познакомился еще в Берлине. В Париже советником российского посольства оказался старый знакомец Клеменса Нессельроде. Взаимопонимание было достигнуто быстро. Российские дипломаты считали Меттерниха своим союзником, а он был крайне озабочен тем, чтобы помешать русско-французскому сближению. С этой точки зрения Толстой был для него, можно сказать, идеальной фигурой. Меттерних был хорошим психологом. Вот одно из типичных его заявлений российскому послу: «Европа, или скорее остатки Европы, находятся по одну сторону, а император Наполеон – по другую. Он приласкает Вас сегодня, чтобы обмануть. Завтра он сделает это с нами; мы должны будем вдвоем бороться против его подрывных и опустошительных проектов; открытая борьба, к несчастью, велась слишком плохо; наши позиции теперь побуждают к тому, чтобы ограничиваясь обороной принципов, всегда формировавших базу вашего и нашего существования»¹²⁸.

¹²⁵ Ibid. S. 176.

¹²⁶ Ibid. S. 177.

¹²⁷ NP. Bd. 2. S. 161.

¹²⁸ Ibid. S. 140.

Будучи человеком военным, а не дипломатом, Толстой не очень скрывал свои истинные взгляды и настроения, поэтому у него сразу же возникли сложности в отношениях с Наполеоном и Шампаньи. Толстой и Нессельроде были частыми гостями в австрийском посольстве, где чувствовали себя весьма уютно. Вскоре к Меттерниху и Толстому присоединился Талейран.

Часто близкие отношения Меттерниха с Толстым рассматриваются как свидетельство антинаполеоновской политики венского посла. В известной мере это так и было. Однако не менее важным для Меттерниха было торможение русско-французских отношений. Обхаживал Толстого он не столько ради союза с Россией, сколько ради того, чтобы вбить клин между Россией и Францией. Особенно насаждает Клеменс на Толстого с конца ноября 1807 г., когда поползли слухи о матримониальных намерениях императора французов. Толстой уверяет Меттерниха, что Наполеон не получит руки великой княжны¹²⁹. Но дружеские заверения российского посла не смогли развеять опасений Меттерниха. К тому же Наполеон искусно их поддерживает.

Тревожили Меттерниха и русско-французские переговоры о судьбе Турции и ее владений. Они проходили в Петербурге, и Толстой имел о них скудную информацию. Как раз в это время посол Меттерних втягивается в омут так называемого «восточного вопроса», который испортит столько крови канцлеру Меттерниху. Еще в Тильзите, масштабно разделив сферы влияния между Францией и Россией, Наполеон дал согласие на присоединение к России Дунайских княжеств Молдавии и Валахии, манил воображение царя Константинополем. В то же время Наполеон ободрял турок не уступать России. Раздел Турции между Францией и Россией был одной из главных приманок Наполеона для царя, хотя он предпочел бы сохранить Турецкую империю. Наполеон добился проведения в Париже русско-турецких переговоров при посредничестве Франции, которые начались на рубеже 1807–1808 гг.

Меттерних, естественно, не мог упустить такой великолепной возможности, так как в сохранении Турции Австрия была заинтересована еще больше, чем Франция. Продвижение же России в Восточную Европу рассматривалось как серьезная угроза Габсбургской империи, среди подданных которой немалую часть составляли славяне. Меттерних постарался наладить хорошие отношения с турецким послом Мухибом-эфенди, а тот вскоре дал понять Толстому, что питает доверие к австрийскому послу. Поскольку Меттерних был близок с обоими участниками переговоров, проходивших во французской столице, то имел исчерпывающую информацию. Он хотел бы вклиниться в них, взять на себя посреднические функции. Встревоженный чрезмерной, на его взгляд, активностью посла, Штадион охлаждает его пыл.

Между тем переговоры в Париже все более превращались в фарс. Меттерниху стало очевидно, что Наполеон заинтересован в их затягивании. Это вызывало неудовольствие царя, ухудшало климат русско-французских отношений. В середине января Талейран сообщил Меттерниху, что Наполеон ради сохранения союза с Россией готов на раздел Турции. Если вы пойдете против течения, предостерегал он, «вы будете раздавлены, если вы останетесь пассивными, то опуститесь до уровня державы второго ранга»¹³⁰.

Таким образом, нужно принять участие в разделе, чтобы получить свою долю. Затем последовала беседа с Наполеоном, который доверительно говорил, что он в принципе за сохранение Турции и не хотел бы видеть русских в Константинополе, но испытывает сильное давление с их стороны. Поэтому Австрия и Франция нуждаются друг в друге. Император произнес тираду против России, отметив, что русским недостает цивилизованности, стабильности во взглядах и принципах. Беседа была довольно долгой, собеседники свыше пятидесяти раз пересекали императорский кабинет¹³¹.

¹²⁹ Ibid. S. 146.

¹³⁰ Ibid. S. 159–160.

¹³¹ Ibid. S. 164.

Меттерних немедленно запросил Вену об австрийских требованиях на случай раздела Турции. Скрыв от своего приятеля Толстого разговор с Наполеоном, Клеменс закинул удочку насчет совместных действий с Россией в турецком вопросе. Он хотел двойных гарантий, чтобы обеспечить Австрии в случае раздела Турции добычу посолднее. Поддался искушению и Штадион, очертивший довольно широкую сферу австрийских интересов: турецкая Хорватия, Босния, Сербия и Болгария с северным побережьем Эгейского моря, от Салоник до Марицы¹³². Хотя у Меттерниха и возникли подозрения, не является ли план раздела турецкого наследства маневром Наполеона, но он все же попался в ловушку. Он был слишком озабочен тем, чтобы нейтрализовать франко-русский альянс, а Наполеон сумел сыграть на этом и усилить взаимные подозрения между Веной и Петербургом.

О том, какое серьезное значение придавал Меттерних франко-русским отношениям, свидетельствует его поведение в связи с Эрфуртским свиданием Наполеона и Александра I. Он стремится во что бы то ни стало попасть туда. Меттерних просит у Наполеона разрешения сопровождать его в Эрфурт, мобилизует на помощь Талейрана. Тот активно поддерживает австрийского посла. «Мы не можем быть праздными наблюдателями»¹³³, – бьет тревогу Клеменс. Наконец Штадион разрешил ему поездку, но французская сторона в очень вежливой форме отклонила просьбу венского посла. Наполеон мотивировал отказ тем, что в Эрфурт не разрешено ехать ни одному из послов, кроме российского, так как царя будет сопровождать французский посол Коленкур. Шампаньи утешил Меттерниха тем, что в его страстном желании сопровождать Наполеона в Эрфурт император видит «новое доказательство доброго духа, который Вас воодушевляет»¹³⁴. Меттерниху были даны заверения, что в Эрфурте не будут приняты какие-то шаги, направленные против Австрии.

Отчаявшись попасть в Эрфурт сам, Меттерних рекомендует отправить туда представителем императора Франца I генерала Винцента. У Клеменса прорезаются замашки министра, он действует так, как будто уже стал канцлером. Он сам составляет инструкции для Винцента, высылает их Штадиону вместе с посольскими депешами. Известной компенсацией Меттерниху послужило то, что представительство интересов Австрии в Эрфурте тайно взял на себя Талейран. Еще одной удачей оказалась давняя близость Талейрана с Винцентом. По возвращении в Вену генерал подтвердил переход Талейрана в оппозицию, еще более тем укрепив Штадиона в его воинственном настроении.

¹³² Botzenhart M. Op. cit. S. 203.

¹³³ NP. Bd. 2. S. 229.

¹³⁴ Ibid. S. 231.

IV

С весны 1808 г. начинается самый сложный и даже драматический период парижской жизни Меттерниха. Неудачи Наполеона в Испании пробудили надежды его противников. Придерживавшийся осторожного выжидания Штадион решает форсировать подготовку к войне. Масла в огонь подлила депеша Меттерниха от 30 марта 1808 г. Сам посол не рассчитывал на такой эффект. Поскольку Меттерних писал депеши часто, непосредственно по горячим следам событий, то в них порой отражались его сиюминутные настроения и впечатления. При всем самообладании он был человеком импульсивным, не лишенным воображения. Не могла не проявиться диалектика или, лучше сказать, двойственность его личной политической позиции. Поэтому в его дипломатическом документальном наследии можно найти аргументы для противоположных, полярных интерпретаций.

Под впечатлением грубых, противоправных действий Наполеона, бесцеремонно убравшего с пути испанских Бурбонов, Меттерних изложил Штадиону свои умозаключения, в соответствии с которыми от императора французов следует ожидать все новых и новых агрессивных акций, так как он не потерпит существования независимых от него монархий. Затем последовали донесения от 13 и 15 апреля, их лейтмотив был созвучен предшествующему: участь Испании должны будут разделить другие европейские монархии, в том числе и Габсбургская, которая «в конце концов будет раздроблена и разделена между креатурами и генералами»¹³⁵.

Даже бесстрастный флегматик Франц не остался равнодушным к донесению посла и твердо стал на сторону Штадиона. К «военной партии» примкнул и осторожный эрцгерцог Карл. Едва ли сам Клеменс рассчитывал на такой эффект. «Военную партию» укрепила молодая императрица Мария Людовика из рода д'Эсте, ставшая в январе 1808 г. третьей супругой Франца I.

Вопрос о роли Меттерниха в развязывании войны 1809 г. остается одним из наиболее спорных в его политической биографии. Интересно, что два главных антагониста Г. фон Србик и В. Библь на этот счет придерживаются одинакового взгляда, хотя и расходятся в аргументации. Србик готов признать, что его герой допустил «роковые ошибки»: «недооценил военную мощь Наполеона, понадеялся на народную войну (к ней он призывал еще юношей в 1794 г.), на Россию. Поэтому его "страстные" памятные записки и депеши подталкивали на "несчастную", но "славную" войну 1809 г.»¹³⁶. Вопреки многочисленным недругам Меттерниха, упрекавшим его в холодной бесстрастности, пренебрежении национальными интересами, Србик придает ему привлекательные, романтические черты. Пусть в молодости он и совершал ошибки, но повинуюсь благородным побуждениям.

В. Библь охотно соглашается со своим маститым оппонентом насчет «роковых ошибок», но их подоплеку трактует совершенно иначе. Действительно, Меттерних, как уверен Библь, относится к главным творцам войны, но главным образом из легкомыслия, угодливости¹³⁷. Кроме того, он поддался внушению Талейрана и Фуше, уверявших, что дни императора сочтены, а затем своими подстрекательскими донесениями во многом способствовал тому, что венский кабинет опрометчиво начал поход 1809 г.¹³⁸

Сам же Меттерних стремился предстать в ореоле непримиримого борца против деспота Европы. «Новая вспышка войны не только в природе вещей, но и представляет собой

¹³⁵ Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 217.

¹³⁶ Srbik H. R. Op. cit. S. 117–118.

¹³⁷ Bibi V. Metternich: Der Dämon Österreichs. Wien, 1936. S. 57–58.

¹³⁸ Bibi V. Metternich in neuer Beleuchtung. Wien, 1928. S. 78.

для нашей империи абсолютное условие ее существования. Этот вопрос был решен в моей душе. Дело заключалось главным образом в выборе момента и обоснованном оперативном плане»¹³⁹, – так писал он много лет спустя в своих мемуарах.

В реальности все обстояло много сложнее. Меттерних сам был напуган резонансом своих посланий. Штадион от них в совершеннейшем восторге: «Ваши донесения – золото и воспринимаются здесь как золото. Впервые я питаю надежду, что узнаю то, что нужно знать, хочу того, чего должно хотеть»¹⁴⁰. «Я боюсь, – обеспокоенно пишет Меттерних в ответ Штадиону, – что меня неверно поняли и моими иеремиадами я добился эффекта, противоположного тому, какого хотел. Я хочу мира с Францией, потому что мы в нем безусловно нуждаемся»¹⁴¹. Меттерних не видит для Австрии шансов на победу в новой войне против Наполеона. Германский историк М. Ботценхарт убедительно, на наш взгляд, доказал, что Меттерних весной 1808 г. не был сторонником войны с Францией, и вплоть до конца года его позиция принципиально отличалась от курса Штадиона. В сущности, как это ни парадоксально, Меттерних хотел вести спор с Наполеоном, оставаясь в хороших отношениях с ним. Он прибегает к излюбленному дипломатическому приему, аналогичному уступающей защите в фехтовании или принципу дзюдо. Нужно влиять на планы и действия Наполеона, модифицировать их, принимая в них участие. Тем более что время и история на стороне традиционных династий, а не императора французов, чья система не переживет его самого.

В Австрии всю шла подготовка к войне, Штадион с головой ушел в военные дела, поэтому Меттерних шесть недель не получал известий из Вены. Он нервничает. Им вновь овладевает возмущение, когда стало известно, что Наполеон устроил в Байонне ловушку для испанского короля Фердинанда VII. Теперь его корона должна перейти к Жозефу Бонапарту. Однако свойственное Клеменсу благоразумие перевешивает негодование: «Провоцировать войну против Франции было бы безумием; следовательно, ее нужно избегать, но этого можно достигнуть при условии, что мы станем сильными»¹⁴². У Австрии, по мнению Меттерниха, в одиночку, без помощи России, нет никаких шансов. Вообще необходимо больше полагаться на «нашу политическую мудрость, чем на военные средства». Реалистические суждения Меттерниха вызывали недовольство, его упрекали в симпатиях к Наполеону. Ему даже приходилось оправдываться: «У меня нет ни малейшего пристрастия к человеку, о котором я могу судить лучше, чем большинство современников»¹⁴³. Но «военная партия» во главе со Штадионом и императрицей Марией Людовиковой закусил удила. Из донесений Меттерниха его шеф воспринимал только то, что свидетельствовало в пользу сделанного им выбора. Австрийскому послу остается только одно – как-то смягчить реакцию Парижа на активные военные приготовления Вены. Чтобы сохранить почву под ногами, он просит Штадиона пойти хотя бы на некоторые уступки – расследовать французские протесты по поводу захода в Триест английских судов под американским флагом, инцидента с французским консулом в этом же городе. Меттерних рекомендует признать Жозефа Бонапарта королем Испании.

Вена не реагирует на его просьбы, и в австро-французских отношениях явно назревает кризис. С апреля 1808 г. он вступает в острую фазу. Париж делает запрос по поводу крупномасштабных военных приготовлений Австрии. Учитывая методы Наполеона, Меттерних не исключал превентивной войны для того, чтобы уничтожить австрийскую армию заблаговременно, до ее полного снаряжения и развертывания. Чтобы успокоить Наполеона, он предлагает Штадиону отказаться от мероприятий по формированию ландвера, то есть вспомогательных

¹³⁹ NP. Bd. 1. S. 68.

¹⁴⁰ Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 218.

¹⁴¹ Ibidem.

¹⁴² NP. Bd. 2. S. 189.

¹⁴³ Ibid. S. 178.

сил типа народного ополчения или национальной гвардии. С присущей ему самонадеянностью он полагает, что сможет снять тревогу Наполеона при личной встрече. Поэтому он просит у Штадиона разрешения на поездку в главную квартиру Наполеона, воюющего в Испании, но не находит поддержки.

Желанная встреча с императором французов состоялась только 15 августа 1808 г. в Сен-Клу, на большом дипломатическом приеме, и проходила она по сценарию Наполеона, который был и главным действующим лицом. «Он хотел говорить со мной, – писал в отчете австрийский посол, – но не один на один, а он хотел сделать это перед лицом всей Европы»¹⁴⁴.

В отсутствие папского нунция Меттерних стоял первым среди собравшихся дипломатов. Справа от него находился российский посол, слева – нидерландский, остальные образовали круг. Сначала Наполеон осведомился о здоровье семьи, сказал австрийскому послу еще несколько дежурных фраз. Затем он вступил в разговор с Толстым и вдруг резко повернулся в сторону Меттерниха, буквально выстрелив в него вопросом: «Не чрезмерно ли вооружается Австрия?» Далее на голову Клеменса обрушились упреки, сопровождаемые угрозами. Перечень провинностей Австрии был достаточно велик. Однако вскоре Наполеон обуздал свой темперамент или, точнее сказать, рассчитанный гнев, и разговор перешел в нормальную тональность и продолжался около часа.

В мемуарах Меттерних изображает беседу с Наполеоном как свою дипломатическую победу. Поток обвинений с его стороны он-де противопоставил абсолютную выдержку и «оружие иронии». «После ухода Наполеона, – писал он, – коллеги бросились поздравлять и благодарить меня за то, что я дал урок императору»¹⁴⁵. А после Шампаньи передал Меттерниху слова Наполеона, что его упреки были адресованы не лично послу, а императору Францу. Французский историк, глубокий знаток жизни Меттерниха и дипломатической истории первой половины XIX в. Г. Бертье де Совиньи, считает более достоверной ту версию беседы, согласно которой Меттерних вообще не проронил ни слова в ответ на обвинения Наполеона, чтобы не раздражать того еще больше¹⁴⁶. Если это было так, то весьма иронический оттенок приобретают хвастливые слова Меттерниха: «Я знал язык, на котором следует разговаривать с Наполеоном»¹⁴⁷. Характерно, что в отчете о встрече с императором французов Меттерних не только придерживается спокойного тона, а даже склонен снизить драматический накал беседы. Он не хотел еще больше провоцировать Вену.

Совсем спокойно проходила состоявшаяся через десять дней частная аудиенция у Наполеона. Император предостерегал, что австрийские вооружения могут спровоцировать Францию на какой-нибудь неосторожный шаг. Испанские же события не должны беспокоить венский двор, так как Бурбоны – его личные враги, а к Лотарингскому дому (так еще именовали Габсбургов) он питает доверие. Дальнейшие переговоры Наполеон передоверил Талейрану. Тот дал знать Меттерниху, что императору было бы приятно принять из рук Франца I орден Золотого руна. Был упомянут в этой связи и маршал Бертье. Не забыл Талейран и о себе. Вообще положительное решение вопроса об обмене орденами могло бы ослабить напряженность. У Меттерниха не было никаких принципиальных возражений, все эти символы монархии он готов был использовать как разменную монету в большой дипломатической игре. Обмен орденами, признание Жозефа Бонапарта испанским королем – это такого рода уступки, на его взгляд, на которые можно пойти ради сохранения мира.

¹⁴⁴ Ibid. S. 200.

¹⁴⁵ Ibid. Bd. 1. S. 67.

¹⁴⁶ Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 97–98.

¹⁴⁷ Botzenhart M. Op. cit. S. 238.

В конце августа 1808 г. Меттерних настроен оптимистически: «Гордиев узел можно разрубить без труда»¹⁴⁸. Он явно доволен собой и в своей, мягко говоря, не очень скромной манере пишет отцу (3 сентября 1808 г.), что слухи о войне, которые ходили по Европе, «благодаря моим усилиям превратились в ничто; мы не только имеем мир с Францией, но и самые лучшие отношения с ней, которые обеспечили нам Бог, храбрые испанцы, мое собственное мужество и твердое поведение»¹⁴⁹.

Но восторг Клеменса был преждевременным. Его усилия не вписывались в стратегию Штадиона и К°. Даже те незначительные уступки, на которые Меттерних считал нужным пойти ради умиротворения Наполеона, Штадион находил неприемлемыми, и фактически министр дезавуировал своего посла. Назрела необходимость поездки в Вену, где Клеменс не был более двух лет. Наполеона не было в Париже, и Шампаньи дал послу разрешение на поездку в Вену.

12 ноября Меттерних прибывает в Вену. Его немедленно принимают сначала Штадион, затем Франц. Ему сразу же становится ясно, насколько далеко зашла Австрия в своих военных приготовлениях. По сути дела, корабли были уже сожжены, мирная альтернатива практически не принималась в расчет. Штадион весьма оптимистически расценивал перспективы новой войны с великим полководцем. Надежды вселяло настроение народа. Наполеону теперь должна была противостоять не только армия, но и нация.

От Меттерниха ждали консультации по трем основным вопросам: 1) внутреннее положение Франции, 2) возможности сближения между Австрией и Россией, 3) влияние войны в Испании на военную мощь Наполеона. В результате из-под его энергичного пера вышли три памятные записки, на основании которых ряд историков склонен считать его одним из главных подстрекателей и зачинщиков войны. Но, как верно замечает М. Ботценхарт, ни в одной из этих записок Меттерних не отвечает на вопросы о том, начинать ли войну и когда это лучше сделать.

Работая над памятными записками, Меттерних опирался во многом на сведения, полученные в ходе общения с Талейраном и Фуше. Существенную роль играли и его личные наблюдения. В связи с первым вопросом он отмечает изменения в настроении французов, в их отношении к Наполеону. Император, по мнению Меттерниха, «уже не отец своего народа, а глава армии». Поэтому предполагаемая война будет не войной французской нации, а скорее войной армии¹⁵⁰. Но Клеменс, как обычно, осторожен, он предупреждает, что нельзя строить расчеты на настроениях французского народа, тем более что он еще достаточно лоялен к своему правителю.

Другое дело антинаполеоновская оппозиция, прежде всего в лице Талейрана и Фуше. Всплывает в этой связи и любовница Клеменса Каролина Мюрат. Талейран сказал Меттерниху, что привлек на свою сторону Коленкура. Их цель – «консолидировать новый порядок вещей на их родине, обратить взоры императора вовнутрь страны, работать над всеобщим миром»¹⁵¹. В Эрфурте Талейран обратился к царю как к спасителю Европы. Толстой подтвердил все сказанное Талейраном. После двух десятков встреч с Талейраном у них сложился общий подход: «Дело Наполеона перестало быть делом Франции, Европа может быть спасена только тесным союзом между Австрией и Россией»¹⁵². В Эрфурте Талейран как раз и работал в этом направлении, стараясь отдалить царя от Наполеона, но Меттерних не питает иллюзий, будто австро-русский союз – дело сегодняшнего или даже завтрашнего дня.

¹⁴⁸ Цит. по: Botzenhart M. Op. cit. S. 249.

¹⁴⁹ Цит. по: Corti E. C. Op. cit. Bd. 1. S. 130.

¹⁵⁰ NP. Bd. 2. S. 248–249.

¹⁵¹ Ibid. S. 250.

¹⁵² Ibid. S. 255.

Понимая, что «оппозиция», олицетворенная Талейраном и Фуше, выглядит не очень привлекательно, особенно с моральной точки зрения, Меттерних подчеркивает: «Эти союзники – не ничтожные люди и низкие интриганы, а люди, которые могут представлять нацию и претендовать на нашу поддержку»¹⁵³. Полного доверия к таким союзникам не было, но и обойтись без них нельзя. «Такие люди, как Талейран, подобны острым инструментам, с которыми опасно играть; но большие раны требуют сильных лекарств, и человек, который вынужден их лечить, не должен бояться использовать тот инструмент, который режет лучше всех»¹⁵⁴.

Из анализа войны в Испании Меттерних делает не очень ободрающие выводы. Хотя гений Наполеона дает осечки, сталкиваясь с национальной войной, тем не менее завоевание Испании неизбежно. Несмотря на то, что силы Наполеона отвлечены на Пиренейский полуостров, Австрия может рассчитывать лишь на то, что ее силы будут примерно равны французским в начальный период войны.

Напрасно искать во всех трех записках призыва к войне. Если же вспомнить о «роковых ошибках», отмеченных Србиком, то можно признать таковой расчет на нейтралитет России. Однако прилагательное «роковая» было бы преувеличением, так как участие России в войне 1809 г. на стороне Наполеона носило в основном символический характер. Воздействие записок определялось тем, что читавшие их люди уже были настроены на войну и искали в подготовленных Меттернихом документах лишь аргументы в пользу своего решения.

Самое интересное в этом эпизоде политической биографии Меттерниха заключается в следующем: после довольно реалистического анализа ситуации, несмотря на все оговорки и предостережения, несмотря на чувство опасности, неуверенности в исходе грядущей борьбы, он переходит на сторону «партии войны». Опять, причем с исключительной рельефностью, обнаруживается главное свойство его натуры – оппортунизм. Вряд ли бы повел он себя так, не будь на стороне Штадиона и императрицы Марии Людовики самого императора Франца. Идти же против столь сильного течения было не в принципах Клеменса. Конечно, в его позиции до приезда домой были моменты, сближавшие его с воинственными венцами, но их перевешивала осторожность, основанная на трезвом расчете. Любивший кичиться твердостью принципов, Меттерних дрогнул перед угрозой монаршей немилости, а присоединившись к военной партии, он, естественно, и в ней хотел играть отнюдь не последнюю роль. Как это ни парадоксально, его с опозданием обретенная воинственность объяснялась конформистскими, оппортунистическими соображениями. Оправдаться перед самим собой ему было не так уж трудно: что можно поделать против «хода вещей»?

Войну австрийцы планировали на март 1809 г. Меттерних вернулся в Париж в начале января, даже не получив обычных письменных инструкций. Его пребывание во французской столице должно было служить прикрытием, правда весьма прозрачным, для завершающихся военных приготовлений. В Париже его ждал на сей раз холодный прием. Ситуацию обострили полученные Наполеоном сведения об интригах Талейрана и все более открытом вооружении Австрии. Император буквально примчался из Вальядолида в Париж и 28 января устроил знаменитую сцену разноса Талейрана. На другой день тот вступил в прямое сотрудничество с Австрией, потребовав у Меттерниха немедленно 100 тыс. франков. Австрийский посол тотчас же запросил у Штадиона в свое распоряжение 300–400 тыс. франков. Министр согласился, но предупредил, что нужно быть экономнее. Расходы оправдались быстро. 27 февраля в Вену кружным путем через Дрезден с российскими курьерами были отправлены данные о рейнской и испанской армиях Наполеона. 17 марта вновь с курьером нового российского посла князя А. Б. Куракина Меттерних послал в Вену ценные сведения о передвижениях войск¹⁵⁵.

¹⁵³ Ibidem.

¹⁵⁴ Ibid. S. 243.

¹⁵⁵ Botzenhart M. Op. cit. S. 290.

Меттерниху приходится нелегко. Наполеон демонстрирует свою холодность, общество, ранее принимавшее австрийского посла с распростертыми объятиями, теперь следует примеру императора. На приеме 2 февраля Наполеон ограничился лишь вопросом о здоровье графини Меттерних. Клеменс и Лорель – единственные из дипломатического корпуса, кого не пригласили на стрельбы гвардейской артиллерии. В беседе с русскими дипломатами Румянцевым и Куракиным Наполеон заявил, что австрийцам следовало бы дать взбучку. Российский министр иностранных дел граф Н. И. Румянцев попытался было взять на себя роль посредника, но вскоре понял, что война неизбежна¹⁵⁶. Шампаньи в беседе с Меттернихом напоминает тому об Ульме. Личные интересы семьи Меттернихов были болезненно задеты декретом Наполеона от 24 апреля 1809 г., по которому бывшие имперские графы и князья, чьи владения вошли в состав Рейнского союза, лишались прав на них, если находились на австрийской гражданской или военной службе. Таким образом, Меттернихи теряли права на княжество Охсенхаузен, включенное в состав Вюртембергского королевства.

Воинственность Клеменса растет. «Мы сильны как никогда, – утверждал он в одной из последних своих парижских депеш, – 1809 год – либо последний год старой эры, либо первый год новой»¹⁵⁷. Однако он не исключает очередного разгрома. Если Наполеон добьется быстрой победы, он станет сувереном Европы, а Австрия будет вычеркнута из списка великих держав¹⁵⁸.

Едва австрийский посол собрал чемоданы, как французские власти запретили ему отъезд из-за того, что в Вене в качестве военнопленного был задержан военный атташе французского посольства. Французский посол уже успел уехать, и в Вене опасались за безопасность своего посла, демонстрируя тем самым, по словам Меттерниха, непонимание духа и поведения Наполеона¹⁵⁹. Всем французам, кроме Шампаньи, запрещалось общение с австрийским послом.

14 апреля австрийские войска начали военные действия на территории Баварии. Ответ Наполеона был решительным и эффективным. Хотя австрийцы во главе с эрцгерцогом Карлом, безусловно талантливым полководцем, сражались как никогда храбро и умело, Наполеон нанес им целую серию поражений и в начале мая вторично, как и в 1805 г., занял Вену. На сей раз это не сломало австрийцев, и эрцгерцог Карл сумел нанести французам серьезный удар в тяжелом сражении при Асперне (21–22 мая). Успех был, видимо, для него неожиданностью, и он не смог воспользоваться его плодами, за что всю жизнь подвергался критике. Особенно рьяным критиком полководца был Клеменс, любивший порассуждать на военные темы. Сам же он 25 мая был вывезен из Парижа в карете с эскортом из жандармов для обмена на арестованного французского дипломата. Семейство же Меттерниха (Лорель и дети) с разрешения Наполеона остались на время войны в Париже. Характерный штрих о нравах и обычаях того времени, которое современники считали ужасным и жестоким.

По прибытии в Вену «военнопленный» был размещен во дворце князя Эстерхази. Он узнал, что и его отец Франц Георг попал в число заложников, взятых французами на срок до выплаты наложенной на Австрию контрибуции. Через маршала Бертье Меттерних обратился к Наполеону. Заложников, которых собирались увезти во Францию, оставили в Вене. Самому же Клеменсу военный губернатор предписал перебраться из Вены в пригород. Там, в доме матери, по соседству с резиденцией Наполеона, Меттерних ожидал размена. После нескольких неудачных попыток (французы и австрийцы не могли одновременно прибыть в назначенное место) 1 июля обмен Меттерниха на французского дипломата Додэна наконец состоялся. 3 июля Клеменс прибыл к своему императору, вместе с которым через день наблюдал за ходом решающего для всей кампании сражения под Ваграмом.

¹⁵⁶ NP. Bd. 2. S. 273.

¹⁵⁷ Ibid. S. 297.

¹⁵⁸ Ibid. S. 298.

¹⁵⁹ NP. Bd. 1. S. 71.

Несмотря на упорное сопротивление, австрийцы были разбиты. Определенные шансы на затягивание войны у них оставались, но император и его окружение, за исключением, пожалуй, императрицы Марии Людовики, сохранившей мужество, оказались в состоянии прострации. Клеменс и здесь верен себе: «Монархия была бы победоносной, – писал он 18 июля матери, – если бы я прибыл в нашу главную квартиру на восемь или четырнадцать дней раньше». Задержка с разменом на господина Додэна, «возможно, привела монархию к гибели»¹⁶⁰. После жестокого сражения при Цнайме (Зноймо) 10–11 июля эрцгерцог Карл без санкции Франца начал переговоры о перемирии. Хотя тот и осуждал действия брата, но в душе почувствовал облегчение. Мария Людовика не могла с этим примириться, она с возмущением писала: «Это меня не удивило, так как я знаю мелкую душонку Карла»¹⁶¹. Лучший австрийский полководец и благородный солдат не заслуживал, однако, столь уничижительной оценки. С чисто военной точки зрения у него были достаточные основания для перемирия. Видимо, сказывался также и комплекс, сложившийся за долгие годы неудачной борьбы с Наполеоном.

Ваграм решил не только исход кампании, но и участь главных действующих лиц проигравшей стороны: Штадиона и эрцгерцога Карла. Перед Меттернихом же открылась дверь в госканцелярию.

¹⁶⁰ Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 169–170.

¹⁶¹ Ibid. S. 173.

Глава III. «...счастливая Австрия, заключай браки»

I

После Ваграмской битвы главный поборник войны граф И. Ф. Штадион взял на себя ответственность за поражение и попросил об отставке. Если верить Меттерниху, Штадион уже накануне сражения выглядел совершенно подавленным. Он относился к людям «живой созидательной силы и светлого разума, которые легко поддаются впечатлениям момента. Люди этой категории склонны всегда к крайностям: для них нет никаких переходов, а так как последнее заложено в природе вещей, то они предвосхищают события, вместо того чтобы подождать и потом работать спокойно»¹⁶². Меттерниховская характеристика Штадиона, конечно, интересна, но важнее другое. Штадион будто бы сказал Клеменсу, что политика, которую тот предлагал, была более пригодна, нежели та, которой он следовал. Говорил это Штадион или нет, не столь уж существенно; важнее другое – вольно или невольно Меттерних признал, что его политика отличалась от воинственного курса Штадиона.

По версии Меттерниха, уже утром 8 июля 1809 г. император вызвал его к себе и принял со словами: «Граф Штадион просил об отставке; я предлагаю вам его место в департаменте внешнеполитических дел»¹⁶³. В ответ Меттерних будто бы предложил, чтобы назначение было условным, поскольку выглядело несвоевременным, и он еще не чувствовал себя «созревшим» для такой ответственной роли. «Я менее опасаясь людей, которые сомневаются в своих способностях, чем тех, кто считает, что может все», – сказал ему ободряюще Франц. Далее Меттерних пишет, что пытался отговорить Штадиона, но тот был тверд в своем решении. В конце концов договорились не объявлять об отставке Штадиона до конца войны. Груз ответственности, утверждает Меттерних, он принял только из чувства долга. «Свободный, как и всю мою жизнь, от малейшего честолюбия, я чувствовал только тяжесть цепей, которые должны были лишить меня всякой личной свободы»¹⁶⁴, – уверял он будущих читателей автобиографии.

В действительности эта история выглядела несколько иначе. Клеменс великолепно использовал благоприятную возможность, которая представилась ему в ходе совместного путешествия с Францем из Цнайма в Коморно. Они были вдвоем в карете, и Меттерних мог пустить в ход все свое незаурядное мастерство оболстителя, основанное на умении распознавать особенности психологии людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. Любопытны с этой точки зрения написанные им портреты Наполеона и Александра I. Без этой способности сыграть на тех или иных струнах души своих друзей и врагов Меттерних не стал бы мастером политической интриги. Правда, самомнение, склонность к шаблону порой вводили его в заблуждение, а некоторые политические деятели, не укладывавшиеся в рамки его привычных представлений, так и остались для него неразгаданными.

Своего же императора он изучил досконально и, несмотря на разительное несовпадение характеров, стиля жизни, сумел подобрать к нему ключи. Не исключено, что именно их совместная поездка во многом предопределила выбор Франца I.

Меттерних быстро научился не только предугадывать мысли и желания своего кайзера, но и при необходимости облекать их в изящную форму. Более того, Меттерних овладел такой манерой ведения дел, при которой многие его собственные решения выглядели как бы исходящими от императора. Сам Франц очень не любил отягощать себя принятием решений. У

¹⁶² NP. Bd. 1. S. 83.

¹⁶³ Ibid. S. 85.

¹⁶⁴ Ibid. S. 86–87.

него был образ мыслей добросовестного чиновника средней руки. Не может не удивлять сближение этих двух, на первый взгляд, столь разных людей: фривольного грансеньера и добропорядочного бюргера с императорской короной. Дело не только в умении Меттерниха улавливать нюансы настроения своего августейшего повелителя, не только в том, что он разгружал его от массы неприятных и непосильных обязанностей; в Меттернихе с повадками грансеньера парадоксальным образом уживались педантизм и морализаторство. С возрастом эти свойства усиливались. Если изначально в этом еще сказывалось и стремление попасть в ногу с Францем, угодить ему, то постепенно это проявлялось как органичная часть его природы.

Скорее всего, затяжка с назначением Меттерниха на пост главы внешнеполитического ведомства объясняется не его деликатностью по отношению к Штадиону, а колебаниями Франца. Есть достаточно сведений о том, что Меттерних не очень церемонился с предшественником. Так, Ф. Генц в своем дневнике возмущается тем, как легко Меттерних переступил через Штадиона: «Я никогда не прощу Меттерниху безразличия и легкости, с какой он отнесся к уходу Штадиона, и поистине шокирующей уверенности, с какой он взялся за столь ужасающую задачу, как управление делами в такой момент»¹⁶⁵. Возникло затруднение, как именовать Меттерниха: уже не посол, но еще и не канцлер. Франц I находит выход, возведя его в ранг государственного министра.

Помог Меттерниху и Наполеон. Ему нужен был подходящий министр иностранных дел в Австрии. В Меттернихе он такового тогда не видел: ведь бывший посол в конце концов примкнул к «военной партии» и обрел, пусть не совсем заслуженно, репутацию одного из зачинщиков войны. Всплывали фамилии представителей старой сановной гвардии: графа Цинцендорфа, барона Тугута. Но первый был слишком уж дряхлым, а второй не рискнул вновь взвалить на себя тяжкое бремя поражения. Между тем Шампаньи и австрийский дипломатический представитель в ставке Наполеона граф Бубна склоняли императора в пользу Меттерниха. Бубна, в частности, старался очистить Клеменса от подозрений в подстрекательстве к войне. По сравнению со Штадионом Клеменс был для Наполеона меньшим злом, именно от этого своего ненавистника он стремился избавиться в первую очередь.

Австро-французские переговоры о мире шли крайне напряженно. Наполеон опасался затяжной войны, которая могла бы приобрести национально-освободительный характер, как в Испании. Ему нужно было как можно скорее кончить дело и в то же время сурово наказать австрийцев. Чтобы сразу же ошеломить их, Наполеон потребовал отречения Франца I и угрожал расколоть Австрийскую империю на три части: Богемию, Венгрию и собственно Австрию. Слава Богу, габсбургских принцев было в избытке. Ультимативное требование Наполеона: либо отречение и сохранение статус-кво, либо тяжелые территориальные потери.

Местом переговоров стал Альтенбург, куда Меттерних прибыл вместе с князем И. Лихтенштейном, сменившим опального эрцгерцога Карла на посту главнокомандующего. И в этот момент Наполеон опять-таки невольно оказал Меттерниху большую услугу. Император французов заявил, что не намерен вести переговоры с Меттернихом, этим «жонглером от дипломатии», а предпочитает, как солдат с солдатом, иметь дело с князем Лихтенштейном. Наполеон не без основания опасался, что Меттерних попытается затянуть переговоры, а императору нужно было поскорее развязать себе руки. Таким образом будущий министр иностранных дел был избавлен от неприятной необходимости ставить свою подпись под крайне суровым для Австрии Шёнбрунским миром (14 октября 1809 г.). Австрийская империя теряла почти 1/3 территории и 3,5 млн подданных, должна была выплатить 85 млн флоринов контрибуции, ее армия ограничивалась 150 тыс. солдат. Франц I особенно тяжело переживал потерю Тироля в пользу наполеоновской союзницы Баварии.

¹⁶⁵ Gentz F. von. Tagebücher. Leipzig, 1873. Bd. 1. S. 185.

«Я несу мир вместе с моей головой, император по своей доброй воле может распоряжаться и тем, и другим», – сказал по возвращении из Альтенбурга несчастный Лихтенштейн. Нетрудно предугадать реакцию Меттерниха: «Во время переговоров в Альтенбурге я легко мог бы добиться лучшего»¹⁶⁶, – это из письма к Лорель, в котором он, вопреки собственной версии о том, что Штадион добровольно ушел в отставку, пишет, что тот любой ценой хотел удержать свой пост. Несколько позднее в разговоре с Наполеоном Клеменс вновь затронет эту тему: «Я уверен, что никогда не заключил бы такого мира, как этот последний». И Наполеон, по словам Меттерниха, согласился с ним и сказал, что ему довелось вести переговоры со слабыми дипломатами¹⁶⁷.

В правящих кругах Австрии разгорелись упорные дебаты между партиями «войны» и «мира». Меттерних колебался вместе с Францем и не сразу стал апостолом партии мира. Как велико было у него смятение мыслей и чувств, свидетельствует любопытный фантазмагорический план, относящийся к августу 1809 г. Речь шла о том, чтобы идеей восстановления Польши перехватить поляков у Наполеона. Ради этого Австрия и Пруссия должны были отказаться от польских владений, собственно даже не от самих владений, а от права на них, так как Наполеон лишил Пруссию польских земель, а Австрия потеряла свою часть Галиции, полученную Россией за символическое участие в войне 1809 г. на стороне Франции. Франц I отослал этот план Штадиону, тот его, естественно, не принял, справедливо усомнившись в том, что поляки отойдут от Наполеона. Пугать этим Россию тоже не было смысла. На предложение Меттерниха Франц наложил такую резолюцию: «Сохранить в научных целях»¹⁶⁸.

Постоянные колебания Меттерниха, угодливость вызывали презрение у его будущего помощника «верного Гуделиста», самого опытного чиновника госканцелярии. Тот рассказывал Генцу, что на совете у кайзера 7 октября 1809 г. (за день до официального назначения канцлером) Меттерних вел себя «совершенно непоследовательно, говоря о мире и войне в соответствии с тем, откуда дует ветер»¹⁶⁹. Но именно это в немалой мере обеспечило ему вожденный пост.

Назначение Меттерниха вызвало в Вене негативную реакцию. Она объяснялась не только тем, что рейнского графа все еще воспринимали здесь как чужака. Многие сочувствовали Штадиону. Меттерниха считали, и не без оснований, интриганом, сумевшим охмурить императора. В венских салонах возникла версия о том, что, воспользовавшись минутной слабостью «доброе кайзера», Меттерних вырвал у него обещание насчет госканцелярии. Самые верные в ближайшем будущем сотрудники Меттерниха сожалели об уходе Штадиона, а в его преемнике видели самонадеянного интригана. 12 октября Генц пишет в дневнике о разговоре с Гуделистом: «Он настолько расстроен, что раскрыл мне всю свою душу. Он не может простить графу Штадиону его уход особенно потому, что тот оставил нас Меттерниху, о котором он говорил с презрением и яростью, удивившими меня, несмотря на все то, что я знал»¹⁷⁰. Гуделист был скандализован той манерой, в какой Меттерних говорил о предшественнике, и полон тяжелых сомнений насчет его возможностей в качестве главы австрийской внешней политики.

Во Франции назначение Меттерниха было встречено прохладно. Наполеон хорошо помнил, что тот водил компанию с Талейраном и Фуше. Тем не менее по сравнению со Штадионом это был все-таки лучший вариант.

¹⁶⁶ Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 192–193.

¹⁶⁷ NP. Bd. 2. S. 334–335.

¹⁶⁸ Demelitsch F. von. Metternich und seine auswärtige Politik. Stuttgart, 1898. Bd. 1. S. 37–39.

¹⁶⁹ Gentz F. von. Op. cit. S. 191.

¹⁷⁰ Ibidem.

Вместе с Клеменсом радость разделяла только Элеонора. Ее муж стал преемником ее великого деда. Едва появившись в госканцелярии, новый канцлер потребовал, чтобы она обрела такой же вид, какой был при Каунице.

Теперь ему предстояло доказать всей Европе, что ноша, которую он сам постарался взвалить на себя, по силам ему, еще молодому 36-летнему человеку, в послужном списке которого больше было амурных, чем дипломатических дел. Врагов и недоброжелателей насчитывалось у него гораздо больше, чем друзей. Сказывалась естественная зависть к его стремительной карьере. Многих отталкивало его высокомерие, едва смягченное снисходительной любезностью грансенъора. Его двусмысленное поведение в сложных, требовавших решительного выбора ситуациях создало ему репутацию двуличного, ненадежного человека. Хотя круг его знакомств весьма широк, но искренними друзьями он так и не обзавелся.

Начинать новому министру пришлось при самой неблагоприятной внешней и внутренней обстановке. Можно сказать, что он принял дела разоренной компании. Если не весь мир, как он любил говорить, то во всяком случае весь Габсбургский рейх лег на его плечи. «При чудовищной ответственности, оказавшейся тогда на мне, – писал он в автобиографии, – я находил только две точки опоры: непоколебимую силу характера императора Франца и мою собственную совесть»¹⁷¹. Впрочем, и та и другая опоры были явно ненадежны: император вполне мог пожертвовать в трудный момент министром, что же касается совести, то она могла служить Клеменсу опорой главным образом благодаря исключительной гибкости и растяжимости.

Возможностей выбора политической стратегии у Клеменса было немного: «Социальные вопросы отодвигались на второй план, все внимание было направлено на сохранение того ядра, которое после неудачных походов оставалось еще Австрийской империей»¹⁷². Многие авторы, и прежде всего Г. фон Србик, склонны свести к этому всю политическую стратегию Меттерниха с 1809 по 1813 г. На практике все обстояло сложнее. Бесспорно, подобный расчет занимал видное место в планах нового канцлера. Вместе с тем он был сторонником тактического сотрудничества с наполеоновской Францией, и сотрудничество это зашло так далеко, что грань между стратегией и тактикой оказалась размытой.

Символично, что Меттерних затеял перестройку интерьера и организационной структуры госканцелярии по образцу своего знаменитого родича. За этой внешней стороной дела нетрудно разглядеть черты, напоминающие курс Кауница с его ориентацией на альянс с Францией. «Нашей безопасности, – писал Меттерних Францу еще до вступления в должность, – мы должны теперь искать только в сближении с достигшей триумфа французской системой». Конечно, были и сомнения в связи с тем, насколько органично удастся вписаться во французскую систему. Перспективной ему казалась такая линия: «С первого же дня мира мы должны ограничить нашу систему исключительно лавированием, уступчивостью, лестью. Так мы сможем продлить наше существование до дня всеобщего распада»¹⁷³.

Для него не было сомнений в том, что наполеоновская империя на европейском континенте уже перешла пределы возможного. «Моя совесть, – писал он в автобиографической записке, – указала мне направление, которому я должен был следовать, чтобы не становиться на пути естественного развития и получить для Австрии шансы, которые могла дать первая из всех сил, сила вещей...»¹⁷⁴. Тем самым Меттерних хотел бы создать впечатление, что он повиновался всего лишь «силе вещей» (одно из любимых выражений Клеменса), ожидая благоприятного момента, чтобы выступить в качестве спасителя своей страны. Меттерниху импонировало представление о нем как хитроумном и тонком политике, сумевшем искусно переиграть в

¹⁷¹ NP. Bd. 1. S. 96.

¹⁷² Ibid. S. 97.

¹⁷³ Ibid. Bd.2. S. 311.

¹⁷⁴ Ibid. Bd. 1. S. 97–98.

многолетней затяжной борьбе грозного корсиканца. Это придавало образу австрийского канцлера нечто демоническое, мефистофелевское, но в то же время служило и индульгенцией: ведь все, даже весьма неприглядные его поступки получали оправдание в «великой цели», которой были подчинены все его помыслы и деяния.

Между тем если канцлер и был в чем-то последователен, то в своей непоследовательности, постоянных колебаниях, которые и прежде сопутствовали его дипломатической практике. Но тогда он был хотя и не пешкой, но все же легкой фигурой на дипломатической шахматной доске. Теперь же он, можно сказать, вышел в ферзи, его возможности в определении стратегии неизмеримо возросли; и его колебания вызывали изрядные волны в политической жизни Европы.

Историкам известны слова кардинала Мазарини: «Когда полагают, что австрийскому дому пришел конец, он всегда извлекает из кармана какое-нибудь чудо». Такими чудесами обычно являлись «австрийские браки», посредством которых Габсбурги опутали всю Европу. Чадолубивый австрийский дом не испытывал недостатка в эрцгерцогах и эрцгерцогинях. «Пока другие воюют, ты, счастливая Австрия, заключай браки», – гласила старинная поговорка. При совсем невоинственном Франце Австрия довоевалась до того, что возникла самая настоящая потребность в очередном чуде, и в роли чудесника намеревался выступить сам канцлер.

II

По мысли Меттерниха, очередным чудом должен был стать австрийский брак Наполеона. Идея не была оригинальной, и Меттерних не мог бы здесь претендовать на приоритет, но его ведущая роль в ее реализации неоспорима. Потом, после падения Наполеона, он пытался откреститься от ставшей сомнительной чести главного творца брака, который вызвал у современников ассоциации со знаменитой легендой о чудовище Минотавре, в жертву которому приносили красивых девушек. В изложении самого Клеменса история брака выглядит крайне запутанной; навязывается мысль, что инициатива исходила от французов. Разбитой же Австрии ничего не оставалось, как поступиться эрцгерцогиней для спасения страны.

На самом же деле дочь императора была козырной картой Меттерниха в его сложной дипломатической игре. Разыгрывая ее, он рассчитывал достичь сразу нескольких целей – и тактических, и стратегических. Сам по себе династический союз выходил за рамки краткосрочных, сиюминутных расчетов. Эрцгерцогиня оказывалась фактором в системе европейского эквilibра. Брак Наполеона с ней не только создавал предпосылки для австро-французского альянса, но и блокировал кошмарную, на взгляд Меттерниха, перспективу франко-русского союза, возникшую в связи с намерением Наполеона получить в жены российскую великую княжну. Это последнее обстоятельство особенно бросалось в глаза. Прусский дипломат писал своему королю: «Принципиальный мотив, который побудил венский двор на заключение брака между императором Наполеоном и австрийской эрцгерцогиней, – боязнь его брака с русской великой княжной»¹⁷⁵.

Во времена, когда дипломатия еще в значительной мере сохраняла династический характер, матримониальные проблемы приобретали первостепенное политическое значение, брачные союзы становились внешним проявлением союзов политических. То, что в мире простых людей именовалось сводничеством, в мире большой политики было законной частью дипломатии.

Для того чтобы создать династию Бонапартов, Наполеону нужен был наследник. Поскольку его брак с Жозефиной Богарне, в принципе счастливый, оказался бездетным, то встал вопрос о разводе. Слухи о таком повороте дел начали распространяться еще с 1807 г. Причем очень активную роль в этом играла Каролина Мюрат, яростная ненавистница Жозефины и всего клана Богарне. Многие владельцы дома были бы счастливы удостоиться родства с Наполеоном. Некоторые из Бонапартов уже успели породниться со старыми династиями. Однако самому Наполеону нужен был брачный союз не только с древней, но и достаточно могущественной династией, которая после его смерти могла бы служить опорой его наследнику. Поэтому выбор был невелик.

Логическим следствием Тильзита и Эрфурта мог стать российский вариант брака Наполеона. Однако матримониальные намерения императора французов не нашли благоприятного отклика в России, и отнюдь не православие русской великой княжны Анны Павловны, к которой сватался Наполеон, не ее юность были главными препятствиями к породнению Бонапарта с Романовыми. Тесный и долгосрочный союз с Наполеоном не вписывался в политическую стратегию Александра I, да и выскочка-корсиканец был неприемлем в качестве родственника, нельзя было не считаться и с негативным отношением к такому браку в обществе¹⁷⁶.

Но царь не желал раздражать Наполеона немедленным отказом и повел свою игру весьма тонко. Меттерних, всерьез опасавшийся франко-русского союза, с тревогой следил за ходом событий. Очевидно, подходя к царю со своей меркой, он недооценивал кастовый барьер, раз-

¹⁷⁵ Grunwald C. de. Op. cit. P. 90.

¹⁷⁶ См.: Тарле Е. В. Наполеон // Соч. Т. VII. М., 1959. С. 218–223; Манфред А. 3. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 591–594.

делявший российского самодержца, потомка Рюриковичей, и бывшего поручика Бонапарта. Для Клеменса, при всем его снобизме грансеньора, реальная политическая мощь была фактором, перевешивавшим аристократические предубеждения. Кроме того, за годы пребывания в Париже он сумел оценить величие личности Наполеона. Балансу сил Меттерних отдавал предпочтение перед легитимностью. Легитимацией Наполеона в его глазах было удушение им революции, создание могущественной империи. Поэтому он смотрел на императора французов иначе, чем царь, и многие другие представители аристократическо-династической Европы. Это был рационалистический подход в духе реальной политики, одобренный изрядной долей цинизма.

Бесполезно искать того, кто первым подал идею австрийского брака, претендентов на роль инициатора было много. Она, как говорится, уже витала в воздухе после поражения при Ваграме (хотя и есть свидетельства ее более раннего происхождения). Меттерних стал готовить к этой мысли своего императора. Претендентам на руку эрцгерцогини Марии Луизы Франческо Моденскому (брату императрицы Марии Людовики) и наследному принцу Баварии было отказано. Согласия самой Марии Луизы, естественно, никто не спрашивал. Не посчитались и с мнением ее приемной матери Марии Людовики. В объяснения также особенно не вдавались. Правда, зондаж баварского кронпринца в конце июля 1809 г. вынудил Меттерниха приоткрыть карты несколько раньше, чем ему того хотелось. Состоялся долгий, обстоятельный разговор с Францем, в котором и обсуждалось «дело величайшего значения».

После этого Меттерних отправился в Альтенбург, где встретился с Шампаньи. Князь Лихтенштейн не годился для переговоров по столь деликатному вопросу. Тем более что он не скрывал своего отрицательного отношения к идее отдать выскочке-солдату дочь императора¹⁷⁷. По дороге в Альтенбург Меттерних имел доверительную беседу с влиятельным французским дипломатом графом Нарбонном (он станет послом в Вене в период крушения наполеоновской империи) на этот же предмет. В Альтенбурге Меттерних ежедневно обедал с Шампаньи, и хотя их переговоры шли не так уж гладко, тема о браке, очевидно, тоже обсуждалась. С отъездом Клеменса партнером Шампаньи стал искусный дипломат граф Бубна, понимавший все с полуслова. Наполеон запустил и пробный шар в виде идеи брака между дочерью Люсьена Бонапарта с кронпринцем Австрии Фердинандом. Наполеона (как, впрочем, позднее и Романовых) совсем не смущало, что Фердинанд был неполноценным умственно и физически. По-видимому, разговоры об этом браке должны были послужить прикрытием зондажа насчет невесты для самого Наполеона.

Из области слухов, предположений, мало к чему обязывающих светских бесед дело переходит на солидную основу после утверждения Меттерниха в доме на Бальхаушштрассе, в госканцелярии. Уже то обстоятельство, что в Париж на смену самому новоиспеченному канцлеру был отправлен князь К. Шварценберг, представитель одного из самых авторитетных аристократических родов Австрии, а в Петербург – граф Сен-Жюльен, свидетельствовало о явном предпочтении Парижу. Правда, Меттерних хотел бы видеть там испытанного в дипломатических баталиях генерала Винцента, но против этого была «русская партия» в Вене, а канцлер был еще не так силен, чтобы настоять на своем. Не был уверен он и в том, какой прием будет оказан в Париже Шварценбергу. На всякий случай князя снабдили личным посланием императора Франца I Наполеону, чтобы избежать унизительной задержки с приемом.

Хлопоты оказались излишними, австрийский посол был принят быстро и радушно. Послание Франца за ненадобностью было предано огню. Шварценберг был просто нарасхват: приемы, прогулки, охота. Опытнейший помощник Флоре и Элеонора, которая вместе с детьми спокойно пережила войну в Париже, опекают Шварценберга – скорее солдата, чем дипломата. Именно Флоре подбросил французам идею брака еще во время мирных переговоров.

¹⁷⁷ Corti E. C. Op. cit. S. 183.

Элеонора оказалась главной помощницей мужа в столь ответственном и тонком деле. Выполнять сложную миссию ей было тем проще, что она искренне восхищалась Наполеоном. Император французов чувствовал это и доверял ей. Она окружена теплым вниманием императорского двора. На приеме 21 ноября 1809 г. Шампаньи интересуется у Флоре здоровьем потомства кайзера Франца и особенно его дочери: «Не правда ли, что единственная, у кого крепкое здоровье, кто никогда не болел – это эрцгерцогиня Мария Луиза, о которой еще говорят, что она хорошо воспитана»¹⁷⁸. Это означало, что в Париже серьезно восприняли сигналы из Вены.

Было бы наивно полагать, что император Наполеон попадает в сеть, расставленную коварным и ловким австрийцем. Конечно, он предпочел бы русскую великую княжну, переговоры французского посла Коленкура насчет руки Анны Павловны вошли в решающую фазу. Однако интуиция подсказывала Наполеону, что следует ожидать отказа. Предстать же перед всей Европой в роли незадачливого жениха императору французов было бы неприятно. Эрцгерцогине в его матримониальной кампании предназначалась роль резервного варианта. Наполеон не хотел форсировать событий, пока не прояснится окончательно ситуация в Петербурге, но к тому моменту все должно было быть наготове.

В конце 1809 г. в Вену с неофициальной миссией прибыл граф Лаборд, вновь поднявший тему о браке дочери Л. Бонапарта с кем-либо из эрцгерцогов, и походя затронул главную брачную проблему. Меттерних повел себя как опытный коммерсант: не стал проявлять эмоций, не очень обнадеживал собеседника, ссылаясь на несговорчивость императора Франца I. Француза такая игра не обманула, да и торопить ход событий не было смысла. В конце концов Меттерних дал понять Лаборду, что готов идти ему навстречу. Светско-дипломатический механизм пришел в движение. Однако в этом случае Меттерних не хотел полагаться только на «естественный ход вещей».

Особенно старалась парижская команда, но, чтобы развязать ей руки, нужно было заручиться полной поддержкой кайзера. Меттерниху удалось добиться этого довольно легко. Впрочем, первые реальные шаги он сделал даже без санкции Франца, не желая терять времени. «Эта идея моя, – говорил министр, – и хотя я не зондировал намерения императора на этот счет, но я уверен, что они будут благоприятны по отношению к делу... которое я рассматриваю как истинное счастье для нас и как славу для моего министерства»¹⁷⁹. «Я считаю это дело самым великим из всех, которые могли бы в этот момент владеть вниманием Европы», – писал он Лорель в Париж. «Император в этом деле без предрассудков, – отмечает он далее. – И вообще, наши принцессы не приучены выбирать себе супругов по влечению сердца»¹⁸⁰.

«Император, наш августейший господин, – пишет Клеменс своему послу в Париже Шварценбергу, – во всех случаях доказывал, что благо государства – первейший из законов». Далее следуют сугубо деловые указания: «Постарайтесь уточнить, насколько это возможно, вопрос о выгодах, которые Франция может предложить Австрии, исходя из перспективы семейного альянса»¹⁸¹. 14 февраля 1810 г. Меттерних пишет Шварценбергу, что согласие Марии Луизы получено: «Она чувствует всю тяжесть жертвы, но ее дочерняя любовь побуждает отбросить все второстепенные соображения, и ее согласие можно рассматривать как вполне надежное... такое положение дел позволяет нам теперь спокойно ожидать официального предложения суверена из Франции»¹⁸².

¹⁷⁸ Ibid. S. 199.

¹⁷⁹ Цит. по: Grunwald C. de. Op. cit. P. 82.

¹⁸⁰ NP. Bd. 2. S. 323.

¹⁸¹ Ibid. S. 326.

¹⁸² Ibidem.

Насчет спокойствия Клеменс преувеличивал. Пока не было отказа из Петербурга, кошки скребли у него на душе. И на этот раз Наполеон добился своего, заставив Меттерниха нервно суетиться. Последний шлет письма-инструкции Шварценбергу и Лорель, руководит каждым их шагом. Прочие дела министерства отступают на второй план. Шварценбергу не хватает решительности и ловкости. Лаборд, продолжающий играть свою посредническую роль, жалуется Элеоноре на медлительность, нерасторопность Шварценберга. Основная тяжесть ложится на слабые плечи мадам Меттерних.

В Париже идея австрийского брака привела к обострению распрей между кланами Бонапартов и Богарне. Разведенная императрица Жозефина, ее дети – принц Евгений, вице-король Италии, и королева Голландии Гортензия – за австрийское решение. Элеонора получает приглашение во дворец Жозефины. Там ее ждет самый теплый прием, и она в восторге, особенно от галантного красавца Евгения Богарне. Между внучкой Кауница и семейством Жозефины заключен союз.

Не скупится на знаки расположения и Наполеон. На приемах Элеонору приглашают к его столу, она входит в избранный круг приближенных. Не отличавшаяся здоровьем Элеонора во всей этой суете страшно похудела. Наполеон с дружеской солдатской бесперемонностью сказал ей: «Графиня, как мы постарели, похудели, подурнели». Та с обезоруживающей искренностью рассмеялась в ответ. Затем Наполеон воздал ей должное: «В вас больше духа, чем у всех этих светских дураков»¹⁸³. Следуя указаниям мужа, Лорель не забывала периодически напоминать императору об Охсенхаузене, на котором все еще лежал секвестр.

Столь основательно разрабатываемая операция неожиданно оказалась под ударом, нанесенным сестрой Наполеона Каролиной Мюрат, неаполитанской королевой. Скорее всего, она была не только против австрийского брака, но против брака своего брата вообще, так как рождение наследника перечеркнуло бы ее честолюбивые замыслы. И Каролина стала раскручивать интригу, изрядно помотавшую нервы ее бывшему любовнику.

С помощью известной светской интриганки мадам де Суза, бывшей любовницы Талейрана, Каролине удалось проникнуть в тайну своей соперницы Лауры Жюно, герцогини д'Абрантес. Клеменса подвело пристрастие к эпистолярному жанру, даже после отъезда из Парижа он продолжал писать Лауре. Посредником был надежный человек, но некоторые из писем были перехвачены, так как удалось подкупить горничную. Она же выдала тайну своей госпожи, указав, где та хранит письма от Меттерниха.

Далее события развивались по канонам любовных романов того времени. 13 января 1810 г. состоялся бал-маскарад у итальянского посла графа Марескальки. Во время кадрили Каролина Мюрат приблизилась к Жюно и шепнула: «Твоя жена обманывает тебя и ее сообщник – Меттерних». Когда генерал потребовал доказательств, ему было предложено открыть секретер Лауры. Разъяренный Жюно вытащил жену прямо с бала, буквально бросил ее в карету, причем с такой силой, что полетели стекла. Все это сопровождалось ругательствами и проклятиями. Дома, когда был вскрыт секретер, в его ящике действительно лежал пакет с письмами, перевязанный розовой лентой, локон белокурых волос, альбом с рисунками и стихами, то есть полный набор улик, которые трудно было опровергнуть бедной Лауре.

Ей изрядно досталось от грубого и психически неуравновешенного мужа. На другой день он написал Меттерниху вызов на дуэль до смерти одного из участников и отослал его Лорель. В ожидании ее Жюно устроил Лауре еще одну ужасную сцену. Он давно уже находился в состоянии нервного истощения после неудач на Пиренейском полуострове, а несколько лет спустя вообще лишился рассудка. Войдя в транс, он сам себе нанес несколько ран в живот, стал истекать кровью. В этот момент раздался стук в дверь и появилась графиня Меттерних. Она пришла в ужас при виде разъяренного Жюно и залитой кровью комнаты. Генерал дал ей для

¹⁸³ Metternich – Sandor P. Geschehenes, Gesehenes, Erlebtes. Wien, 1920. S. 25.

опознания письма мужа. Смертельно напуганная графиня все же оказалась на высоте. Конечно, она не могла не узнать руку Клеменса, тем не менее внешне спокойно заявила Жюно: «Вы ошибаетесь, господин герцог, это не почерк моего мужа»¹⁸⁴. Полностью овладев собой, она сказала ему: «Вы годитесь на роль Отелло»¹⁸⁵. Лорель уже давно свыклась с неверностью мужа, а сейчас главное – не допустить, чтобы сорвалось «великое дело».

Каролина позаботилась, чтобы слухи о происшествии распространились по всему Парижу. Скандал, по расчету неаполитанской королевы, должен был помешать реализации проекта австрийского брака, лишить Меттерниха, по крайней мере на ближайшее будущее, возможности появиться в Париже. Однако Наполеон срочно принял меры. Жюно было приказано вернуться к войскам. Элеонора по-прежнему пользовалась благосклонностью императора и удостоилась его похвалы за мужественное поведение: «Вы добрая маленькая женщина, сумевшая избавить меня от больших проблем из-за этого грубияна Жюно»¹⁸⁶. В письмах она еще и успокаивает напуганного супруга, ссылаясь на слова Наполеона, что вся эта история служит будто бы опровержению слухов о связи Меттерниха с его сестрой. Поскольку в Париже видели, каково отношение императора к скандалу, то быстро прикусили языки. Опомнившийся от испуга Меттерних в назидательном тоне пишет жене: «Твое письмо от 26 января с описанием одной из сцен разоблачает людей 1792 и 1793 гг. Как бы высоко не поднялся тот же Жюно, он как был, так и остался кровопийцей»¹⁸⁷.

После такого патетического пассажа Клеменс переходит к щекотливому вопросу о своей собственной роли в этом деле. При его хваленом самообладании ему было не так уж сложно солгать, глядя собеседнику прямо в глаза, а в данном случае задача предельно облегчилась: не будет же он краснеть перед листом бумаги, а в искусстве владения пером мало кто мог с ним сравниться. Взывая к доброму сердцу и светлому разуму жены, Клеменс уверяет ее, что корреспонденция, адресованная Лауре от его имени, – фальшивка. Он только однажды отправлял ей письмо, но не через посредника, а почтой. Через десяток лет в письме графине Д. Ливен Меттерних выдвигает иную версию. Оказывается, письма были не его, а Лаура назвала его имя, чтобы скрыть настоящего любовника¹⁸⁸.

В письме жене в связи со скандалом Меттерних даже в большей мере, чем обычно, подчеркивает свою преданность семейному союзу, обращается к ее чувствам: «Люби меня, так как я служу и буду служить всю жизнь тебе. В жизни бывают очень тяжелые минуты; я всегда стараюсь преодолеть их с помощью небес, моей совести и сознания покоя и мира, которыми наполнены мой дом и моя добрая маленькая семья»¹⁸⁹. И надо признать, что он не кривил душой, был совершенно искренен, говоря о привязанности к Лорель и к семье.

Супруги дружно трудились над «величайшим в мире делом». «Сегодня, мой дорогой друг, – писал Меттерних жене, – ты играешь роль в европейской дипломатии»¹⁹⁰. В конце января напряжение достигает апогея. Наполеон держится подобно сфинксу, успешно вынуждая австрийцев раскрывать свои карты. Есть основания полагать, что французы были детально осведомлены о замыслах австрийской стороны и благодаря шпионажу¹⁹¹. Австрийскому послу Шварценбергу не удастся проникнуть в тонкости дипломатической игры, он склонен преувеличивать шансы на франко-русский брак. Ему неизвестно содержание депеш, полученных из Петербурга от Коленкура. А они оставляли Наполеону мало надежд.

¹⁸⁴ Corti E. C. Op. cit. S. 219.

¹⁸⁵ Цит. по: Grunwald C. de. Op. cit. P. 96.

¹⁸⁶ Ibidem.

¹⁸⁷ Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 221–222.

¹⁸⁸ Ibid. Bd. 2. S. 149.

¹⁸⁹ Ibid. Bd. 1. S. 222.

¹⁹⁰ Ibid. S. 226.

¹⁹¹ Grunwald C. de. Op. cit. P. 88.

Тогда он решил упредить русских, чтобы не оказаться в смешной роли отвергнутого претендента. 28 января императорская родня и высшие сановники империи собрались в Тюильри, чтобы обсудить перспективы брака Наполеона. Мало кто из присутствующих, за исключением хитреца Талейрана, догадывался, в чем суть дела. Наполеону нужно было создать впечатление, что он – хозяин положения, что только от него зависит, какой избрать вариант – русский или австрийский. Сам император к тому времени фактически уже сделал свой выбор. Лаборду было поручено сообщить Шварценбергу, чтобы тот держал под рукой курьера в полной готовности, так как в любой момент может возникнуть необходимость послать его в Вену.

6 февраля Наполеон читает полученный из Петербурга опять-таки уклончивый ответ. Больше ждать император не намерен. Срочно потребовался Шварценберг. Его не нашли, так как австрийский посол развлекался охотой. Еще не успел он снять охотничий костюм, как у него появился Евгений Богарне с предложением, а точнее сказать, с требованием немедленно подписать брачный контракт. Хотя у посла не было необходимых полномочий, он подписал документ, прекрасно понимая, что ничем не рискует.

Наполеон взял игру на себя и действовал с такой же решительностью и быстротой, как на полях сражений. По двум причинам фактор времени обретал для него серьезное значение. Прежде всего нужно было убедить Европу, что он выбрал австриячку еще до того, как получил завуалированный отказ из Петербурга. Благодаря ускоренному ходу событий можно было также помешать австрийцам завязать переговоры с целью добиться тех или иных уступок.

Шампаньи было приказано поставить на депеше, отправленной в Петербург Коленкуру, вчерашнее число – 5 февраля, потому что депеша от Коленкура была доставлена 6 февраля. Контракт подписали прямо в австрийском посольстве. Франц I был шокирован такой спешкой, но приходилось это сносить. Некстати вмешалась императрица Мария Людовика, вступившаяся еще раз за своего брата Франческо. Францу и Меттерниху совсем не до нее. Не стоило больших усилий уломать и саму Марию Луизу. Конечно, ей было страшновато идти в жены человеку, которого еще недавно называли в ее кругу чудовищем, узурпатором и т. д. Однако девятнадцатилетнюю эрцгерцогиню манили Париж, блеск и слава Французской империи. Иначе же пришлось бы стать супругой мелкoderжавного итальянского принца, прозябать в каком-то захолустье. Мария Луиза не обладала красотой своей двоюродной бабки Марии Антуанетты. Меттерних сдержанно отзывался о ее внешности: «Лицо ее скорее некрасивое, чем привлекательное, но очень хорошая фигура и, если выправить осанку, сделать хорошую прическу и т. п., она будет выглядеть совсем неплохо»¹⁹². Деликатную миссию убеждения эрцгерцогини Меттерних, видимо, тоже взял на себя. Чтобы подчеркнуть свои заслуги в этом деле, Клеменс по обыкновению во много раз преувеличил трудности, которые пришлось преодолевать. «Я сообщил сегодня Шварценбергу, что мы располагаем согласием эрцгерцогини; это были едва ли не самые трудные переговоры из тех, что мне когда-либо приходилось вести, но, благодаря Богу, они полностью удались. И я уверен, что они могли удалиться только мне, и потребовали всех моих сил»¹⁹³, – писал он Лорель 14 февраля.

В быстро раскрутившемся деле возникла заминка, когда император Франц потребовал от французского посла графа Отто документы, удостоверяющие расторжение брака Наполеона с Жозефиной. Ему было недостаточно устного заверения. Вмешался Меттерних и моментально рассеял сомнения своего кайзера и венских церковников. Последние ссылались на то, что папа, коронуя Жозефину императрицей, тем самым освятил ее гражданский брак. Потребовалось все дипломатическое искусство Меттерниха, чтобы уладить дело. Клеменс и его отец получили от французского посла соответствующие документы, но не без оснований опасались, что Франц и венский архиепископ могут счесть их недостаточно убедительными, поэтому они уверяли,

¹⁹² Corti E. C. Op. cit. S. 243.

¹⁹³ Ibid. S. 231.

что документ есть, он надежен, однако его по ошибке отослали из Вены в Париж, а время не терпит. «Я был то адвокатом, то теологом, я ссылался на все французские законы, я вел бракоразводный процесс и выиграл его вопреки архиепископу и глупости нашего нового французского посла»¹⁹⁴, – похвалялся Клеменс в письме Лорель.

Все подчиняется железной воле Наполеона. Он расписывает весь план кампании, им лично составлен жесткий график, намечены маршруты движения курьеров из Парижа в Вену и из Вены в Париж, сроки проведения брачных церемоний. Всем участникам «кампании», в том числе и Меттерниху, оставалось лишь повиноваться. Впрочем, он полон воодушевления, поглощен приготовлениями к свадьбе. Денег для этого в разоренной стране не жалеют. На приданое, драгоценные украшения израсходовали свыше миллиона гульденов. Меттерних просит жену позаботиться о туалетах Марии Луизы. Он изучает акты о помолвке Марии Антуанетты, чтобы новый австрийский брак был не менее великолепен.

Темп, предложенный Наполеоном, Меттерних принял еще по одной причине. В различных источниках разбросаны свидетельства его страха перед возможностью русского брака со всеми вытекающими последствиями. Вряд ли он был искренен, когда уверял прусского посла в Вене графа Финкенштейна в том, что если бы австрийцы промедлили хотя бы три дня с подписанием брачного контракта, то их опередил бы граф Чернышев, который будто бы привез согласие царя на брак его сестры с Бонапартом¹⁹⁵. В данном случае Меттерних прежде всего стремится оправдать свое поведение, но аргументация все же отражает мучившее его опасение.

В спешке было допущено немало оплошностей, начиная с того, что Наполеона представлял на брачной церемонии маршал Бертье, среди титулов которого был и такой, как князь Ваграмский, кончая тем, что забыли снять мерку для обручальных колец.

«Граф Меттерних просто пьян от радости»¹⁹⁶, – отмечает в своем дневнике Генц. «Великое дело, – пишет Клеменс жене, – идет к концу»¹⁹⁷. Не забывает он при этом воздать хвалу самому себе: «Я рискнул заверить, что со времен нашего деда никому не удавалось поставить себя так»¹⁹⁸.

Хотя с некоторыми незначительными отклонениями график, намеченный Наполеоном, в принципе соблюдался. 11 марта прошла церемония этого брака, где жениха поочередно заменили Бертье и эрцгерцог Карл. «Брак означает революцию в головах австрийцев, даже тех, кто раньше был против. Имена Кауница и Шуазеля у всех на устах»¹⁹⁹, – сообщал французский посол граф Отто. Простой народ Австрии воспринял брак намного лучше, чем аристократия. Если в глазах знати брак выглядел мезальянсом, то уставший от непрерывных войн народ надеялся на мирное будущее. Довольны были и деловые люди. Курс акций на венской бирже подскочил с 385 до 500 пунктов. Не только Австрия, но и вся Европа ожидала мира.

13 марта Мария Луиза выехала во Францию из того же самого пункта, что и Мария Антуанетта почти четыре десятка лет тому назад. Так же, как и тогда, встреча супругов происходила в Компьене. В австрийской свите ведущая роль принадлежала творцу этого брака графу Меттерниху. Прибыв в Париж, он встретился с женой, которая по праву могла разделить с ним лавры. Они не виделись почти год. Их разлучила война 1809 г., а соединил франко-австрийский брачный союз. Как заметил граф Клари, потребовалось такое чрезвычайное событие, как этот брак, чтобы господин и госпожа Меттерних смогли наконец встретиться друг с другом.

¹⁹⁴ Ibid. S. 250.

¹⁹⁵ Grunwald C. de. Op. cit. P. 94.

¹⁹⁶ Gentz F. von. Op. cit. S. 228.

¹⁹⁷ Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 236.

¹⁹⁸ Ibid. S. 237.

¹⁹⁹ Ibid. S. 239.

Прежде чем отправиться в Париж, Меттерних провел с помощью жены тщательную разведку: не повредит ли ему скандал, недавно учиненный Жюно? На что он получил заверения, что в столице Франции его ждет хороший прием. Действительно, император французов при встрече с ним столь любезен и очарователен, как мог быть только он один. Большими Крестами ордена Почетного легиона были награждены главные участники только что свершившегося дела – Меттерних и Шварценберг. Эрцгерцог Карл, вместе с Бертье замещавший Наполеона во время брачной церемонии, был удостоен Большого орла Почетного легиона.

Клеменс увлеченно закружился в привычной светской карусели. Почти на всех балах он танцует с Каролиной Мюрат. В глазах света, прекрасно помнившего об их связи и совсем еще свежей истории с Жюно, это выглядело весьма пикантно, если не сказать скандально. Мария Луиза запишет в своем дневнике о человеке, которому обязана браком: «омерзительный фат»²⁰⁰. Но пройдет время, и ее отношение к нему полностью изменится.

Венчание происходило 2 апреля с невиданным великолепием. Шествие двинулось из Сен-Клу в Лувр, где в тронном зале состоялся прием. Возбужденный атмосферой феерического праздника, преисполненный гордостью за ту роль, которую он сыграл в этом событии, Клеменс подошел с бокалом вина к открытому окну и, обращаясь к многотысячной толпе любопытствующих парижан, провозгласил тост за здоровье Римского короля. Такой титул был предназначен первенцу императора Наполеона. Трудно усматривать в этом хитрую игру или просто низкопробную лесть. Скорее всего, это был искренний порыв. Внук кайзера, которому, правда, еще предстояло родиться, должен был унаследовать самую могущественную империю мира. От этого вполне могла закружиться голова австрийского министра. Но потом этот несчастный принц станет для Меттерниха живым укором, напоминанием о несбывшихся замыслах, о его неблагоприятных поступках. Как и все неприятное, он постарается вычеркнуть его из своей жизни.

Медовый месяц во франко-австрийских отношениях с тревогой воспринимали в России и Пруссии. Российского посла в Париже принимали холодно, а австрийский стал «семейным послом». Меттерних с умилением описывает Францу семейную идиллию Наполеона и Марии Луизы. Праздник сменялся праздником. Австрийцы не хотели оставаться в долгу. 30 мая князь Шварценберг устроил грандиозное торжество в австрийском посольстве.

По случайному совпадению именно в этот же день, 30 мая 1770 г., праздновали свадьбу Марии Антуанетты с будущим королем Людовиком XVI. Само по себе не очень приятное предзнаменование. Но мало того, как и тогда, случился пожар. Причиной его явилась свеча, упавшая на занавес из легкого газа. Пламя мгновенно перебросилось на деревянную отделку танцевального зала. Наполеон с Марией Луизой находились в центре круга, образованного танцующими. Как и на поле боя, император обнаружил исключительное самообладание. Он вывел императрицу в сад. Оттуда ее увезли в карете так быстро, что она даже не успела испугаться. Погибла в пламени пожара свояченица посла княгиня Полина Шварценберг. Каролину Мюрат, чей наряд уже был охвачен огнем, спас великий герцог Вюртембергский, Меттерних вывел из зала королеву Вестфалии. Среди пострадавших оказалась и первая любовь Клеменса – Констанс де Камон де Ла Форс. Досталось и российскому послу князю А. Б. Куракину. У него выгорели волосы, была обожжена голова, ожог на левой руке был так силен, что кожу можно было снять как перчатку. В довершение всего у него пропали бриллианты на 20 тыс. франков²⁰¹. Жертв могло оказаться намного больше, если бы не энергичные и умелые действия Наполеона. Его воля, четкие распоряжения внесли элементы порядка в сумятицу. Вскоре распространилось известие о беременности императрицы, и ликование по этому поводу вытеснило воспоминание о печально завершившемся празднике.

²⁰⁰ Ibid. S. 268.

²⁰¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Спб., 1887. Т. III. С. 364.

III

Меттерних, естественно, прибыл в Париж не только для развлечений. Его главная задача, как и прежде, заключалась в том, чтобы умилостивить победителя, попытаться смягчить тяжкие условия мира, на сей раз Шёнбруннского, выторговать у зятя кайзера уступки для «папы Франсуа» (так не без иронии именовал Наполеон своего тестя, который был всего лишь на год старше его). От Наполеона хотели получить обратно Триест – даже при условии, что там останется французский гарнизон, – Фиуме, Порто-Ре, т. е. вернуть хотя бы часть Адриатики (или Иллирии). Надеялись на более благоприятные условия торгового договора.

На сей раз Наполеон не стал форсировать ход событий, будучи уверен, что Австрия у него в руках. Меттерних, который собирался провести в Париже не более шести недель, пробыл шесть месяцев. От обсуждения территориальных проблем Наполеон уклонился, заявив, что нет смысла их обсуждать до мира с Англией. Он предпочитал говорить о перспективах франко-австрийского союза, широких проблемах международных отношений, тем более что собеседник для этого был подходящий.

Хотя стратегия Меттерниха не отличалась последовательностью, все же через обычные для него сомнения и колебания прослеживается линия на долгосрочное сближение с Францией. С одной стороны, он весьма реалистически оценивает глобальную политику императора французов: «Мы не питаем иллюзий на то, что брак с австрийской принцессой побудит императора Наполеона отойти от системы завоеваний»²⁰². Но вместе с тем Меттерних выражает надежду, что кайзер Франц своим достоинством, спокойствием, приверженностью к правовым нормам сможет «внести элементы умеренности в судьбы Европы»²⁰³.

Наполеон искусно играет на антироссийских настроениях Меттерниха, много говорит об экспансионистских намерениях России на Балканах. При этом он хорошо отзывается о царе, но сетует на его окружение. Демонстрируя доверительное отношение к Меттерниху, Наполеон признается ему, что сожалеет о данном царю обещании насчет Дунайских княжеств, и намекает австрийскому министру на возможность признания интересов его страны в Сербии. Затем он уже без обиняков говорит: «Сербия должна принадлежать вам»²⁰⁴. Наполеон испытывает Меттерниха мыслью о далеко идущем сближении: «Семейный союз – это, конечно, много, но далеко не все»²⁰⁵. Как обычно, Клеменс уходит от четкого ответа. Предельно осторожен он и по отношению к России: «Нам нужно держаться подальше от ненужных осложнений с Россией»²⁰⁶.

Поскольку брачный союз не дал Австрии ощутимых реальных выгод, его творец ищет более отвлеченные аргументы в пользу своего дела: «Брак эрцгерцогини – это гарантия для Австрии, которую нельзя заменить ничем другим»²⁰⁷. «Без этого союза, – по утверждению Меттерниха, – австрийское государство, может быть, уже затонуло или по меньшей мере было бы в полном упадке. Не менее очевидно, что эпоха брака позволяет нам предотвратить угрозу поражения или противиться ему»²⁰⁸. Если бы не брак, Австрия была бы не в состоянии противостоять узурпаторским устремлениям России, направленным против «надежнейшего и лучшего соседа» Австрии – Турции. Не добившись практически зримых результатов в Париже, Меттерних все же делает хорошую мину. «Наша главная цель, – пишет он Францу, – как можно

²⁰² NP. Bd. 2. S. 328.

²⁰³ Ibid. S. 338.

²⁰⁴ Ibid. S. 369, 378.

²⁰⁵ Ibid. S. 372.

²⁰⁶ Ibid. S. 388.

²⁰⁷ Ibid. S. 386.

²⁰⁸ Ibidem.

точнее представить себе намерения Франции, и я льщу себя мыслью, что этой цели мне удалось достичь».

Конечно, это не было главной его целью. Но что оставалось делать, если Наполеон оказался неуступчивым. Были, правда, отсрочены на 8 месяцев платежи по контрибуции. С учетом возможного союза Наполеон снял ограничения в 150 тыс. человек для австрийской армии. Удачнее были решены личные проблемы: Наполеон снял секвестр с владений Меттерниха и Шварценберга, что вызвало недовольство среди множества прочих пострадавших. Меттерних увозил с собой из Парижа мраморный бюст императора французов, гобелен и роскошный севрский сервиз, по поводу которого князь де Линь высказался так – *service pour service* (сервиз за службу).

Намного важнее, чем официальные переговоры, было для Клеменса интенсивное личное общение с Наполеоном. Ни один роман, ни одно политическое событие, может быть, за исключением Французской революции, не повлияли на него так сильно и глубоко, как эти многочасовые беседы, часто с глазу на глаз, с самой грандиозной личностью эпохи. В депешах Клеменса Францу мелькают упоминания о трех- и четырехчасовых разговорах. У него было основание утверждать, что едва ли кто из нефранцузов так долго и непосредственно общался с Наполеоном, как он. «Разговор с ним, – писал Меттерних позднее в своем «портрете» Наполеона, – всегда был полон для меня трудно объяснимого шарма. Он выхватывал в предмете самое для него существенное, отбрасывая излишние аксессуары, развивая свою мысль предельно ясно и четко, всегда находя или придумывая самые подходящие слова. Эти беседы всегда были необычайно интересны»²⁰⁹.

Клеменса поражали глубокие и детальные познания Наполеона в австрийских делах, в структуре габсбургской администрации. О степени доверительности бесед императора с министром можно судить по сделанным Наполеоном признаниям о двух акциях, готовившихся в 1809 г. против Австрии. Было изготовлено на 300 млн фальшивых банкнот, чтобы подорвать финансовую систему Австрии. Кроме того, Наполеон намеревался привлечь на свою сторону венгров, предоставив гарантии неизменности их конституции. Кстати, он дал важный совет Меттерниху, которому тот, правда, не последовал: «Если вы не осуществите в Венгрии реформы, вы никогда не будете сильны»²¹⁰.

Легче понять интерес Меттерниха к Наполеону, чем интерес императора французов к австрийскому министру. Бесспорно, Меттерних был блестящим собеседником – остроумным, хорошо осведомленным в политике, обладавшим приличными познаниями в естественных науках. Но главное все же не в этом. Объяснение можно найти у Бальзака, который тонко подметил важную черту в характере Наполеона: «Победы над аристократией нередко льстили самолюбию императора не меньше, чем выигранные битвы»²¹¹.

Общение с Меттернихом, его оболечение было для Наполеона одной из форм самоутверждения в монархическо-аристократическом мире. И нельзя не признать, что ему удалось добиться успеха, хотя это можно сравнить с одной из проходных его побед, а не с Аустерлицем. Тема «Меттерних и Наполеон» в психологическом плане не менее интересна, чем в политическом. Она пройдет контрапунктом через всю книгу, так как наполеоновская тема неотступно сопровождала Меттерниха на протяжении его долгой жизни.

Есть основания полагать, что под нажимом и обаянием Наполеона Меттерних при обсуждении вопроса о франко-австрийском союзе зашел несколько дальше, чем признавал это в письме Францу I²¹². Наполеон приоткрыл ему свои планы, да и догадаться было нетрудно, что

²⁰⁹ NP. Bd. 1. S. 277.

²¹⁰ NP. Bd. 2. S. 334.

²¹¹ Бальзак О. де. Собрание сочинений: В 24-х т. М., 1960. Т. 2. С. 65.

²¹² Corti E. C. Op. cit. S. 177.

впереди борьба двух гигантов – Франции и России. От тревог и перспектив могла закружиться голова.

Пока Клеменс без видимых успехов пребывал в Париже, Вена переполнилась недовольством против него. Активизировалась «русская партия», к ней примкнул и Франц Георг, которого сын оставил временно исполнять обязанности министра. Наверное, он не мог забыть дней, проведенных в качестве заложника французов, не мог противостоять давлению аристократических кругов, была и обида за Охсенхаузен. Но, пожалуй, главной силой антинаполеоновской партии являлись венские дамы, которые в 1809 г. были смертельно оскорблены угрозой Наполеона отдать их в руки французских тамбурмажоров. К ним относилась и императрица Мария Людовика. Была и антинаполеоновская «русская партия» из проживавших в австрийской столице российских аристократов. Ее признанным вождем, как писал британский историк А. Сесиль, был один из богатейших вельмож граф А. Разумовский, а «королевой» – княгиня Багратион²¹³.

В отсутствие министра в Вену был направлен российский генерал и дипломат граф П. А. Шувалов с собственноручным посланием Александра I Францу I. Шувалов был зятем князя Дитрихштейна, можно сказать, был своим человеком в Вене. Российская императрица-мать хотела бы выдать великую княжну Анну, в чьей руке было отказано Наполеону, за австрийского наследного принца Фердинанда. И Шувалову было поручено прозондировать почву, насколько реальна эта идея.

Долгое отсутствие Клеменса существенно повлияло на обстановку в Вене. Шувалов мог быть весьма доволен приемом, оказанным ему Меттернихом-отцом. Переговоры вращались главным образом вокруг вопроса о Дунайских княжествах. Но, как известно, Франц Георг не любил торопиться, дело приняло затяжной характер. Между тем французский посол граф Отто начал бить тревогу; в начале июля 1810 г. он сообщил, что в Вене готовится большой заговор против графа Меттерниха. Вызывала сомнение и позиция Франца I. Поговаривали о министерском кризисе. На место Клеменса прочили графа Заурау. К месту, оставленному сыном, прикипел и Франц Георг. Злейший враг Меттерниха, бывший посол в Лондоне граф Штаремберг считал, что госканцлером должен стать граф Траутсмандорф. А Клеменс пусть остается в Париже в качестве посла. Все же Франц I сохранил верность отсутствующему министру и не дал его отцу полномочий на переговорах с Шуваловым²¹⁴.

Сразу же по приезде в Вену (10 октября 1810 г.) Меттерних, не мешкая, мчит в Штирию, где находился Франц. Он рисует своему кайзеру радужные перспективы сближения с Францией, вместе с тем низко оценивает царя и его окружение. Ему не так уж трудно убедить Франца в эгоизме царя, отхватившего за формальное участие в войне 1809 г. на стороне Франции австрийскую Галицию. Вообще, какую пользу можно ожидать от союза со страной, где малодушный властитель и неспособные советники²¹⁵? Австрия, уверяет Клеменс императора Франца, единственная в Европе страна, которая (естественно, благодаря ему, Меттерниху) может исходить в своих действиях из точного знания планов Наполеона. Поэтому было бы неумно связывать себе руки, ограничивать свободу выбора решений в преддверии великих событий.

Взяв в свои руки переговоры с Шуваловым, Меттерних заявил, что он за сохранение целостности Турции и негативно относится к планам России насчет Дунайских княжеств. Предложение Шувалова о союзе было воспринято им как попытка вбить клин между Австрией и Францией. Не помогли уверения Шувалова, что он действует по личному указанию царя через голову министра иностранных дел Румянцева и посла Штакельберга. Франц I полно-

²¹³ Cecil A. Metternich. L., 1943. P. 123.

²¹⁴ Demelitsch F. von. Op. cit. S. 238–239.

²¹⁵ Ibid. S. 241.

стью одобрил позицию Меттерниха. Он был не против принять приглашение зятя и побывать в Париже. Мария Людовика с трудом удержала его. Она была против заманчивого вояжа по двум причинам: состояние здоровья и опасения (небезосновательные), что ее супруг может попасть под могучее влияние Наполеона.

Поскольку Меттерних не подписал союза с Францией, Наполеон продолжал оказывать на Австрию сильное давление, чтобы подтолкнуть ее к решению. В начале апреля 1811 г. между Наполеоном и австрийским послом Шварценбергом состоялся обстоятельный разговор. Наполеон нарисовал собеседнику пугающую картину военных приготовлений России и в лоб задал вопрос о позиции Австрии на случай войны. Когда Шварценберг попытался отделаться словами о стремлении его страны к миру, Наполеон развил перед ним три альтернативы для Австрии: 1) союз с Россией, сулящий серьезные опасности; 2) нейтралитет, не дающий ощутимых выгод; 3) союз с Францией, открывающий соблазнительные перспективы²¹⁶. Австрию, уверял Наполеон, не должно пугать восстановление Польши, ведь и Мария Терезия пошла на раздел этой страны неохотно. Наполеон подчеркнул, что он отнюдь не является Дон Кихотом, сражающимся ради Польши. В Польском королевстве он видит не цель, а средство. Если Австрия лишится Галиции в пользу Польши, то она получит достойную компенсацию. Почувствовав очевидное замешательство Шварценберга, Наполеон заговорил о своих мирных намерениях, что у него нет намерения погибать в бескрайних русских степях²¹⁷.

Уклончивость австрийского посла разозлила императора, и дружеские советы стали перемежаться угрозами. Концовка беседы была в духе мелодрамы. Со слезами на глазах Наполеон произнес: «Мы теперь одна семья, и император Франц однажды станет защищать моего ребенка, как своих собственных детей»²¹⁸. Кстати, это была серьезнейшая ошибка корсиканца Наполеона, высоко ставившего семейно-династические узы и ожидавшего того же самого от тестя.

До знаменательной беседы Наполеона со Шварценбергом Меттерних исходил из того, что император французов на ближайшее время все-таки заинтересован в мире. Теперь же, когда запахло близкой войной, ставки в дипломатической игре стали выше. Он хотел потянуть с ответом, выяснить, на какую компенсацию можно рассчитывать за Галицию. Наполеон легко разгадал маневр австрийцев и сам стал уклоняться от встреч с «семейным послом».

В Париже им был обласкан посланец царя граф Чернышев. Тем самым Наполеон стремился убить двух зайцев: успокоить Россию и припугнуть Австрию. Видя потепление во франко-русских отношениях, Меттерних пишет в Париж Шварценбергу, чтобы тот дал понять Франции, будто смена настроения в Петербурге объясняется благотворным влиянием Австрии. Это становится излюбленным приемом его дипломатии. Так он поступил и в Константинополе, приписав себе изменение в поведении России по отношению к Турции²¹⁹.

Внутренне Меттерних все больше склоняется к определенному выбору. Это видно из его письма Францу от 25 апреля 1811 г., когда уже были получены и проанализированы депеши от Шварценберга, в которых излагалась его беседа с Наполеоном. Теперь Наполеон потребовал от Австрии не нейтралитета, а активного участия в грядущей войне. И Меттерниха тоже интересуют практические вопросы: 1) что понимать под эквивалентом Галиции; 2) на что можно рассчитывать в случае успеха французов. Австрийские притязания Меттерних, естественно, подкреплял ссылками на необходимость соблюдения баланса сил в Европе: «В случае совмест-

²¹⁶ Ibid. S. 361–362.

²¹⁷ Ibid. S. 362–364.

²¹⁸ Ibid. S. 367.

²¹⁹ Ibid. S. 372.

ных действий с Францией мы имеем право на приобретения. Уже исходя из прироста мощи Франции и ее союзников и компенсации за наши совместные усилия»²²⁰.

Переговоры в Париже становятся на практическую, конкретную основу. Они идут в глубочайшей тайне. Не посвящен в нее даже французский посол в Вене. Новый французский министр иностранных дел Маре настолько бесцеремонен, что Шварценберг выразил обеспокоенность по поводу употребляемых им резких оборотов речи. На это Маре с грубой открытостью заявил: «Франция уже не опасается, что Австрия окажется во враждебном лагере»²²¹. Французский министр мог чувствовать себя тем увереннее, что предложил Австрии лакомую приманку. Компенсацией за Галицию могла быть Силезия, потерянная Марией Терезией в результате изнурительных войн с Фридрихом II. Правда, Силезия входила в состав Пруссии, но решение, как подчеркнул Маре, зависит от Франции.

Меттерних доволен появлением такого варианта, однако, по его мнению, этого мало. Австрия выигрывает в количестве подданных, но теряет плодородные земли. Поэтому он хотел бы сохранить галицийские владения, входившие в императорский домен, а также полосу земли вдоль венгерской границы. Кроме того, австрийцы не отказались от претензий на Иллирию.

Сравнительно умеренный, неторопливый темп переговоров устраивал Меттерниха. В таких условиях он чувствовал себя увереннее, чем в ситуации цейтнота. Но тыл у него все еще был недостаточно надежен. Оппозиция не сложила оружия. Еще осенью 1811 г. Наполеон опасался за участь Меттерниха. Против него такой могущественный враг, как министр финансов граф Валлис. Другой его противник – барон Балдаччи – действовал вместе с российским послом Штакельбергом. Лучшей альтернативой Меттерниху они считали Штадиона, но поскольку понимали, что Франц I едва ли пойдет на такую рокировку, то сошлись на кандидатуре «серой лошадки», графа Врбны.

Несмотря на свою самоуверенность, Клеменс все же обеспокоен очередным всплеском активности оппозиции. Ему важно получить максимальную свободу маневра и право на оперативное принятие решений. Следует испытанный прием – обращение к императору, который в принципе неохотно идет на уменьшение собственных прерогатив. Важен с этой точки зрения пассаж из доклада Меттерниха Францу I от 28 ноября 1811 г., не вошедший в текст документа, опубликованного в восьмитомном наследии канцлера: «Никто не может сказать, надолго ли останутся в руках бразды правления, которые удастся удерживать в течение двух лет вопреки нападкам со всех сторон. Между тем наступает время, когда новый мировой пожар грозит уничтожить остатки старого порядка и поставить человечество перед непредвидимым будущим». И затем Меттерних переходит к самому главному: «Государственный деятель, на которого возложено ответственное руководство делами в такой час, должен знать, может ли он надеяться на поддержку монарха, или же уступить место своим противникам»²²².

В опубликованном тексте доклада Меттерних приходит к выводу, что настал момент выбора: «Мы достигли предела и нам не остается более ничего, как стать на ту или иную сторону в неизбежной войне»²²³. Победу России канцлер считает маловероятной при слабом правлении Александра I. Россия, «вероятно, опять будет отброшена в степи Азии»²²⁴. У него нет сомнений в том, что война начнется в следующем, 1812 году, и не Россия окажется атакующей стороной. Если удача будет сопутствовать французскому оружию, то появится Польша, а Пруссия окончательно перестанет быть державой первого ранга. Хотя Россия имеет мало шансов на успех, такая перспектива страшит гораздо больше, чем предполагаемый триумф

²²⁰ NP. Bd. 2. S. 425.

²²¹ Demelitsch F. von. Op. cit. S. 378.

²²² Цит. по: Demelitsch F. von. Op. cit. S. 400.

²²³ NP. Bd. 2. S. 431.

²²⁴ Ibid. S. 429.

Наполеона: «... в случае победы России ее преобладание было бы еще грандиознее, чем Франции в сегодняшней ситуации»²²⁵. «Если мы не присоединимся ни к одной из сторон, – убеждает Меттерних нерешительного Франца, – то монархии угрожает верное и неизбежное падение»²²⁶. Канцлер ставит перед императором альтернативу: нейтралитет предпочтительнее в случае неудачного исхода для Франции, но активный курс дает единственный шанс на существование при условии победы французов.

В своей резолюции кайзер Франц нашел «целесообразным» второй вариант и предоставил Меттерниху требуемые полномочия с одной лишь оговоркой: придерживаться предельной экономии в финансовых вопросах. Тем не менее Клеменс вскоре добился отставки Валлиса и провел финансовую реформу по своему усмотрению.

Благодаря одобрению линии Меттерниха Францем I переговоры в Париже получили новый импульс. Кроме того, Шварценберг, приехавший в Вену, чтобы поддержать шефа в его изнурительной борьбе с антифранцузской оппозицией, получил подробнейшие инструкции. Меттерниха теперь стали подстегивать опасения насчет поведения Пруссии, которая могла опередить австрийцев и тем самым заблокировать их притязания на Силезию. Отсюда и весьма двусмысленное поведение Меттерниха во время конспиративной встречи с прусским генералом Шарнхорстом. Чтобы не привлекать внимания французов, тот прибыл в Вену под чужим именем в конце 1811 г. Его целью было прежде всего выяснить намерения соседней державы, а также посоветоваться насчет позиции в надвигающейся войне. Трудно было придумать более неподходящего для Меттерниха партнера, чем поборник реформ и враг Наполеона Шарнхорст. Совет Меттерниха, по меньшей мере, можно назвать двусмысленным, а точнее было бы – провокационным: союз с Францией неизбежно приведет Пруссию к руинам, а союз с Россией дает какой-то шанс на спасение²²⁷.

Г. фон Србик хотел бы представить дело таким образом, что Меттерних, убеждая пруссаков присоединиться к России, надеялся остановить Наполеона, так как эти две страны и нейтральная Австрия могли бы создать заслон против Франции. Но к этому времени Меттерних уже практически сделал выбор, и ни о каком нейтралитете не могло быть и речи. Ближе к истине те исследователи, которые полагают, что Меттерних, подталкивая Пруссию в антинаполеоновский лагерь, рассчитывал при дележе добычи получить от Наполеона Силезию. Но прусский король не рискнул последовать коварному совету и поспешил заключить с императором французов оборонительный и наступательный военный союз (24 февраля 1812 г.), опередив тем самым австрийцев.

Шварценберг к тому времени все еще продолжал переговоры по-прежнему в глубокой тайне; не привлекались даже секретари для ведения протоколов. Атмосфера накалилась из-за вопроса о том, кто будет командовать австрийским вспомогательным корпусом во время русского похода. Наполеону хотелось видеть на этом посту эрцгерцога Карла, причем не только из-за его полководческих качеств, но из-за принадлежности к императорскому дому, что придало бы больший вес участию Австрии в войне.

Однако эта кандидатура была нежеланна для Меттерниха, враждебно относившегося к Карлу. Наполеон настаивал на своем. Казалось, дело дойдет до разрыва. Но обстановку разрядил сам Карл, отказавшись от предложенной ему императором французов чести. Он сослался, в частности, на то, что ему не подобает командовать армией менее 100 тыс., а австрийский корпус должен был состоять всего из 30–35 тыс. солдат.

Затем последовал упорный торг из-за того, какую часть Иллирии должна была получить Австрия в качестве компенсации за Галицию. Наконец, 14 марта франко-австрийский договор

²²⁵ Ibid. S. 431.

²²⁶ Ibid. S. 433.

²²⁷ Srbik H. R. von. Op. cit. S. 138; Bibl V. Metternich. Der Dämon Österreich. S. 81.

был подписан. Нельзя не признать, что Меттерниху удалось заключить союз на более благоприятных условиях, чем Пруссии. Австрия все же выступала, по крайней мере формально, в качестве равноценного партнера. Конечно, не в такой мере, как в 1756 г., но все же статус ее был выше по сравнению с прочими союзниками-вассалами Наполеона. Возможно, сказались и последствия австрийского брака.

Меттерних пытался создать впечатление, что переговоры с Францией, да и сам договор, носят вынужденный характер, что у него и у Австрии нет иного выхода. Тем самым он надеялся смягчить отношение к своей политике со стороны влиятельных венских аристократических кругов, а еще больше со стороны России и Англии. Хотя шансы Российской империи он расценивал крайне низко, все же, будучи верен себе, он не хотел сжигать корабли. Ответственность за то, что не сложился антинаполеоновский союз, Меттерних сваливал на Россию. Так, он жаловался прусскому дипломату В. фон Гумбольдту, что слепое предубеждение российского императора против Австрии вынудило ее пойти на союз с Францией²²⁸. Меттерних ссылался на неразбериху в российской дипломатии: царь тянет в одну сторону, министр иностранных дел Н. П. Румянцев, пользовавшийся репутацией франкофила, – в другую, гофмаршал Р. А. Кошелев, расположенный в пользу Вены, – в третью. Связавшись с такой державой, можно довести до руин собственную монархию²²⁹.

Определенные основания для подобных рассуждений у Меттерниха были. Российский историк Н. К. Шильдер отмечал «особенную обстановку» в коллегии иностранных дел: «Шифрованные депеши иностранных миссий, которые удавалось перехватить, равно как подобные же депеши наших посольств, поступая к графу Румянцеву, нисходили от него в обыкновенном порядке в экспедицию для дешифровки; но здесь Бек (глава экспедиции. – П. Р.), вместо того чтобы представлять свои переложения канцлеру, отсылал их на основании секретно объявленной ему Сперанским высочайшей воли сперва государю... Государь, прочитав переложения, собственноручно вычеркивал из них все, о чем не желал ставить в известность графа Румянцева, и уже тогда переписанные вновь с указанными пропусками они представлялись последнему от Бека под видом полных дешифровок, а затем канцлер... подносил сокращенные переложения государю, который делал вид, будто содержание их совсем ново для него»²³⁰.

Все это, впрочем, типично для кабинетной дипломатии. Сам Меттерних не уловил, что царь таким образом стремится соединить все важные нити внешней политики исключительно в своих руках. На это обстоятельство указывает другой российский историк – великий князь Николай Михайлович: «Советник русского посольства в Париже пишет, помимо князя Куракина, государственному секретарю Сперанскому; Р. А. Кошелев находится в непосредственной переписке с русским посланником в Вене графом Г. О. Штакельбергом и австрийским поверенным в делах Сен-Жюльеном, опять-таки помимо канцлера, и все докладывается Кошелевым непосредственно императору. Способ особый, но он присущ императору Александру I»²³¹.

Об этом писал Меттерниху и Сен-Жюльен, однако австрийский канцлер недолюбливал и недооценивал этого дипломата. Он охотно заменил бы его своим фаворитом, действительно весьма одаренным, Л. И. Лебцельтерном, но не хотел нервировать русских, потому что Сен-Жюльен стал своим человеком в окружении царя. К отношениям Меттерниха с Александром I придется обращаться еще не раз. Перу австрийского канцлера принадлежит специальный очерк о царе. Он изучал его психологию, но нередко допускал ошибки, обусловленные недооценкой способностей Александра I. Так было и в канун войны 1812 г. В России же Меттерниха, несмотря на все его усилия изобразить сближение с Францией как вынужденное дело,

²²⁸ Demelitsch F. von. Op. cit. S. 524.

²²⁹ Ibid. S. 437.

²³⁰ Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 54–55.

²³¹ Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Пт., 1914. С. 86.

воспринимали довольно враждебно. Этому же способствовали интриги канцлера с целью воспрепятствовать браку кронпринца Фердинанда с великой княжной Анной, когда российская сторона вновь стала проявлять инициативу. Кроме того, Меттерних сыграл решающую роль в срыве еще одного матримониального проекта, в котором была заинтересована российская императорская семья. Сестра жены царя Амалия Баденская питала надежды на брачный союз с эрцгерцогом Карлом. Тот сначала не проявлял к этому особого интереса. Но как только брат кайзера решился, в дело вмешался Меттерних. Подобный брак, по его мнению, укрепил бы позиции эрцгерцога, которого канцлер считал своим заклятым врагом. Контролируя переписку принцессы Амалии, Меттерних распространял компрометирующие ее сплетни, старался посорить с ней австрийское императорское семейство. В конечном счете ему удалось сорвать брак.

Клеменс чувствует себя настолько уверенно, что наносит удар и по членам императорской семьи, прежде всего по императрице Марии Людовике. Ее влияние на Франца ослабло. Из-за тяжелой болезни ей трудно выполнять супружеские обязанности, что раздражало «доброе кайзера» Франца. Есть свидетельства о том, что при всей своей строгой нравственности кайзер находил утешение на стороне: ему подыскали здоровую, проверенную императорским врачом женщину скромного происхождения²³². После некоторых колебаний Франц I дал Меттерниху санкцию на перлюстрацию писем жены, а тот рассеял страхи и сомнения главы полиции барона Хагера. Особое внимание было уделено переписке Марии Людовики с братом Франца палатином Венгрии Иосифом, чья покойная жена была сестрой царя. Он поддерживал постоянную связь с тещей, императрицей-матерью Елизаветой Федоровной. Интеллектуально намного превосходивший брата-кайзера, Иосиф был для Марии Людовики интересным собеседником, человеком, которому она могла излить душу. О том, что и сама она была натурой незаурядной, свидетельствует ее общение с Гете.

Меттерних пытается создать у Франца впечатление о том, что между императрицей и палатином существуют интимные отношения. Хотя Франц не сомневался в супружеской верности Марии Людовики, но оказался серьезно настроен против жены. Составленная Меттернихом подборка из ее переписки содержала весьма нелестные характеристики самого кайзера, кронпринца Фердинанда, Марии Луизы. Меттерних также искусно посеял у Франца подозрения насчет связи императрицы с «русской партией»²³³. Недовольство Франца I вызвало стремление палатина считаться с венгерской самобытностью, сохранить конституцию Венгрии. Его подозревали в намерении стать с помощью царя королем Венгрии, именовали его «новым Ракоци»²³⁴.

На политике канцлера по отношению к России всегда лежала тень страха перед новым Тильзитом или Эрфуртом. Сен-Жюльену в феврале 1812 г. было дано указание самым внимательным образом следить за тем, нет ли каких-либо признаков подготовки к встрече русского царя и императора французов²³⁵.

По мере приближения к войне Париж все дружелюбнее относится к Вене. Австрийцам дали понять, что их стране будет отведено важное место в новой европейской системе. После разгрома России Франция направит свои силы на морскую войну против Англии, а Австрия станет стражем континента. От такой перспективы у Меттерниха и Шварценберга захватывало дух, хотя они не забывали выторговывать и мелкие уступки или, точнее, обещания, векселя, расчет по которым предполагался в недалеком будущем, когда Наполеон одержит очередную победу.

²³² Bibl V. Op. cit. S. 90.

²³³ Corti E.C. Op. cit. S. 321–322, 344–351.

²³⁴ Bibl V. Op. cit. S. 88.

²³⁵ Demelitsch F. von. Op. cit. S. 575–576.

Кульминацией франко-австрийского сближения явилась встреча Наполеона и Франца I в Дрездене 17–19 мая 1812 г. В самый канун похода на Россию император французов избрал этот город для своеобразного смотра своих союзников-вассалов. Особое значение он придавал приезду тестя, «папы Франсуа». На этот раз Марии Людовике не удалось удержать мужа. Приманкой для Франца была встреча с Марией Луизой, которую Наполеон взял с собой. Меттерних надеялся, что Мария Людовика поддастся чарам Наполеона, и тогда ему легче будет проводить свой курс. Однако его ожидания не оправдались. Несмотря на все старания корсиканца, Мария Людовика устояла.

Зато кайзер Франц окончательно попал под влияние зятя. Он готов был идти за ним хоть на край света, что казалось совершенно невероятным, учитывая его обычную сдержанность, неэмоциональность его натуры. К изумлению своего канцлера, Франц I собрался сопровождать Наполеона в предстоящем походе. Меттерниху пришлось объединить усилия со своей ненавистницей Марией Людовикой, чтобы удержать распалившегося кайзера.

Сам Меттерних высоко оценивал результаты встречи. «Как я и предвидел (один из любимых его оборотов. – П. Р.), – писал он «верному» Гуделисту, – Наполеон пустил в ход все свое кокетство по отношению к нашему монарху. Оба императора абсолютно довольны друг другом, и наше пребывание здесь будет иметь самые плодотворные последствия»²³⁶. Как замечает швейцарский историк Э. Корти, Меттерних был «более уверен в победе Наполеона, чем тот сам»²³⁷.

Но Меттерних не был бы самим собой, если бы не попытался подстраховаться на случай, пусть самый маловероятный, неудачи. В глубочайшей тайне через генерала Нюджента он пытается успокоить англичан. Встречаясь с представителями Пруссии и России Гумбольдтом и Штакельбергом, Меттерних убеждает их, что франко-австрийский договор направлен на сохранение мира²³⁸. Своему, можно сказать, специальному посланнику в России Лебцельтерну Меттерних поручил успокоить русских через посредство слывшего другом Австрии Кошелева. Хотя Сен-Жюльен затребовал свои паспорта вслед за французским послом в Петербурге Лористоном, это не было полным разрывом отношений. Он просил разрешения остаться в российской столице секретаря посольства. Сен-Жюльену сначала тоже предложили остаться в Петербурге в качестве частного лица. Царь, правда, вопреки Кошелеву, был против сохранения связей с Австрией после разрыва дипломатических отношений, но Меттерних, объявляя России войну, дал понять Штакельбергу, что их личные отношения не меняются и тот может оставаться в Австрии, но только не в Вене, Бадене и Теплице. И действительно, российский посол Штакельберг всю войну прожил в своем доме в Граце, поддерживая постоянную переписку с австрийским канцлером²³⁹.

Чтобы смягчить российского императора, Меттерних в разговоре со Штакельбергом перед началом кампании уверял того, что Австрия будет играть исключительно вспомогательную роль, она будет создавать видимость участия в военных действиях, вести себя подобно тому, как вела себя Россия в 1809 г. Как и Россия, Австрия опасается того, что Наполеон завоеует всю Европу. Россия всегда может рассчитывать на Австрию как на друга в наполеоновском лагере, как на возможного посредника в мирных переговорах. При этом Меттерних не упустил возможности уколоть Штакельберга, напомнив, что Россия все-таки получила в 1809 г. вознаграждение за счет австрийской Галиции. Австрия же, утверждал канцлер, не претендует на чужие территории. Поскольку союзный договор с Францией перестал быть тайной, Меттерних

²³⁶ Цит. по: Corti E.C. Op. cit. S. 332.

²³⁷ Ibid. S. 336.

²³⁸ Demelitsch F. von. Op. cit. S. 596.

²³⁹ Ibid. S. 599.

упомянул Силезию, но подчеркнул, что Австрия примет эту территорию только в том случае, если Пруссия получит компенсацию.

Когда заговорили пушки, дипломатам пришлось умолкнуть, отойти в тень до своего часа. Меттерниху тоже оставалось ожидать вестей из России, чтобы не упустить подходящий момент и зорко наблюдать за внутренней оппозицией. Приближался кульминационный период его политической жизни.

Глава IV. «...в Бонапарта гусиное перо направил Меттерних»

I

Именно благодаря событиям тех примерно двух лет, о которых пойдет речь в этой главе, Меттерних был вознесен историей до уровня вершителей судеб Европы. Ему приходилось гораздо чаще приравниваться к обстоятельствам, чем подчинять их себе. Фигурой всемирно-исторического масштаба он стал не в силу собственных выдающихся качеств, а в результате противостояния, в известной степени вынужденного, такой грандиозной исторической личности, как Наполеон.

По иронии истории как раз этот самый остросюжетный и динамичный период жизни сам Меттерних постарался подогнать под свой искусственно созданный постфактум образ хитроумного врага Наполеона, сумевшего постепенно опутать гиганта почти невидимыми, но прочными сетями. Ради этого пришлось замуровать в архивах свидетельства, опровергавшие легенду о Меттернихе как последовательном, но терпеливо ожидавшемся своего часа противнике Наполеона. Основательно поработавший в архивах Э. Корти отмечал, что Меттерних поступил вразрез с собственной декларацией, заявленной в 1849 г., когда изгнанный революцией канцлер жил в Англии: «Мое страстное желание, чтобы все, что я когда-либо написал, стало достоянием гласности». На самом деле он собственноручно делал пометки в предназначенных к печати документах, указывая, какие из них следовало публиковать, а какие опускать. Особые же усилия Меттерних прилагал к тому, чтобы заставить всех забыть, «как сильно был он привержен Наполеону до 1812 г.», и убедить, «что он будто бы никогда не верил в его звезду, а все предчувствовал и предвидел заранее»²⁴⁰.

Первые вести из России, казалось, подтверждали расчеты и прогнозы австрийского канцлера, правда, достигали Вены они с большим запозданием. Так, о вступлении Наполеона в Москву стало известно через 20 дней. Судьбу России Меттерних считал предрешенной, пророчил ей «утрату европейской экзистенции». После Бородинского сражения Клеменс пишет Францу: «Во всяком случае Россия будет отброшена на сто лет назад»²⁴¹.

Однако он не исключает нового Тильзита даже в том, почти невероятном, на его взгляд, случае, если царь все же одержит победу. Ведь он будет слишком слаб, чтобы продолжать войну за пределами России²⁴². Неожиданно Наполеон требует от Австрии 80 тыс. солдат. Это было первым сигналом о неблагополучии дел Великой армии. Тем не менее Меттерних не может воспринять поражение Наполеона как реальность. Его мысли все еще бьются в тильзитской колее. Под этим углом зрения он расценивает миссию Лористона, бывшего французского посла в России, отправленного теперь Наполеоном к Александру I для мирных переговоров. Изощенный ум Меттерниха подсказывает ему ход, который становится уже традиционным в его дипломатическом искусстве. Почему бы Австрии не предложить свое посредничество? Чтобы предотвратить пугающий его новый Тильзит, канцлер предлагает идею «всеобщего мира»²⁴³. Тогда Австрии и ему лично достанутся лавры спасителя Европы, а самое главное, не будет

²⁴⁰ Corti E. C. Op. cit. S. 10.

²⁴¹ Ibid. S. 360.

²⁴² Demelitsch F. von. Op. cit. S. 545.

²⁴³ Ibid. S. 548.

резко нарушен европейский эквilibр, не успеют поднять голову опасные подрывные силы, проникнутые революционным и национальным духом.

Через своего «верного» Флоре Меттерних спешит поделиться с французским министром иностранных дел Маре своей «прекрасной мечтой». Клеменс предлагает собственные услуги в качестве посредника-умиротворителя. Он готов немедленно отправиться в самый отдаленный уголок России²⁴⁴. Идею австрийского канцлера французский министр воспринял весьма одобрительно, но сожалел, что без участия Англии мирный процесс не будет носить всеобщего характера, а вовлечь упрямых британцев в это дело вряд ли удастся.

К тому же Маре и дипломатическому корпусу по распоряжению Наполеона пришлось срочно перебираться в Варшаву, где после потери Великой армии временно обосновался император. Там же оказался и Флоре. В депеше, адресованной ему (от 9 декабря 1812 г.), Меттерних чувствует себя увереннее. Великой армии больше нет, цена победы для России тоже достаточно велика, Австрия, похоже, обретает свободу рук. Складывается ситуация, которую Меттерних прогнозировал и обсуждал с Талейраном еще во времена своего парижского посольства.

Но с неожиданной стороны вдруг раскрылся русский царь, тот самый, которого Меттерних считал неспособным противостоять гиганту. Тревогу вызывало стремление царя использовать «силу и взлет национального воодушевления»²⁴⁵.

Пока Меттерниха больше занимает проблема всеобщего умиротворения, которое обеспечивает Австрии почетное место в Европе, чем вопрос – на чью сторону стать. Канцлер всячески подстегивает формирование новых полков и дивизий, чтобы быть не просто посредником, а арбитром. От обилия вариантов, множества комбинаций опять прямо-таки кружится голова.

Заверяя в преданности французов, Меттерних начинает оказывать на них давление. В тайной депеше Флоре он дает указание, чтобы тот намекнул Маре, что Россия сулит Австрии золотые горы, а Англия готова предоставить ей субсидию в 10 млн. Флоре поручено сказать французам, чтобы они не вводили войска в Галицию, так как это может спровоцировать русских²⁴⁶. К Наполеону был отправлен один из искуснейших австрийских дипломатов граф Бубна, пребывавший в незаслуженной опале у императора Франца.

Наполеон готов выслушивать мирные идеи и планы, но лишь для того, чтобы требовать от австрийцев платежей по векселям союза 14 марта 1812 г. Ему нужны пехотинцы и кавалеристы, особенно лошади взамен погубленных в России. Дополнительно к корпусу Шварценберга он требует 30 тыс. пехоты и 12 тыс. кавалерии²⁴⁷.

20 декабря 1812 г. корпус Шварценберга продвигается к Варшаве, чтобы воспрепятствовать пруссакам вторгнуться вглубь территории великого герцогства Варшавского. О позиции Шварценберга можно судить по таким его словам: «Чем больше оба колосса взаимно ослабят друг друга, тем лучше»²⁴⁸. С солдатской грубоватостью он высказал то, что было теперь на уме у Меттерниха. К русским с миссией, аналогичной миссии Бубны у французов, он посылает графа Штадиона. Тому легче найти общий язык с царем, он всегда принадлежал к «русской партии». Одновременно Клеменс избавлялся от опасного соперника, так как его позиции сильно ослаблены из-за поражения Наполеона, и венские враги могли бы попытаться заменить его Штадионом.

Хотя Меттерних еще не собирается разрывать союз с Наполеоном, но от союза он все явственнее дрейфует к посредничеству. Линию барона Штейна и других прусских патриотов, взывавших к немецкому национальному чувству, к мести, Меттерних решительно отвер-

²⁴⁴ Ibidem.

²⁴⁵ Ibid. S. 551.

²⁴⁶ Ibid. S. 556.

²⁴⁷ Ibid. S. 560.

²⁴⁸ Цит. по: Corti E. C. Op. cit. S. 364.

гал. Обращение к массе – игра с огнем, таящая непредсказуемые угрозы для монархов. В депеше, адресованной Н. П. Румянцеву, Штакельберг, ссылаясь на мнение Меттерниха об опасности народных движений, отмечает, что подобный взгляд разделяет и баварский посланник граф Рехберг: «Оба считают, что эта палка о двух концах. Они опасаются того, что, отпустив однажды поводья, правительства окажутся не в состоянии снова взять в свои руки бразды правления и что, единожды усвоив эту школу, немцы могут стать опаснейшими последователями только что обузданных французских якобинцев»²⁴⁹.

Национально-революционный подъем для Меттерниха неизмеримо опаснее Наполеона. Политика – дело немногих избранных. Не нужно ничего героического. Только верные средства. Предстоит захватывающая шахматная партия, а если точнее, нечто вроде сеанса одновременной игры на нескольких досках сразу. Это требует напряжения всех интеллектуальных и нервных потенциалов. Ему противостоит множество внешних противников и соперников, а кроме того, плетут заговоры и в самой Австрии.

В конце января 1813 г. Меттерних получил письмо эрцгерцога Иосифа (его переписка все еще была под контролем) к его теще, императрице-матери Елизавете Федоровне. Вице-король Венгрии жаловался на то, что его брат следует неверным советам. «Тягостнее всего, – писал он, – видеть, что мы боремся за чуждое для нас дело, против наших естественных союзников»²⁵⁰. Палатин Иосиф ссылаясь при этом на единство взглядов с императрицей Марией Людовикой. Об этом канцлер и кайзер уже знали. Меттерних надеялся, и не зря, что Франца выведут из себя заключительные слова письма: «Императрица, мои братья и все разумные люди придерживаются такого же мнения». На всякий случай Меттерних даже сочинил за Франца письмо непокорному брату. Хотя письмо отослано не было, но император при всей внешней невозмутимости затаил зло на братьев. Канцлер тем самым в какой-то мере подстраховал себя с этой стороны.

Французский посол граф Отто 20 февраля сообщал о покушении на Меттерниха. Два офицера напали на него, когда он возвращался из «одного дома» (предположительно от Е. Багратион, которая оставалась в Вене во время войны). Покушавшиеся были схвачены²⁵¹. Подозревали, что нити покушения тянулись от «русской партии».

Брат императора эрцгерцог Иоанн начал готовить выступление в западной части Австрии, чтобы народным восстанием в духе Штейна подтолкнуть императора Франца на решительные действия против Наполеона. Предполагалось сформировать «Альпийский союз» из патриотически настроенного населения. Как обычно, среди заговорщиков нашелся предатель и выдал своих товарищей Меттерниху. Среди главных организаторов сорвавшегося выступления оказался директор венских архивов И. Хормайр, заклятый враг Меттерниха, который позднее напишет буквально уничтожающую биографию канцлера.

Нити заговора, естественно, тянулись к Англии. Хормайр был связан с английским дипломатическим агентом Дж. Х. Кингом. Англичанин обещал деньги и помощь британских военных кораблей в Адриатике. Были контакты и с русскими, готовилось покушение на Меттерниха, в котором видели союзника Наполеона.

Ответные меры последовали незамедлительно. На курьера, отправленного Кингом к послу Каткарту в Петербург, в ночь с 25 на 26 февраля напали «уличные грабители», избили, отобрали сумку с бумагами. Так были получены необходимые улики. Хормайра арестовали, а эрцгерцог Иоанн был вызван в госканцелярию, где получил выволочку от брата-императора, припомнившего ему и былые провинности. Однако в Вене многие видели в противниках ненавистного министра героев. Кайзер же Франц в противовес антиметтернихским настроениям

²⁴⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века (далее – ВНР). Серия первая. М., 1970. Т. VII. С. 112.

²⁵⁰ Цит. по: Corti E. С. S. 367.

²⁵¹ Bertier de Sauvigny G. de. Op. cit. P. 147.

возвел своего министра в звание канцлера Ордена Марии Терезии, которого не удостоивался никто после смерти Кауница. Насколько силен был антиметтерниховский синдром, свидетельствует то обстоятельство, что он задел даже Шварценберга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.